

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№ 7 Liberal* | May 2015

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Daniela Grava (Italy), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus), Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Magdalena Petrova Kostova-Pananyotova, Mariyana Parzulova (Bulgaria), Jemal Mehmed (Turkey)

“Hypothetics: everlasting stories”

Ferdinand de Saussure confessedly didn't like to deal with issues of family life. Of course, the considerable part of such cares was laid on the shoulders of the scientist's spouse, and the main household works were performed by servants. But nevertheless the family head was periodically compelled to pay certain attention to problems of housekeeping - to his obvious displeasure. And we should admit that such displeasure was based on strong reasons. Saussure was extremely busy with his scientific researches and pedagogical activity. The scientist used to spend a lot of time travelling between Switzerland and France because his lectures on semeiology and structural linguistics were constant success in the Geneva university and in Practical school of the highest researches, scientific centers of which were located in different cities of France and in Sorbonne. Therefore, Saussure practically had no time for rest or other business not connected with science.

And when this kind of a chance unexpectedly appeared, the outstanding linguist liked to have some rest in a lonely place in the company of his own reflections – just like the true scientist ought to do. In seldom moments of such rest Saussure could be seen walking slowly along the picturesque coast of Lake Geneva...

However early in the morning on April 28, 1892, absolutely unexpectedly for himself Ferdinand found out that there weren't any lectures, debates with colleagues or laboratory researches noted in his personal daily planner for this cloudy spring day... Saussure even became a little confused of this unexpectedly appeared freedom. The scientist's spouse, however, detected changes in her husband's mood very quickly and after complaining about the absence of the sick cook, quickly equipped Saussure for a campaign to the grocery store...

...Morning Geneva was beautiful. In spite of the fact that the sky was full of dense clouds, the city was like filled with pacification and optimism. The close mountains, river and lake waters filled the air with the ringing freshness. City avenues and park lawns were shimmering with emerald vegetable dresses. Horse crews moved on roads from time to time resounding the area with the knocking of hoofs and jingle of wheels. From bakeries and cafeterias an appetizing savor of fresh pastries flew around. Ringing voices of boys selling fresh newspapers could be heard from everywhere...

Suddenly Ferdinand saw the whole crowd of gapers and passersby around one such boys. The scientist intrigued with this circumstance went to the crowd and became the witness of the following: the young newspaper-boy pulled the latest issue of the “National Zeitung” to himself while the other end of the newspaper was held by the dandyish young man in a checkered suit.

- Sir, please, give me the newspaper back or pay for it! – Once again the boy begged whiningly. – I need to give revenue to the publisher in the evening and only then I will get paid myself! All the shortage I should remunerate from my own pocket!

- I beg you, boy, don't yell! – The young man answered through the clenched teeth, nervously twitching his black short moustaches and smiling unpleasantly. – I am ready to pay, but I have the large denomination and you won't give me the change. That is why I am borrowing the newspaper from you: I will read it here in the nearby cafe and give it back.

- I can't give it just like that! – The little dealer insisted. – You will rumple it, and it will lose a trade dress!

- I don't really understand why I should pay for paper and some letters which I don't even need. After all I only need news - information on events which belongs to everyone and doesn't cost any money! – The impudent fellow parried philosophically and looked around hoping to find support.

- Sirs, allow me to assist you in settling of the arisen dispute! – Ferdinand de Saussure unexpectedly interfered with the occurring events and went into the center of the improvised circle formed by people around the debaters. – Here it was said that letters, and therefore texts built of them, have no value and that it they shouldn't cost any money. Perhaps, it was meant that language in general doesn't worth our respect: we got used to our writing, reading and speaking abilities and we often don't see any value in them. However, I dare paying your attention to the notion that money is also a data carrier being only a small piece of paper with symbols... Why, there is often much less meaning in them, than even in the most insignificant newspaper note and moreover - in the sound book.

The scientist looked at the audience attentively. During his speech he admitted that the young man has already let go of the newspaper, and the beetle-browed boy has fold it up and placed in his big bag.

- And so, my dear information lover, - Saussure turned to the moustached dandy, - We are both people, that is - the thinking beings. The thought predetermines the human society civilization level, its culture, values and collective progress. At the same time, development of thought is indissolubly connected with evolution of the language and improvement of the speech... Perhaps, you'd be surprised, but we owe to “letters” a lot. There couldn't be even any expensive checkered suits and barbers, skillful in a fashionable moustache dressing without letters...

With these words the linguist stretched out his hand with some coins to the boy looking at him delightfully, and took the ill-fated issue of the «National Zeitung». Then he bowed saying goodbye to the puzzled witnesses of the described events, and slowly moved towards the nearest grocery store.

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
May 11, 2015

GISAP: Philological Sciences №7 Liberal* (May, 2015)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov

Copyright © 2015 IASHE

ISSN 2053-1532
ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Standichenko, Valentina Kuznetsova

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949, e-mail: office@gisap.eu, web: http://gisap.eu

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

O.V. Nazarenko, *Sumy State University, Ukraine*
POLYASPECTS OF PROPER NAMES IN ENGLISH FAIRY TALE DISCOURSE AND THEIR COMMUNICATIVE ASPECT.....3

I. Usachenko, *Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine*
ON THE ISSUE OF FUNCTIONING OF THE ENGLISH LANGUAGE IN MODERN SWEDEN.....6

O. Shumenko, *Sumy State University, Ukraine*
SEMANTICS OF ENGLISH NUMERALS IN PHRASEOLOGICAL UNITS.....9

L. Yekshembeyeva, *Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan*
LANGUAGE AS THE INSTRUMENT OF PERSONAL SOCIALIZATION IN THE FOREIGN-LANGUAGE ENVIRONMENT..... 13

E. Mincu, *Nicolae Testemitanu State University of Medicine and Pharmacy, Moldova*
SCIENTIFIC GREEK-LATIN ELEMENTS USED TO EXPRESS NEW THINGS IN THE LANGUAGE.....17

E.I. Boychuk, *Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University, Russia*
SOUND SYMBOLISM AS THE SUGGESTIVE INFLUENCE MECHANISM (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE).....21

D. Hamze, *Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria*
«MYTH» ABOUT THE INFINITE AFFECTIONATION OF DIMINUTIVE WORDS IN THE NOVEL “SPACE” BY WITOLD GOMBROWICZ.....24

M. Balasanian, *Samtskhe-Javakheti State University, Georgia*
MOTIVATION OF INNOVATIONS.....29

A. Zalevskaya, *Tver State University, Russia*
«LEXICON ORCHESTRA» AND MATTERS OF SCIENTIFIC METHODOLOGY IN RELATION TO THE LANGUAGE.....32

S. Ayazbekova, *Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan*
LINGUAL GENERALITY AS AN INSTRUMENT OF THE CIVILIZATION FORMATION (ON THE EXAMPLE OF TURKIC CIVILIZATION).....37

O. Ikonnikova, *Southern Federal University, Russia*
CLALLAM AS AN EVENT-DOMINATED LANGUAGE.....41

T.I. Yamchynska, *Vinnitsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii, Ukraine*
CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN THE AMERICAN LITERATURE OF THE XX –XXI CENTURIES.....43

V. Lee, *Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan*
LANGUAGE GAME AS THE MECHANISM OF INFLUENCE ON THE ADDRESSEE (ON THE MATERIALS OF TEXTS OF NEWSPAPER PUBLICATIONS).....46

E. Dolgaleva, *Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia*
FOREIGN WORDS IN THE RUSSIAN LEXICAL SYSTEM.....51

S.M. Buchatskaya, *Vinnitsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii, Ukraine*
LINGUISTIC PERSONALITY IN THE BUSINESS DISCOURSE CONTEXT55

CONTENTS

Назаренко О.В. , <i>Сумской государственной университет, Украина</i> ПОЛИАСПЕКТЫ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ И ИХ КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ	3
Усаченко И.В. , <i>Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского, Украина</i> К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ.....	6
Шуменко О.А. , <i>Сумский государственный университет, Украина</i> СЕМАНТИКА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ.....	9
Екшембеева Л.В. , <i>Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан</i> ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	13
Минку Е.А. , <i>Академия наук Молдовы, Институт Филологии, Государственный Университет Медицины и Фармации им. «Николае Тестемицану», Молдова</i> НАУЧНЫЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ НОВОГО В ЯЗЫКЕ.....	17
E.I. Boychuk , <i>Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University, Russia</i> SOUND SYMBOLISM AS THE SUGGESTIVE INFLUENCE MECHANISM (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE).....	21
Хамзе Д.Г. , <i>Пловдивски университет им. Паисия Хилендарского, Болгария</i> “МИФ” О БЕСКОНЕЧНОЙ ЛАСКАТЕЛЬНОСТИ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В РОМАНЕ ‘КОСМОС’ ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА.....	24
Баласаниян М.А. , <i>Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия</i> МОТИВАЦИЯ ИННОВАЦИЙ.....	29
Залевская А.А. , <i>Тверской государственной университет, Россия</i> «ЛЕКСИКОН ОРКЕСТР» И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ.....	32
Аязбекова С.Ш. , <i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казахстанский филиал, Казахстан</i> ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ).....	37
O. Konnikova , <i>Southern Federal University, Russia</i> CLALLAM AS AN EVENT-DOMINATED LANGUAGE.....	41
T.I. Yamchynska , <i>Vinnitsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii, Ukraine</i> CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN THE AMERICAN LITERATURE OF THE XX –XXI CENTURIES.....	43
Ли В.С. , <i>Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ).....	46
E. Dolgaleva , <i>Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia</i> FOREIGN WORDS IN THE RUSSIAN LEXICAL SYSTEM.....	51
S.M. Buchatskaya , <i>Vinnitsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii, Ukraine</i> LINGUISTIC PERSONALITY IN THE BUSINESS DISCOURSE CONTEXT	55

POLYASPECTS OF PROPER NAMES IN ENGLISH FAIRY TALE DISCOURSE AND THEIR COMMUNICATIVE ASPECT

O.V. Nazarenko, Lecturer
Sumy State University, Ukraine

The article is devoted to the question of proper names deviation and dependence of proper names selection on the society, social position and personal qualities of characters. The main focus is concentrated on assimilation of borrowed proper names in terms of the chosen fairy tale discourse.

Keywords: proper names, communicative aspects, semantics, fairy tale discourse, pragmatic orientation, allusion.

Conference participant, National championship in scientific analytics

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.936>

The article is devoted to polyfunctioning of proper names, focusing on their communicative aspect in English fairy-tale discourse. Such linguists as Superanskaia A. [1], Spivak S. [2], Yarova S. [2] and many others devoted their works to proper names and their communicative-cognitive modus researching. Still communicative aspect of proper names in fairy tale discourse is not totally investigated and demands especial attention of contemporary researchers.

The object of the article is proper names. The subject of the research is communicative information decoding, implicated in proper names, which helps understanding the narrator's message to readers completely. Urgency of the topic is connected with constantly growing interest of linguists to semantic, communicative and pragmatic meaning of proper names in the fairy-tale discourse.

The aim of the article is to investigate communicative influence of proper names on the addressee and to distinguish main means of onyms creation and specification of their usage in the English fairy-tale discourse.

Contemporary linguistics pays significant attention to communicative and pragmatic aspects of the fairy-tale discourse and its constituents. Proper names are the obligatory component of the fairy-tale discourse. They contain semantic, communicative and pragmatic meaning. According to New Webster's Dictionary definition, proper name is a word or a group of words (such as "Noah Webster," "Kentucky," or "U.S. Congress") that is the name

of a particular person, place, or thing and that usually begins with a capital letter [4]. Proper names became codes of background knowledge, specifically compressed and nationally coloured texts which keep in their semantic memory cultural and historic subjects mingled in social consciousness [2, p. 1]. With the help of proper names the narrator tries not only to identify a certain object, but to provide some information about a certain object or even to affiliate some extra information with this name and also to express feelings connected with this object, assess it [3, p. 233]. Proper names not only characterize their owners, but with the help of their inner forms indicate motivations to psychological and physical indication of the owner, his habits, hobbies and activity. For instance, in J. R. R. Tolkien's novel "The Lord of the Rings" the author associates hobbits, who are nice and friendly shortish creatures with plants and animals, giving them appropriate names. Confer: Peony ("пион"), Daisy ("маргаритка"), Gilly (from English "gillyflower" – "левкой сивий"), Brockhouse (brock – archaic "барсук"), Brandybuck (ancient English "bucc" – "самец оленя") [5].

Means of nomination and images taken as the basis of a name are ethnically proved despite the fact that that typical nature and anthropological universals are present in the name imagery. Names and nicknames in colloquial speech are connected with realities, traditions and religion. Culture and social life of certain society are reflected in proper names [1, p. 22].

In the fairy-tale discourse the narrator intends to express the idea of his work through the description of his characters. A proper name given to the character becomes a thematic word. Due to its bifunctionality a name is accepted and associated together with a character. It obtains the right not only to indicate a certain object but also to be its so called characterological representative. Ethnically and anthropologically based proper names clearly show bright typical features of a certain character, creating various qualifications of main and moreover secondary characters and emotional background of the communicative situation in general. Here a traditional literary method works - introducing characters' proper names carrying extra thematic meaning in a piece of fiction. Such names are not obligatory for main characters, nature and personality of which are mainly clear and understandable in the fairy-tale discourse [1, p. 287]. Being together they create various qualifications of a character which is included in the formation of a name's meaning structure.

Communicative aspect of the fairy-tale discourse is represented by a triad: narrator – character – reader. Typical feature of this communication is the narrator's ability to address readers through his characters or personally by himself. The author's world in this case obtains special significance. On the one hand, revealing some aspects of the text, it makes the information adoption easier. On the other hand, mingling with characters' world makes adoption of information in the author's and

reader's dialogue more complicated. Main communicative intention of the author's introductions in English fairy tales is to draw reader's attention to the fairy tale, accepting and adjusting him to appropriate mood. If the text of fairy tale was accepted and understood, it means that narrator has coped with his communicative mission [6, p. 114]. It is good to mention here that the narrator can influence the reader directly and suggestively.

In fiction the appeal of proper names to common names is presented in the so-called speaking names. Having become proper on the basis of common names speaking names again tend to common names which denote features more typical for the character. This can be seen from the scheme COMMON NAME → PROPER NAME → COMMON NAME. Character's name is an important factor in literature works creation. It actualizes author's pragmatic direction of the text to the reader's interaction. Extra characterological meaning of speaking proper names of fairy tale characters is marked by the semantic diversity and obligatory directing on the reader, his age and psychological peculiarities. For instance, in fairy tales by Roger Hargreaves main characters' names implicate positive or negative human features. Confer: Little Miss Helpful, Little Miss Shy, Little Miss Fun, Little Miss Trouble, Little Miss Chatterbox, Little Miss Late, Little Miss Lucky, Little Miss Busy, Little Miss Quick, Little Miss Wise, Little Miss Greedy [7, p. 10].

Connotative meaning of the anthroponym helps transferring author's attitude to his characters, adding realism to the situation, creating friendly atmosphere and characterizing the holder of the name. Extralingual connotation comes from the qualities of the object. In this case extra evaluative load of proper names is in its denotative meaning; feelings and associations are connected not with the onym itself, but with its owner [8, p. 15].

In the examples from J. Rowling's books about Harry Potter we understand that deliberate transformation of foreign anthroponyms with the help of affixes or extra words reveals the social status or the educational level of the speaker

or the author's negative and arrogant attitude to the character he gives such a name to.

Confer: She had rounded the corner and vanished from the view before Uncle Vernon's voice floated out of the window again."Dudders out for tea? [9]. – Она уже завершила за угол и скрылась из виду, когда из окна опять поплыл голос дяди Вернона. – Значит, Дудлика пригласили в гости на чай. – Щойно вона завершила за ріг і зникла з його поля зору, як з вікна знову долинув голос дядька Вернона: – Дадік пішов до когось на чай?

"You don't tell her to shut her dirty mouth. What about "Popkin" and "Dinky Diddydums", can I call you like that?" [9]. – А ей ты не говоришь "заткни свой поганый рот"... Так как насчет "Попкин" или "Динки Дуддидум"? Мне можно тебя так называть? – А їй ти не радиш заткнути пельку. Ну, може, тоді "Попульчик" або "Гарнюній Дадасик"? Так можна називати?

From the above-given examples we can see that with the help of English suffixes -kins, -dum, -er, the author shows us Harry's contemptuous attitude to his cousin, characterizing Dudley not in a positive way. In Ukrainian and Russian versions in order to achieve the same effect stylistically marked suffixes -ік, -ічк, -асик, -ик, -икин, -дум are also used.

Selection of a name and a surname for the character is a stylistic method used by many authors in order to reveal the sense of the book deeper. When a proper name nominates a character, it immediately gets a purpose not only to indicate a denoted object, but to give it the sense and the characteristics which the narrator implicates in it. So in this way onym denotes character's qualities. Proper names from J. Rowling's books about Harry Potter can serve as an example of such processes as the appealing vector transferring. For example, we have such proper names as Albus Dumbledore and Voldemort. Analyzing these names we can come to the conclusion that they denote all the meaning of objects identified by them very precisely. According to the fairy tale about Harry Potter Albus Dambledore is a kind wizard who teaches white

magic. It is appropriate to mention here that from Latin albus is a white colour, that is the colour constantly associated with kindness, purity and wisdom. Voldemort is a negative character who rules the evil forces, brings death and destruction. In this very case analyzing the onym itself we can understand the meaning of this proper name, as far as its stem mort means death [10, p. 57]. Semantic meaning of this onym has so negative and evil basis that all the characters of the book fear even that wizard's name. They use substitutions for his name and the one who dares pronounce his name is interrupted on half a word. Confer: Engl. You-Know-Who, Ukr. Сам-Знаєш-Хто; Engl. He-Who-Must-Not-Be-Named, Ukr. Той-Кого-Не-Можна-Називати; Engl. You-Know-Who's-Name, Ukr. Ім'я-Сам-Знаєш-Кого.

Anthroponyms can be classified as occasional (which bring linguistic associations) and allusive (which bring extra-linguistic associations). Allusion implementation imposes excessive demands on the reader's erudition, culture and knowledge. Allusions intensify esthetic influence of fiction on readers [1, p. 237]. This influence is based on intensive associative connections which combine text and extra-lingual reality. With the help of metaphorical proper names text is somehow connected with people and events of different epochs, cultures and also other literature texts. The reason of this is in great variety of metaphorical proper names. They consist of the names of historical personalities, mythological characters, literature characters, references to historical events.

One of the examples of characters possessing allusive names in fairy tales about Harry Potter is main positive wizard – the headmaster of Hogwarts Albus Dumbledore. The first information Harry got concerning Albus Dumbledore was about his triumph over a wicked wizard named Grindelwald. Out of this two allusions come. Firstly, the name Grindelwald is similar to the name of monster Grendel from Norway saga of the 8th century Beowulf and Grendel. It is followed by the next interesting observation concerning connection between Grindelwald and

Dumbledore. The second name of Dumbledore is Wulfric. We can divide these names in the following way: Beowulf into beo – bee – “бджола” and wulf – wolf – “вовк”; Wulfric (Dumbledore’s second name) into wulf – wolf – “вовк” and ric – power – “влада, правління” [10, p. 60]. If we take into consideration that Dumbledore triumphed over Grindelwald we may consider that Dumbledore’s second name is allusion to Beowulf and the name Grindelwald is allusion to Grendel.

Another relevant example is Granger Hermione. Hermione – is the queen in Shakespeare’s “The Winter Tale” who is an example of dignity without arrogance, love without passion, tenderness without weakness. The same features J. Rowling gives to main character’s friend. This image is also interesting because surname Granger means “farmer”, so the heroine is of low origin but can become a queen [10, p. 63]. In the fairy tale Hermione comes from non-magical family that’s why some wizards consider her to be of not proper origin, but due to her abilities she became the best student of the school – and can be named a queen.

So we come to the conclusion that communicative aspects of proper names in the English fairy-tale discourse are reflected in the semantic variety of proper names and their structural peculiarities. The main function of proper names in the fairy-tale discourse is not just to nominate a character but to evoke certain reader’s emotions and render the narrator’s message to next generations implicated in proper names. Exactly through proper names the author transfers decoded information about characters, their roles and places in the fairy-tale discourse and the society. Proper names can be considered as the storages of objectively logical, esthetic, figurative, emotional and evaluative information.

References:

1. Superanskaja A.V. Obshhaja teoriya imeni sobstvennogo [General theory of a proper name]., A.V. Superanskaja. – Moskva., URSS, 2007. – 368 P.

2. Spivak S.M. Vlasna nazva v kompozicijno-smislovij strukturi virshovanih tekstiv amerikans'koj poezii: komunikativno-kognitivnij pidhid [Proper names in the composition-semantic structure of verse texts of the American poems: communicative-cognitive approach]., Avtoreferat. – Kiiiv., 2004. – 19 P.

3. Jarova S.A. Funkcionuvannja vlasnih nazv u hudozhn'omu teksti ta problema ih perekladu [Functioning of proper names in the fiction text and the problem of their interpretation]., Filologichni studii [Philological studies]. – Luc'k., 2004., No. 1., pp. 230–235.

4. An encyclopedia Britannica Company [Electronic resource] – Access mode: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/proper%20noun>

5. J.R.R. Tolkien. The Lord Of The Rings: The Fellowship of the Ring [Electronic resource] – Access mode: http://ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien_the_lord_of_the_rings_1_en.htm

6. Behta I. A. Diskurs naratora v angломovnij prozi [Narrator’s discourse in the English prose]., – Kiiiv : Gramota, 2004. – 304 P.

7. Hargreaves R. Mr. Tickle’s Tickle Day. – Handforth, Cheshire : Egmont World Ltd., 1999. – 11 P.

8. Nef’odova O.D. Osoblivosti lingvostilistichnoї organizacii tekstu britans'koї literaturnoї kazki [The text linguistic organization peculiarities in relation to the British literary fairy tales]., avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. [Dissertation thesis by the Candidate of Philology: 10.02.04], Harkiv. nac. un-t im. V.N. Karazina. – Harkiv., 2001. – 18 P.

9. J.K. Rowling. Harry Potter and the Philosopher's Stone [Electronic resource] – Access mode: http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/71079/0/Rowling_1_Harry_Potter_and_the_Philosophers_Stone.html

10. Berezhna M. V. Antroponimija ditjachoї literaturi zhanru fentezi [Anthroponymy of fantasy literature for children]., Nova filologija [New Philology]: Collected Works. – Zaporizhzhja., ZNU, 2007., No 27. – 333 P.

Литература:

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : УРСС, 2007. – 368 с.

2. Співак С. М. Власна назва в композиційно-смісловій структурі віршованих текстів американської поезії: комунікативно-когнітивний підхід: Автореферат. – Київ, 2004. – 19 с.

3. Ярова С. А. Функціонування власних назв у художньому тексті та проблема їх перекладу // Філологічні студії. – Луцьк, 2004. – №1. – С. 230–235.

4. Британская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/proper%20noun>

5. Дж.Р.Р. Толкиен Властелин колец: Братство кольца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien_the_lord_of_the_rings_1_en.htm

6. Бехта І. А. Дискурс наратора в англomовній прозі. – Київ : Грамота, 2004. – 304 с.

7. Hargreaves R. Mr. Tickle’s Tickle Day. – Handforth, Cheshire : Egmont World Ltd., 1999. – 11 p.

8. Неф’одова О.Д. Особливості лінгвостилістичної організації тексту британської літературної казки: автореферат дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2001. – 18 с.

9. Дж. Роулинг Гарри Поттер и философский камень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/71079/0/Rowling_1_Harry_Potter_and_the_Philosophers_Stone.html

10. Бережна М.В. Антропонімія дитячої літератури жанру фентезі // Нова філологія : Збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2007. – № 27. – 333 с.

Information about author:

1. Olena Nazarenko - Lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: hapushka@rambler.ru

ON THE ISSUE OF FUNCTIONING OF
THE ENGLISH LANGUAGE IN MODERN
SWEDEN

I. Usachenko, Lecturer
Mykolayiv National University named after V.O.
Suhomlinskiy, Ukraine

The article outlines the current status of English in the world and analyzes some aspects of its functioning in Sweden as a foreign language in terms of the continuous development and internationalization of the country.

Keywords: language situation, global language, national language, killer language, linguistic dominance, Kachru's model, language policy.

Conference participant

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В
СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

Усаченко И.В., преподаватель
Николаевский национальный университет им. В.А.
Сухомлинского, Украина

Статья очерчивает современное положение английского языка в мире и анализирует некоторые аспекты его функционирования в Швеции в качестве иностранного языка в условиях постоянного развития и интернационализации государства.

Ключевые слова: языковая ситуация, язык мирового значения, национальный язык, язык-убийца, лингвистическое доминирование, модель Качру, языковая политика.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.937>

Английский язык занимает особое положение в мире, будучи глобальным и международным языком. Ученые называют его «лингва франка» по справедливой причине: он используется большим количеством людей в Европе и мире, выполняя функцию «спасательного круга» в таких областях, как туризм, наука, транспорт, культурный обмен.

Важный аспект растущего доминирования английского языка породил множество научных дискуссий. Ключевым стал вопрос внедрения английского языка в другие языки, которое повлекло за собой массовые заимствования на всех уровнях. Высокий статус английского языка привел к озабоченности вопросами о потере определенных сфер и сохранении национальных языков. То есть в настоящее время в академическом мире существует два подхода к позиции, которую занимает английский язык: с одной стороны – точка зрения ученых, которые воспринимают английский язык как глобальный феномен (Crystal? 2003; de Swaan 2001; Duszak & Okulska 2004; Graddol 1997; Kibbee 2003; Maurais & Morris 2003; Pennycook 1994; Simonsen 2004; Tonkin & Reagan 2003) [3; 4; 5; 7; 11; 13; 16; 18; 21], с другой – мнение лингвистов, утверждающих, что распространение английского языка носит характер языкового империализма [17] и называющих его языком-убийцей (murder language, killer language) [20], который угрожает существованию других языков мира (Ansre 1979; Kirkegaard 2008; Mæhlum 2002; 2007; Phillipson 1992) [2; 12; 14; 17].

Поскольку английский язык распространялся посредством многочисленных исторических причин и событий, трудно говорить о конкретной позиции английского языка в странах мира. Д. Кристалл в своих исследованиях упоминает метод определения положения данного языка, изначально предложенный Б. Качру, который поделил сферы его употребления в зависимости от интенсивности на три круга:

- внутренний круг (the inner circle) – области, в которых носители английского языка используют его в качестве родного (США, Канада, Новая Зеландия, Великобритания);
- внешний круг (the outer circle) – области, в которых носители английского языка используют его в качестве второго (Индия, Сингапур, Малави);
- расширенный круг (the expanding circle) – области, в которых носители английского языка используют его в качестве иностранного (Швеция, Китай, Япония, Греция) [3, с. 107].

Стоит отметить, что данная модель не идеальна, так как с развитием той или иной страны, она может переместиться в другой круг, тем самым демонстрируя употребление английского языка в большей степени.

В Европейском контексте влияние английского языка также актуально. Особое внимание лингвистическая наука в настоящее время уделяет изучению факта свершившегося внедрения английского языка в страны Северной Европы, то есть в Скандинавию. С. Йоханссон считает, что «беря во внимание частые напряженные дебаты,

было проведено, на удивление, мало исследований, которые бы систематически изучили использование английского языка в странах Скандинавии и его влияние на скандинавские языки, хотя в последние годы появилась тенденция уделять больше внимания этому вопросу» [10, с. 90].

Основываясь на проведенных исследованиях, можно выделить основные причины открытости Скандинавских языков чертам английского языка:

- высокий и неоспоримый престиж английского языка во всех слоях населения;
- огромная популярность англо-американских медиа продуктов;
- интенсивное изучение английского языка всеми возрастными категориями;
- обширные интернациональные личные и деловые контакты в разных сегментах населения;
- близкое родство между английским и Скандинавскими языками [8, с. 41].

Более того, ни одна из Скандинавских стран не изолирована в плане культуры, образования и науки, и ни в одной из них не установлены барьеры между национальным и английским языками. Г. Готтлиб, характеризуя ситуацию в Скандинавских странах на основе проведенных немногочисленных исследований, отмечает, что «во все не стоит исключать возможность языковой смерти в странах Скандинавии» [8].

Ситуация растущего доминирования английского языка не обошла и Швецию. Шведский – язык с неболь-

шим количеством носителей (приблизительно 9 млн. людей), большинство из которых проживает в Швеции. Языковая ситуация в Швеции радикально изменилась за последние несколько десятилетий. В результате иммиграции Швеция стала многоязычной страной, где используются более 150 языков. После ратификации Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств, в Швеции официально были признаны 5 языков меньшинств (2000): финский, мянскиели, цыганский, саамский, идиш.

Швеция – государство, где высоко ценятся международные контакты. Однако, взирая на то, что шведский язык распространен только на территории Швеции и мало кто владеет им за ее пределами, он имеет очень ограниченную практическую ценность. Именно по этой причине в большинстве случаев коммуникация между носителем и не носителем шведского языка осуществляется на английском языке. Данный язык является по умолчанию средством международного общения, как в Швеции, так и за ее пределами.

Комментируя ситуацию в Швеции, Б. Гуннарсон предполагает, что тенденция увеличения публикаций исследований на английском языке приведет в конечном итоге к атрофии, то есть количество научных работ, выполненных на шведском или других языках, значительно снизится или будет равно нулю. В результате лексические и стилистические ресурсы неиспользованных языков иссякнут, а наука будет иметь возможность оперировать только англо-американскими единицами. Таким образом, исследователи могут потерять способность обсуждать науку на шведском языке [9].

Растущее беспокойство по поводу смещения шведского языка в академических и исследовательских областях привело к тому, что Совет по защите языка и формированию языковой культуры в Швеции (Swedish Language Council) (пер. авт.) опубликовал проект плана действий по защите и популяризации национального языка. Впоследствии в 2002 году парламентский комитет предоставил свои выводы по

данному вопросу в докладе “Mål i min: Förslag till handlingsprogram försvenska språket”. Большинство его пунктов были включены в правительственный законопроект социал-демократов «Лучший язык – согласованная языковая политика в Швеции» (“Best language – a concerted language policy for Sweden”) (пер. авт.), представленный в парламенте в сентябре 2005 года. Основная цель данного предприятия – поддерживать шведский язык во всех областях, включая научные исследования и высшее образование. Для достижения этой цели законопроект рекомендует политику параллельного многоязычия, то есть использование шведского языка наряду с английским в вышеупомянутых областях. Примером могут служить обширные резюме докторских диссертаций на английском языке [6, с. 16-17].

Английский язык, несмотря на статус иностранного в Швеции, внедрился и в повседневную коммуникацию, причем она не ограничивается контактами с иностранцами, то есть английские слова «приобщились» к обычной речи. Х. Шарп, проведя исследование языковой ситуации в Швеции, сделал вывод о том, что подростки и люди среднего возраста широко используют английский язык в повседневной речи. Члены этих возрастных групп также склонны переплетать длинные английские фразы со шведской речью [19, с. 198]. Среди возможных причин приводится тот факт, что английский язык преподается с самого раннего возраста, а также его высокий статус. М. Парквалл утверждает, что Швеция имеет более высокий процент носителей английского языка, чем во многих странах, где английский является официальным языком. Так, опрос, проведенный в 2006 году, показывает, что 89% информантов считают, что вполне способны свободно говорить на английском языке, в то время как в Индии, например, эта доля составляет всего 11% [15, с. 30-40].

В ходе опроса, опубликованного комитетом министерства культуры, было установлено, что 36% участников считают, что английский используется в избыточном количестве (2002). Более ранние исследования предоставляют похожие результаты – 40%. Это указывает на то, что

большинство опрошенных людей не считают, что английский используется слишком широко, а младшие возрастные группы чаще употребляют его в общении. Кроме того, в шведских школах был проведен опрос, в ходе которого участников попросили назвать самый важный предмет и охарактеризовать качество его преподавания. Информанты были поделены на три группы – учащиеся, родители и другие категории. Учащиеся посчитали самым важным предметом английский, за которым следовал шведский. Однако, две другие группы поставили шведский на первое место (2002) [1].

Английский язык в Швеции стоит рассматривать как иностранный, несмотря на то, что некоторые лингвисты предлагают дать ему статус официального ввиду его распространенности. Однако, английский язык де-факто выступает вторым языком в сфере образования в условиях его постоянного развития в шведском обществе и интернационализации государства. В дальнейшей перспективе нашего исследования – изучение речи шведско-английских билингвов с целью выявления ее особенностей на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

References:

1. Andersson M. English in Sweden. English as a Second Language in Sweden in a Theoretical Perspective. M. Andersson. - Linguistic Essay. – Halmstad., 2010. – 54 P.
2. Ansre G. Four rationalizations for maintaining European languages in education in Africa. G. Ansre. - African Languages. – No. 5/2, 1979., pp. 10-17.
3. Crystal D. English as a global language. D. Crystal. – Cambridge., Cambridge University Press, 2003.
4. De Swaan A. Words of the world. The global language system. A. De Swaan. – Cambridge., Polity Press, 2001.
5. Duszak A. & Okulska U. Speaking from the margin. Global English from a European perspective. A. Duszak & U. Okulska. – Frankfurt am Main., Peter Lang, 2004.
6. Ferguson, G. The global spread of English, scientific communication and ESP: questions of equity, access and

domain loss. G. Ferguson. – University of Sheffield, 2007. – pp. 7-38.

7. Graddol D. The future of English? Guide to forecasting the popularity of the English language in the 21 century. D. Graddol. – London., The British Council, 1997.

8. Gottlieb G. Danish echoes of English. G. Gottlieb. - Nordic Journal of English Studies. – Vol. 3, No. 2, 2004. – pp. 39-65.

9. Gunnarsson B.L. Swedish tomorrow – a product of the linguistic dominance of English? B.L. Gunnarson. - Current Issues in Language and Society? - 2000., No. 7., pp. 51-69.

10. Johansson S. English influence on the Scandinavian languages. S. Johansson. - Nordic Journal of English Studies. – No. 1, 2002. – pp. 89-105.

11. Kibbee D.A. Language policy and linguistic theory. D.A. Kibbee. - Maurais, Jacques & Morris, Michael M. (eds.), Languages in the Globalising

World. – Cambridge., Cambridge University Press, 2003. – pp. 47-57.

12. Kirkegaard A.H. Engelsk indflydelse på dansk – der er brug for sprogrøgt. A.H. Kirkegaard. - Årsskrifter Crituque. – No. 1, 2008. – pp. 91-107.

13. Maurais J. & Morris M.M. Languages in a globalising world. J. Maurais & M.M. Morris – Cambridge., Cambridge University Press, 2003.

14. Mæhlum B. Engelsk eller norsk? B. Mæhlum – Oslo., Novus Forlag, 2002.

15. Parkvall M. Lagom finns bara i Sverige och andra myter om språk. M. Parkvall – Stockholm., Schibsted Förlagen, 2009.

16. Pennycook A. The cultural politics of English as an international language A. Pennycook. – New York., Longman, 1994 – 365 P.

17. Phillipson, R. Linguistic imperialism. R. Phillipson. – Oxford., Oxford University Press, 1992.

18. Simonsen D.F. & Uri H.

Skoleelevers holdninger til anglonorsk. D.F. Simonsen & H. Uri. - Norskklæren. – No. 1, 1992, pp. 27-34.

19. Sharp H. English in spoken Swedish: A Corpus Study of Two Discourse Domains. H. Sharp. - Doctoral dissertation. – Stockholm University, Department of English, 2001.

20. Skutthab-Kangas T. Linguistic diversity: the threat from killer languages. T. Skutthab-Kangas. - C. Mair. The politics of English as a world language. – Amsterdam., Rodopi, 2003. – pp. 31-52.

21. Tonkin H. & Reagan T. Languages in the 21 century. H. Tonkin & T. Reagan. – Amsterdam., Benjamins, 2003.

Information about author:

1. Irina Usachenko - Lecturer, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: usachenkoiv@yandex.ru

International multilingual social network
for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

SEMANTICS OF ENGLISH NUMERALS IN
PHRASEOLOGICAL UNITS

O. Shumenko, Candidate of Philology, Senior Lecturer
Sumy State University, Ukraine

The author considers English phraseological units with numerals. The attention is paid to the semantic load of these units, their desemantization and dequantification.

Keywords: phraseological units, numerals, semantic load, desemantization, dequantification.

Conference participant, National championship in scientific analytics

СЕМАНТИКА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ВО
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Шуменко О.А., канд. филол. наук
Сумский государственный университет, Украина

В статье рассматриваются фразеологические единицы английского языка с числительными. Фокусируется внимание на семантической нагрузке этих единиц, их десемантизации и деквантификации.

Ключевые слова: фразеологические единицы, числительные, семантическая нагрузка, десемантизация, деквантификация.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i1.938>

В каждом языке есть устойчивые словосочетания, которые по содержанию и синтаксической функции равнозначны слову. Эти словосочетания относятся к полилексемным языковым единицам с определенной структурой и семантической нагрузкой. Фразеологические единицы (ФЕ) отражают представления людей об окружающем мире. Каждый язык отличается своей оригинальной фразеологией, что связано с неповторимостью быта, обычаев, культуры и ментальности народа. Фразеологизмы как явление были порождены необходимостью создания выразительных средств для нужд коммуникации, для возможности наглядно выразить свои эмоции, чувства, дать яркую и образную характеристику действиям, процессам и явлениям. Во фразеологии отражено национальную картину мира.

Большинство фразеологизмов появились в процессе наблюдения за окружающей действительностью. Процесс создания ФЕ состоит из двух этапов. Первый состоит в том, что определенные звуки, составленные в слово, приобретают значение. Второй этап - это когда сообщение, состоящее из нескольких слов, каждое из которых имеет в словаре собственное значение, приобретает новое значение, не равное, отличается от значения любого из слов-компонентов ФЕ [1].

Компоненты ФЕ с числительным способны семантически модифицироваться, им присуща воспроизводимость, стабильность структурных компонентов, целостность значения, непроницаемость. Все эти признаки

сближают фразеологизм со словом [5, с. 96-100]. Числительные в свободных словосочетаниях соотносятся с реальными объектами, указывают на их точное или приблизительное количество. На значение числительных, на их перевод в условиях фразеологического словосочетания влияют компоненты окружения: пересечения и включения их смыслов в семантику цельной единицы. Общий смысл ФЕ обуславливается совокупностью значений составляющих [9, с. 251].

Фразеологические единицы с числительным – ФЕ (ч) как вторичные единицы представляют отклонения от традиционной структуры и семантики исходных словосочетаний. Изучение поверхностной и глубинной структур ФЕ (ч) является актуальным, учитывая сегодняшнюю значимость когнитивных исследований, экспликацию характера действенности человеческого фактора. Распознавание когнитивной значимости ФЕ (ч) является весьма актуальным для их адекватного воспроизведения в языках-транслаторах. ФЕ (ч) присуща языковая устойчивость, формальная и семантическая целостность [6, с. 108]. Указанные единицы принадлежат к языковым конструкциям с соответствующей структурой, семантикой и прагматикой. В отличие от переменных словосочетаний эти полилексемные единицы обозначены биполярность - открытые процессы конвергенции и дивергенции [4, с. 82]. Ретроспективно ФЕ (ч) тяготеют к валоративным знакам, сыгравших значительную роль в оязыковлении количественных признаков окружающего мира. Окруже-

ние ФЕ (ч) специфически влияет на семантическое наполнение числительных. Ср.: амер. ФЕ (ч) *the old thirteen* «старый государственный флаг США», *two bits* «монета в 25 центов», *a long bit* «монета в 15 центов», *a short bit* «монета в 10 центов». Перевод указанных ФЕ (ч) не является аддитивным воспроизведением значений компонентов, препарируется поиском этимологических истоков лексикализованных единиц, их корреляцией с реальными / ирреальными событиями, артефактами, мифами, легендами и т.д. Так, шотландская монета *plack* «4 пенса» была в употреблении в XV - XVI вв.. Ее незначительная стоимость послужила мотивацией для появления ФЕ (ч) *two and a plack* «мелочь» [7].

Привлечение одинаковых числительных в разные фразеологические окружения способствует семантизации различных смыслов, что немаловажно учитывать при их переводе. Например, фразеологическое словосочетание с компонентом *one* выступают носителями уникальности (*the only one, there is the only one child in the world*), единственности (*one can do it*), соответствия (*one man one mind*), паукальности (*the voice of one man is the voice of no one*), временной неопределенности (*one time, one day*). Переосмысление числительного во фразеологическом сочетании влияет на семантическую модификацию, способствует потере количественного значения и перехода фразеологической единицы в поле качественной оценки, напр.: англ. – *To put two and two together* – «сделать выводы», *as clear as two and two makes four* – «ясно

как белый день», *no two ways about it* – «второго выхода нет», *to drink like seven lords* – «напиваться, как свинья».

Семантика ФЕ (ч) обычно детерминируется значениями восходящих единиц. Обозначение людей, их эмоций по количественным признакам стало языковой традицией. Ср.: англ. – *The upper two hundred* – «верхушка», «элита»; *one dollar a year man* – «человек, который работает на государственной службе за символическую плату»; *to feel like a million* – «чувствовать себя прекрасно»; *to go like sixty* – «нести во весь опор, стрелой». ФЕ (ч) *the seven Sisters* – «созвездия Тельца» по легенде обозначало семь дочерей Атланта и Глейоны. Числительное *seven* весьма популярным на фразеологическом пространстве. Ср.: англ. – *seven wonders, seven deadly sins, seven-leagued-boots*. Со временем количественные семы восходящих единиц уступают качественным; ФЕ (ч), модифицируясь, обогащаются новыми образами. Ср.: ФЕ (ч) *there are one or two traders* – «два несогласные между собой специалиста». Семантические смещения фразеологических единиц, их метафорические экспансии, парафразы и рескрипты являются показательными для художественного дискурса.

ФЕ (ч) – это лексикализация переменных словосочетаний. Общность поверхностной структуры коррелирующих словосочетаний не предусматривает тождества их содержания. Ср.: англ. – *one of those days (only in reference to the future), some day, some time or other, some of these days later*; рус. – *на днях, вскоре, когда-нибудь*. Образы паремий в языках оригинала и транслятора помечены как конгруэнтностью, так и девиацией. Ср.: англ. – *One scrubbed bushel sheep will mar a whole flock, Syn. One rotten apple decays the bushel; the rotten apple injures its neighbors; Two cats and a mouse, Syn. Two wives in one house; Two in distress make sorrow less*; рус. – *Одна паршивая овца все стадо портит; от одного яблока весь воз сгниет; два медведя в одной берлоге не живут, два кота в одном мешке не помирятся; в группе и смерть не страшна*.

Поверхностные структуры ФЕ (ч) открыты для замещения, что объ-

ективируется наличием синонимов, антонимов и алонимов. В лексикографических источниках нумеральные компоненты могут заменяться или пропускаться. Ср.: англ. – *One today is worth two tomorrow; Never do tomorrow what you can do today; Never put off till tomorrow what you can do today*; рус. – *Не откладывай на завтра то, что сегодня можно сделать; оклад не идет на лад*; англ. – *One bird in hand is worth two in the bush*; рус. – *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*; англ. – *Seven cooks spoil the broth*; рус. – *У семи нянек дитя без глаза*.

ФЕ (ч) образуют сектор вторичной номинации, коррелируют с конотативной лексикой, оязыковляют этношарм носителей языка. Общность черт ФЕ (ч) в коррелирующих языках делает их осмысления и толкования имманентными средствами целевого языка. Облигаторным при этом является сохранение содержания ФЕ (ч), факультативным – лексико-синтаксические параллели. В семантической казне сопоставленных единиц сохраняется когнитивный опыт. Известно, что ФЕ (ч) в своей эволюции занимают первичные и вторичные знаки. Выходные (первичные) нумеральные словосочетания (НумС) лексикализируются во вторичные, производные фразеологические словосочетания. В новообразованных, секундарных единицах количественное наполнение модифицируется в качественное или субстантивное [3, с. 70].

Образовательные процессы вызывают появление омонимических синтаксических (выходных) и фразеологических (производных) словосочетаний, является базой креативных поисков в толковании. Структурные эквиваленты ФЕ (ч) в языке транслятора могут быть полными или частичными (при сохранении прагматических интенций). Ср.: англ. – *Two dogs over one bone seldom agree; in two twos; when two Sundays meet together; two or three; four corners of world; at one time; to know how many beans make five; to have smth at finger tips*; рус. – *Двум собакам одной кости не поделить; немедленно, никогда, несколько, четыре стороны света, за один раз, быть себе на уме, знать как свои пять пальцев*.

Адекватность толкования ФЕ (ч)

объективируется анализом указанных единиц в языке оригинала и целевого языка. Изучение полиаспектности ФЕ (ч) дает возможность осмыслить экспрессивно-эмоциональные потенции числительных, их семантическую нагрузку, ретроспективное бытие и современное функционирование. Семантический континуум ФЕ (ч) конденсировано отражает путь становления нумерального пласта лексики, ее образовательную, адаптивную возможность модификаций.

При десемантизации числительное во фразеологическом словосочетании переходит в разряд количественно-качественных единиц, напр.: англ. – *Dressed up to the nines* – «одетый по моде», *nine worthies* – «знаменитые люди», *a cat has nine lives* – «живущий». Числительные во фразеологическом словосочетании могут заменяться другими количественными словами: *to make two ends meet - to make both ends meet* – «сводить концы с концами», *for two pins - for a pin* – «по мелочи», *at one time - at a time* «за один раз». Также может происходить взаимозаменяемость числительных, при этом сохраняется смысл сообщения: напр.: *forty winks - nine winks* – «сон урывками», *to talk nineteen to the dozen - to talk ten to the doze* – «тараторить», *to be in two minds - to be in twenty mind* – «быть в нерешительности», *to give hundred smiles - to give million smiles* – «улыбаться». Следующим фактором десемантизации числительных в фразеологическом словосочетании служит замена числительного другим словом [8, с. 180], напр.: *saying and doing are two (different) things* – «скоро сказки сказываются, да не скоро дело делается», *to come out of one (the same) footing* – «быть на уровне с кем-то». Числительное может вообще опускаться, при этом содержание не меняется: *like as (two) peas* – «одинаковые как две капли воды», *as cross as (two) sticks* – «раздражен, не в духе», *as drunk as (seven) lords* – «пьяный в стельку».

ФЕ английского языка выражают количественные и качественные оценки. Семантические модификации числительных во фразеологическом словосочетании переходят от понятийного числового содержания до полной потери количественных денотатов и приобретения сем качества. Если нумеральный компонент сохраняет чис-

Табл.1.

Реализация ФЕ (ч) количественных и количественно-качественных значений.

ФЕ (ч)	Количественные значения	Количественно-качественные значения
1	2	3
<i>two and two</i>	попарно	
<i>two by two</i>	по двое	
<i>two bits</i>	25 центов	
<i>two dogs over one bone seldom agree</i>		двум собакам одной кости не поделить
<i>two in distress make sorrow less</i>		на миру и смерть красна
<i>in two</i>	пополам	
<i>in two twos</i>		немедленно
<i>two and a plack</i>	мелочь	
<i>two and two make four</i>		само собой разумеется
<i>two by four</i>	незначительный	
<i>two can play at that game</i>		посмотрим, чья возьмет
<i>two of a trade</i>		страшные конкуренты
<i>two or three</i>	несколько	
1	2	3
<i>When two ride on one horse, one must sit behind</i>		каждому свое место
<i>two heads are better than one</i>	одна голова хорошо, а две – лучше	
<i>two upon ten</i>		внимательно смотреть, быть внимательным
<i>to be in two minds</i>		быть в нерешительности
<i>when two Sundays meet together</i>		никогда

ловое значение, то ФЕ реализует квантитативное значение, если происходит десемантизация нумерального компонента – ФЕ реализует квалитативное, т.е. качественное значение. Как метафоры ФЕ служат для номинации объектов, создания художественных образов и порождению новых лексических единиц, которые реализуют дифференцированную функцию (см. табл. 1).

Полной десемантизации в условиях фразеологического словосочетания с числительным – ФС (ч) испытывают в основном обозначения чисел малого порядка, что обусловлено их частотой употребления. Объективными показателями десемантизации числительных в условиях постоянного контекста является 1) замена числительных другими количественными словам; 2) взаимозаменяемость числительных при сохранении общего значения ФС (ч); 3) замена числительных словам неквантитативной семантики; 4) опущение числительных во ФС (ч).

Прагматические характеристики числительных проявляются на материале фразеологических единиц с компонентом-числительным, принимаемых с целью реализации интенданного воздействия на адресата – в

форме реплик, высказываний, параметричных единиц. ФЕ (ч) представляют семантическую девиацию – процесс лексикализации выходных свободных словосочетаний. ФЕ (ч) являются знаками вторичной номинации, в которых первичная мотивация переносятся на новую, иную ситуацию, как таковую, что обозначает не только количественные признаки, но и качественные – как результат десемантизации.

Числительные во фразеологическом контексте модифицируются, приобретают новые значения – при семантизации понятий *много* и *мало*, а также – в феномене семантического опустошения. Предметное значение числительных является иллюзорным в лексикографических источниках, оно проявляется косвенно на материале слов меры и веса, счетных слов и других квантитативных единиц. Десемантизация нумеральных компонентов наблюдается при обозначении числового контраста, специфически представлено в словосочетаниях с числительными различных уровней. Так при выражении значения *много* во фразеологическом словосочетании употребляются числительные высокого порядка, и наоборот, значение

мало номинируется числительными малого ранга, например: *Million and one* – «очень много», *thousand smiles* – «множество улыбок», *one to thousand* – «очень редко». Фразеологическое окружение разрушает реальную достоверность фактов числовых номинаций, нарушает количественное представление и выступает оценочным средством выражения преувеличения.

References:

1. Babkin A.M. Russkaja frazeologija, ee razvitie i istochniki [Russian Phraseology, its development and sources]. A.M. Babkin. — L'vov., Nauka, 1970. - 263 P.
2. Bagautdinova G.A. Chelovek vo frazeologii : antropocentricheskij i aksiologicheskij aspekty [The person in the Phraseology: anthropocentric and axiological aspects]., [Electronic resource]: avtoref. dis. na soiskanie uchen. stepeni d-ra filol. nauk: spec. 10.02.20 «Srvnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe jazykoznanie» [Relative historical, typological and comparative linguistics]. G.A. Bagautdinova. -

Kazan', 2006., Access mode: <http://vak.ed.gov.ru/announcements/filolog/BagautdinovaGA.doc>

3. Ivanova L.P. Kurs lekcij po obshhemu jazykoznaniju: nauch. posob. [Course of lectures on the General Linguistics: textbook]. L.P. Ivanov. – Kiev., Osvita Ukraini, 2006. - 312 P.

4. Kerimzade Nedzhat M.K. Frazеологическая деривация (английский язык) дис. кандидата филол. наук [Phraseological derivation (English), thesis by the Candidate of Philology.]: 10.02.04. M.K. Kerimzade Nedzhat. – Moskva., 1984. - 200 P.

5. Kochergan M.P. Osnovi zistavnogo movoznavstva: pidruchnik [Foundations of comparative linguistics: textbook]. M.P. Kochergan. — Kiev., Vidavnichij centr «Akademija» [Publishing center «Academy»], 2006. — 424 P.

6. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremenного английского языка [Modern English Phraseology course]. A.V. Kunin. – Moskva., 1986. - 336 P.

7. Shvachko S.O. Slova miri ta vagi: lingvo kognitivni aspekti: monografija [Words of measurement and weight: lingual-cognitive aspects: monograph]., S.O. Shvachko. - Sumi., Vid-vo SumDU, 2008. - 132 P.

8. Shvachko S.O. Lingvokognitivni aspekti kvantitativnosti: konspekt lekcij [Lingual-cognitive aspects of quantitiveness: lectures synopsis]. S.O. Shvachko. — Sumi., Sums'kij derzhavnij universitet [Sumy State University], 2011. — 141 P.

9. Tyler E.D. Primitive culture. E.D. Tyler. - London., Murray, 1991. Vol. 1. - XII. - 502 P.

Литература:

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. - Л.: Наука, 1970. - 263 с.

2. Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук: спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Г.А. Багаутдинова. - Казань, 2006. - Режим доступа : <http://vak.ed.gov.ru/announcements/filolog/BagautdinovaGA.doc>

3. Иванова Л.П. Курс лекций по общему языкознанию: [науч. пособ.] / Л.П. Иванов. — К.: Освіта України, 2006. — 312 с.

4. Керимзаде Неджат М. К. Фразеологическая деривация (английский язык) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.04 / М. К. Керимзаде Неджат. — М., 1984. — 200 с.

5. Кочерган М.П. Основы зіставного мовознавства: [підручник] / М.П. Кочерган. — К.: Видavnичий центр «Академія», 2006. — 424 с.

6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. — М., 1986. — 336 с.

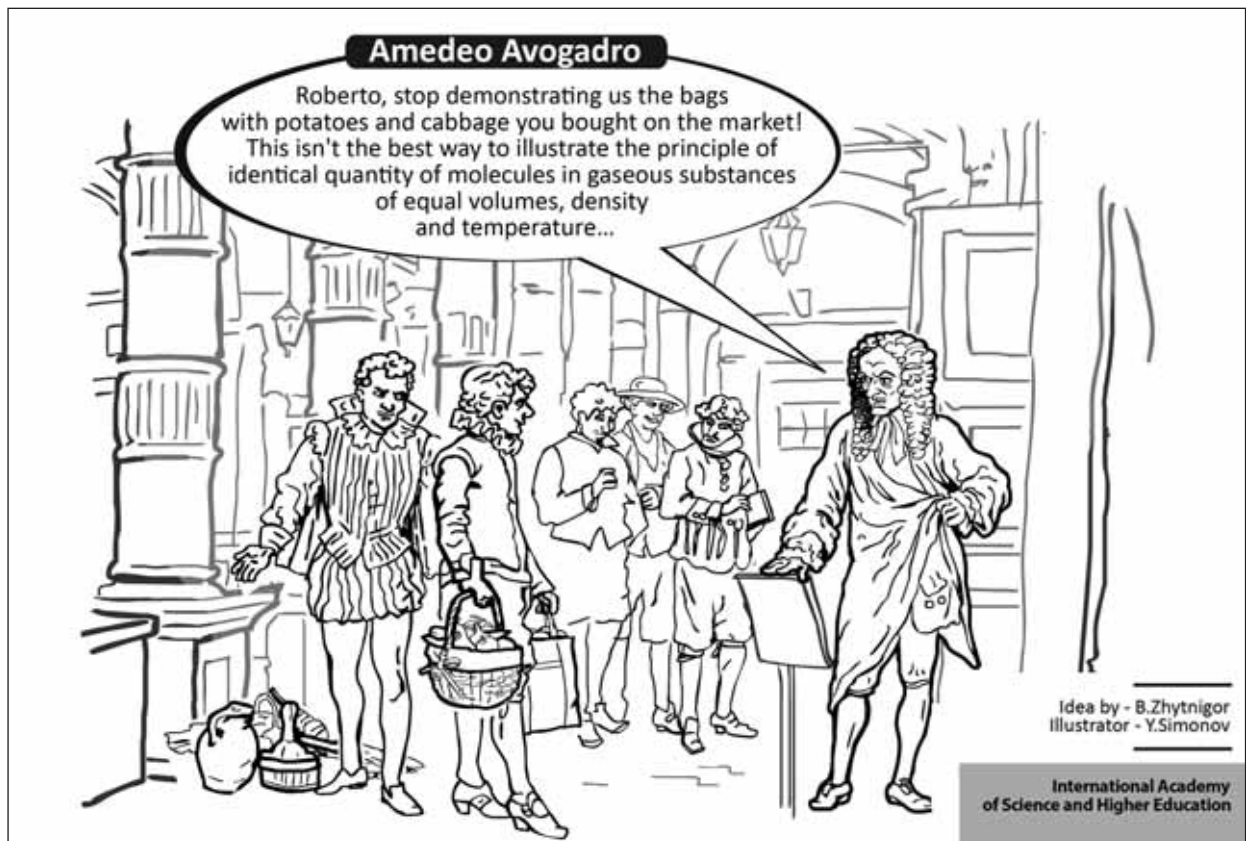
7. Швачко С.О. Слова міри та ваги: лінгвокогнітивні аспекти: [монографія] / С.О. Швачко. — Суми: Вид-во СумДУ, 2008. — 132 с.

8. Швачко С.О. Лінгвокогнітивні аспекти квантитативності: [конспект лекцій] / С.О. Швачко. — Суми: Сумський державний університет, 2011. - 141 с.

9. Tyler E.D. Primitive culture / E.D. Tyler. - London: Murray, 1991. - Vol. 1. - XII. - 502 p.

Information about author:

1. Olha Shumenko - Candidate of Philology, Senior Lecturer, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: shuma-81@mail.ru

LANGUAGE AS THE INSTRUMENT OF PERSONAL SOCIALIZATION IN THE FOREIGN-LANGUAGE ENVIRONMENT

L. Yekshembeyeva, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

The author of article considers instrumental functions of the language and language units, defines cognitive, communicative and sociolinguistic tools ensuring the personal socialization in the foreign-language environment.

Keywords: language, speech act, language mastering, tool, socialization, language identity.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Екшембеева Л.В., д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье рассматриваются инструментальные функции языка и языковых единиц, определяются когнитивные, коммуникативные и социолингвистические инструменты, обеспечивающие социализацию личности в иноязычном пространстве.

Ключевые слова: язык, речевая деятельность, овладение языком, инструмент, социализация, языковая идентичность.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.939>

Язык является одним из инструментов человеческой деятельности. Соединение речи и действия Л. Виттгенштейн называл языковыми играми. Он один из первых заметил, что выбор конкретных языковых средств выражения диктуется их семантикой. Семантика же определяется не только внутриязыковым контекстом, но и внеязыковой ситуацией. (Философские идеи Людвиг Виттгенштейна, 1996) Эти его идеи стимулировали развитие лингвистической прагматики как научного направления, объектом изучения которой стали отношения языковых знаков и их пользователей в конкретной речевой ситуации.

Определяя социализацию как одну из составляющих процесса овладения вторым языком, Р. Павиленис (Павиленис, 1987) акцентирует внимание на трех её основных качествах: формировании индивидуальной концептуальной системы, встраивании в неё концептов иноязычной культуры, способности к речевой деятельности на основе привязанности иноязычных знаков к определенным фрагментам концептуальной системы. Используя терминологию И.И. Халеевой, (Халеева, 1996) можно сказать, что социализация в иноязычном пространстве обеспечивается сформированностью «вторичной языковой картины мира» и «вторичной языковой личности».

Идея инструментальной способности языковых средств прочитывается в работах ученых, описывающих модульную организацию деятельности человеческого мозга. (Fodor J.A., 1983; Гивон Т., 2004). Дж. Фодор

рассматривает язык как модульно организованную когнитивную систему, обрабатывающую информацию в пропозициональной форме. Знания репрезентируются в концептуальной, синтезирующей, сравнивающей и готовящей для дальнейшего сохранения в памяти форме.

Т. Гивон выделяет модуль когнитивной репрезентации, представленный понятийным лексиконом, пропозициональной информацией и многопропозициональным дискурсом. Структура понятийного лексикона традиционно представлена в виде семантической сети, в узлах которой находятся отдельные концепты ментальных репрезентаций общекультурной информации, закрепленной конвенционально. Фактически Т. Гивон приводит нас к пониманию того, что понятийная составляющая выполняет функцию инструмента когнитивной системы для означивания мира действительности.

Пропозициональная информация суждения, как формы реализации знания, по мнению ученого, индивидуальная по своей природе, соотносится с тем или иным типом представления и может быть распознана или скоррелирована как частное проявление социального опыта. Вновь мы усматриваем в этом возможность интерпретации пропозиции как инструмента осмысления отношений между субъектами и объектами мира действительности.

Отдельные пропозиции, объединенные по законам тематического единства и связности, согласно его теории, формируют смысловое содержание многопропозиционального

дискурса. Сам дискурс, на наш взгляд, также может быть определен как инструмент, обеспечивающий преобразование мира через когницию и коммуникацию. Когнитивные механизмы усвоения знания и его генерации становятся инструментами преобразования внутреннего мира личности, а механизмы порождения речи, являющейся основной единицей коммуникативного воздействия, выполняют роль инструмента преобразования межличностных или иных отношений в социуме.

Инструментальную функцию выполняет и модуль грамматического кодирования, имеющий, по мнению Т. Гивона, подсистемы фонологии и морфосинтаксиса.

Таким образом, модульная организация деятельности мозга человека позволяет говорить о том, что язык как самостоятельный модуль переработки информации имеет свой инструментарий означивания, осмысления и преобразования как внутреннего мира человека, так и внешнего мира в многообразии его проявления и функционирования.

Инструментальная сущность единиц языка представлена и в функциональной грамматике. Основанием для систематизации языковых средств в рамках функционально-семантического поля является семантическая категория, а сами языковые средства её выражения – инструментом её проекции в тексте, которая и определяется как категориальная ситуация.

При определении функции языковых единиц доминирует их «способность к выполнению определенного

назначения и к соответствующему функционированию» (Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис, 2007, с.17). А выполнение назначения, как правило, связано с инструментарием. Так, звуки предназначены для фонетической презентации слова, следовательно, они являются инструментом фонетического оформления слова. Слова и грамматические категории способны выполнять инструментальную функцию при выражении объективного смысла предложения. Актуализованная в речи потенциальная функция языковой единицы преобразуется в результативную функцию речевой единицы и выполняет роль инструмента при воздействии на реципиента.

В прагмалингвистике речевой акт как единица коммуникации в обществе определяется инструментом воздействия. Реализация намерения вступить в социальное общение с той или иной целью обеспечивается когнитивными механизмами использования понятийной базы и кодирующих средств в речепорождающем процессе. Описание механизмов речепорождающего процесса можно найти в работах И.А. Зимней (Зимняя, 1978), Т.В. Ахутиной (Ахутина, 1989), Е.С. Кубряковой (Кубрякова, 1991). Сила воздействия речевого акта обеспечивается адекватным намерению выбором языковых средств, формирующих объективный и прагматический смыслы высказывания как средства его материализации. (Падучева, 1985) В практике социального общения в реальной ситуации этот смысл в виде высказывания / текста и является инструментом воздействия на собеседника.

Сложность социализации личности в иноязычном пространстве определяется еще и тем, что язык вплетается в деятельность человека. Деятельностная классификация речевых процессов А.Ф. Ширяева, представляющая основные группы сочетания речевых процессов с неречевыми деятельностью процессами, наглядно демонстрирует это. (Ширяев, 1991)

Понимание когнитивной и коммуникативной природы языкового инструментария особенно важно для объяснения процессов социализации

личности в иноязычном пространстве. Без овладения языком невозможна полноценная социализация личности в иноязычном культурном пространстве. Именно поэтому определение процесса усвоения второго языка включает в себя понятие овладение средствами социализации в обществе. (Смагулова, 2005, с. 9)

Одним из составляющих процесса социализации является идентификация себя в качестве члена данного социума. Степень идентификации определяется социальной мобильностью, которая напрямую зависит от уровня владения языком при решении задач общения. В лингводидактике это измеряется параметрами компетенции, в прагмалингвистике – способностью к речевому действию, адекватному избранному под влиянием экстралингвистических факторов коммуникативной стратегии и тактике речевого поведения, в социалингвистике – степенью идентификации.

Как было указано Р. Павиленисом, важнейшим условием успешной социализации в иноязычном пространстве является сформированность индивидуальной концептуальной системы. В такой системе выделяют первичные, изначально данные концепты. К ним в условиях овладения вторым языком мы относим, прежде всего, те концепты, которые сформированы и внесены в индивидуальную концептуальную систему средствами родного языка. На основе первичных концептов через соотнесенность с их ассоциативными полями вводятся новые концепты, обеспечивая динамичное конструирование концептуальной системы как средствами родного языка, так и изучаемого.

При изучении второго языка, соотнесенные с иноязычными формами выражения концепты, вторичные по своей природе, объединяются в концептосферы, ассоциативно связанные с первичными концептами, с одной стороны, и новыми концептами, формирующими инокультурную картину мира, с другой. Важно, чтобы концепты новой языковой картины мира органично встраивались в концептуальную систему индивида, поскольку она является основой его социализации в иноязычном социуме.

Процесс формирования концептосферы во втором языке осуществляется, на наш взгляд, под контролем сознания. И объектом этого контроля становятся языковые средства, семантика которых интерпретируется в системе связей внутри концептуальной системы: через поиск аналога в родном языке, выявление возможностей семантической сочетаемости, анализ ассоциативных реакций и способов их выражения в родном и втором языках. И всё это происходит в модуле когнитивной репрезентации (по Т. Гивону).

Данные операции позволяют обозначить контур концептосферы, каждая составляющая которой имеет двухкодовое языковое выражение. Сформированная как система смыслов, интерпретация которых обеспечивается системой связей, элементы концептосферы потенциально готовы к использованию в процессе порождения речи.

Если механизмы порождающего процесса в родном языке автоматизированы, благодаря имманентному владению системой грамматических знаний, то необходима определенная настройка этих механизмов на фонетику и грамматику изучаемого языка.

В иноязычной среде фрагменты концептуальной системы оказываются не привязанными к языковым знакам, что приводит к невозможности использовать их для выражения смысла. Восстановление возможности строить концептуальные структуры, теперь уже через манипулирование языковыми знаками неродного языка – главная задача при овладении вторым языком.

Однако пока не сформирована языковая картина мира средствами изучаемого языка, иными словами, пока не автоматизированы механизмы кодирования базы экстралингвистических знаний, порождающий процесс во втором языке будет затруднен. Знания, полученные по разноязычным информационным каналам, должны быть интегрированы в индивидуальную концептуальную систему для обеспечения социализации личности в иноязычном пространстве.

Ярлыками концептов являются слова. Поскольку элементы концептуальной системы связаны множеством отношений, актуализация слова осу-

ществляется в системе связей, характеризующих эти отношения. Концепт как фрагмент иноязычной языковой картины мира помимо понятийного представлен когнитивным содержанием, поскольку является частью системы знаний более высокого порядка или же сам синтезирует некоторое знание. Когнитивное содержание манифестирует как семантическую потенцию слова, которая проявляется в способности к семантической сочетаемости, так и определяет его грамматическую и прагматическую перспективу. Помимо этого каждое слово неродного языка должно быть усвоено как сгусток эмоциональной энергии, обеспечивающий его ассоциативные связи в языковой картине мира.

Благодаря установлению семантических, синтаксических и прагматических возможностей слова, а также выявлению его когнитивной и аффективной потенции, становится возможным перевести замысел высказывания через операции лексикализации, синтагмизации, линеаризации и иллокутизации в вербально выраженный объективно-прагматический смысл. Используемое в ситуации общения высказывание и материализует в речевом акте коммуникативную потребность инофона как члена социума.

Знание же норм культуры речевого поведения, принятого в данном сообществе, а также конвенциональных форм выражения различных интенций является также бесспорным и обязательным. Сюда же следует отнести и культурные нормы эмоционального поведения. Интеграционные процессы двух культур становятся фактором, способствующим овладению вторым языком. Результативность же процесса овладения создает потенциальную возможность для самоидентификации инофона в иноязычном сообществе.

Таким образом, все эти составляющие понятия «овладение языком» в соотносительности друг с другом на понятийной, грамматической и прагматической основах обеспечивают не только процесс усвоения языка, но и процесс самоидентификации личности в иноязычном пространстве.

Социальная идентификация вторичной языковой личности имеет

свою специфику и критерии. Признавая за собой статус инофона в данном социальном сообществе, человек, тем не менее, идентифицирует себя в определенной социальной роли. Так при статусе *иностранец* идентификация осуществляется по параметрам: студент, служащий, бизнесмен, турист и т. д. Выбор того или иного параметра определяет свойства концептуальной системы, без формирования которой невозможна социализация. Данные параметры социальной идентификации реализуются в определенных программах речевого поведения как средства реализации коммуникативной стратегии. Таким образом, идентификация, это не только осознание себя в определенной социальной позиции, но и способность к самореализации в соответствии с параметрами данной позиции: профессиональными, социальными, культурными, языковыми.

Социальные адекватность и мобильность как параметры языковой идентичности соотнесены с юридическими и гражданскими правами личности и способностью к их реализации в условиях инофона социума. Она определяется системой диалоговых взаимодействий в сфере проявления социальных отношений, которые регулируются ролевыми функциями, соотнесенными с той или иной ситуацией общения.

Признание и соблюдение культурных норм общения, в том числе и речевого, являются обязательным в лингвокультурологической идентификации личности как составляющей языковой идентичности. Они лежат в основе выбора программы речевого поведения. Изменение социального статуса и роли ставит вопрос об изменении прагматических параметров поведения.

Владение языковыми средствами выражения тех или иных интенций, релевантность их выбора прагматическому контексту и коммуникативной стратегии также относятся к параметрам оценки степени языковой идентичности инофона в социальном языковом сообществе.

Каждый из указанных параметров динамичен и подвержен влиянию как субъективных факторов (степень мотивации, уровень образованности, характер индивидуального когнитивно-

го стиля, типа нервной системы и др.), так и объективных, определенных самим социумом, временными и пространственными характеристиками.

Весь ход нашего рассуждения позволяет сделать следующие выводы:

- корреляция процессов овладения языком и конструирования идентичности закономерна, поскольку они имеют общую цель – социализацию личности в иноязычном пространстве;
- социализация личности во втором языке осуществляется когнитивным и коммуникативным инструментарием;
- к когнитивным относим инструменты, имеющие ментальную природу: понятийный лексикон (индивидуальная концептуальная система) – инструмент означивания, репрезентации; пропозиция – инструмент осмысления информации, многопозиционный дискурс – инструмент преобразования внутреннего и внешнего мира;
- коммуникативными по природе являются инструменты воздействия на реципиента прагматическим смыслом высказывания / текста; сам текст при этом становится как инструментом преобразования межличностных или иных отношений в социуме, так и инструментом достижения нужного результата в речевой и в неречевой деятельности;
- социолингвистическим инструментом нами определяется осознанная языковая идентичность: являясь результатом постепенной социализации личности в иноязычном пространстве, языковая идентичность конструируется по мере овладения вторым языком и может быть определена как идентичность вторичной языковой личности.

References:

1. Fodor J.A. The modularitu of mind. – Cambridge (Mass.), 1983. – 145 P.
2. Ahutina T.V.. Porozhdenie rechi Nevro-lingvisticheskij analiz sintaksisa [Speech generation, the neuro-linguistic analysis of syntax]. – Moskva., Publisher MSU, 1989. – 213 P.
3. Givon T. Sistema obrabotki vizual'noj informacii kak stupen' v jevoljucii chelovecheskogo jazyka

[Visual information processing system as a step in human language evolution.], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologija [Bulletin of the Moscow University. Series no. 9. Philology], 2004., No. 3., pp. 117-145.

4. Zimnjaja I.A. Psihologicheskie aspekty obuchenija govoreniju na inostrannom jazyke [Psychological aspects of learning to speak the foreign language]. – Moskva., Prosveshhenie [Education], 1978. – 159 P.

5. Kubrjakova E.S. Modeli porozhdenijarechi i glavnye otlichitel'nye osobennosti porozhdajushhego processa [Speech generation models and main distinctive features of the generating process]. Chelovecheskij faktor v jazyke. Jazyk i porozhdenie rechi [Human factor in language. Language and the speech generation]. – Moskva., Nauka [Science], 1991., pp. 21-81.

6. Pavilenis R.I. Ponimanie jazykovyh i nejazykovyh tekstov: intencional'nost', intensional'nost', indeksal'nost' [Understanding language and non-language texts: intentionality, intensionality, indexicality]. Jazyk i logicheskaja teorija [Language and logical theory]. – Moskva., 1987., pp.37-40.

7. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju

[Statement and its correlation to the reality]. – Moskva., Nauka [Science], 1985. – 271 P.

8. Smagulova, Zh.S. Metodologija issledovanija [The research methodology]. Novaja jazykovaja identichnost' v transformirujushemsja obshhestve Kazahstan, Kyrgystan, Tadjikistan, Uzbekistan [New language identity in the transforming society: Kazakhstan, Kyrgystan, Tajikistan, Uzbekistan]. – Almaty., 2005., pp. 7-12.

9. Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis. Izd. 5-e, stereotipnoe. [Theory of functional grammar: Introduction, aspects, temporal localization, taxis. 5th ed., stereotypic] – Moskva., KomKniga, 2007. – 352 P.

10. Filosofskie idei Ljudeviga Vittgenshtejna [Philosophical ideas of Ludwig Wittgenstein]. – Moskva., IFRAN, 1996. – 169 P.

11. Haleeva I.I. Teorija i praktika izuchenija inostrannogo jazyka [Theory and practice of the foreign language studying]. – Moskva., 1996. – 276 P.

12. Shirjaev A.F. O dejatel'nostnoj klassifikacii rechevyh processov [On the activity-related classification of speech processes]. Znanie jazyka i jazykoznanie [Knowledge of language and linguistics].

– Moskva., Nauka [Science], 1991., pp. 80-95.

Литература:

1. Fodor J.A. The modularitu of mind. – Cambridge (Mass.), 1983. – 145 с.

2. Ахутина Т.В.. Порождение речи Нейро-лингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1989. – 213с.

3. Гивон Т. Система обработки визуальной информации как ступень в эволюции человеческого языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 3. – С. 117-145.

4. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1978. – 159с.

5. Кубрякова Е.С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности порождающего процесса // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. – С. 21-81.

6. Павиленис Р.И. Понимание языковых и неязыковых текстов: интенциональность, интенциональность, индексальность//Язык и логическая теория. М., 1987. – С.37-40.

7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. – 271с.

8. Смагулова, Ж.С. Методология исследования // Новая языковая идентичность в трансформирующемся обществе: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. Алматы, 2005. – с. 7-12.

9. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

10. Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М.: ИФРАН, 1996. – 169 с.

11. Халеева И.И. Теория и практика изучения иностранного языка. М., 1996. –276 с.

12. Ширяев А.Ф. О деятельностной классификации речевых процессов // Знание языка и языкознание. М.: Наука, 1991. – с. 80-95.

Information about author:

1. Lyudmila Yekshembeyeva - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: lvek@inbox.ru

SCIENTIFIC GREEK-LATIN ELEMENTS
USED TO EXPRESS NEW THINGS IN THE
LANGUAGE

E. Mincu, Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior
Research Associate
Nicolae Testemitanu State University of Medicine and
Pharmacy, Moldova

The affixoids are Greek and Latin scientific elements forming the core of the international terminological lexicon, as “the legacy left by the Greek and Roman people can be considered as the lullaby of Roman spirituality and through it, it’s mentation. Without the Greek miracle, systemized and transcribed by the Latin genius, the modern spirituality can not be conceived” (Horia C. Matei).

Keywords: neologismes, Greek and Latin scientific elements, affixoids, affixoidatio.

Conference participant, National championship in scientific analytics

НАУЧНЫЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ
ЭЛЕМЕНТЫ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ НОВОГО
В ЯЗЫКЕ

Минку Е.А., канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник, доцент
Академия наук Молдовы, Институт Филологии,
Государственный Университет Медицины и Фармадии им.
«Николае Тестемицану», Молдова

Аффиксоиды – это научные греко-латинские элементы, формирующие ядро международного терминологического языка, так как, «наследство, оставленное греко-романской культурой – это романская духовная колыбель и посредством этого, мышление в целом. И без греческого чуда, систематизированного и переданного латинским гением, не может быть мыслима современная духовность.» (Horia C. Matei)

Ключевые слова: неологизмы, научные греко-латинские элементы, аффиксоиды, аффиксоидация.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.940>

Введение. Язык в своей трёхмерности (слово → предмет, слово → слово, слово → *ego hic nunc*) является интеллектуальным отражением духа времени, существующей реальности. Обновление языка в различных областях дополнительных (научных) знаний подразумевает существование специализированного языка (терминологии). На различных уровнях анализа, научный стиль, в целом, и терминология, в частности, отличаются от обычного литературного языка своей характеристикой:

а) на морфологическом уровне: наличие научных греко-латинских элементов (лексические единицы греко-латинского происхождения, которые изначально имели полное лексическое значение, а *in statu praesenti* являются составными элементами сложного слова; в лингвистике они называются аффиксоидами, поскольку занимают промежуточную позицию в цепочке слово / корень → аффикс; статус, который позволяет воспользоваться номинальными и структурными особенностями, а в модели словообразования мы говорим об образовании путём аффиксоидации).

б) на лексическом уровне: существование полилексемных слов (образование путём соединения научных элементов / словообразование путём аффиксоидации);

в) на семантическом уровне: семантическая универсальность научных греко-латинских элементов в различных областях деятельности.

**Научные греко-латинские
элементы в трёхмерности
языка**

В определении позиции научных греко-латинских элементов (аффиксоидов) и механизма образования сложных слов путём их соединения в трёхмерности языка: семантический, синтаксический и прагматичный уровни, мы наблюдаем следующее:

а) научные греко-латинские элементы относятся к семантическому уровню, который представляет собой неразрывную связь слова с предметом, так как «язык состоит из определённого количества внешних предметов, используемых нашим духом как знаки [1, р. 212] и он, язык, «огонь, в котором представление предметов приобретают материальность и оставляют нам свои абстрактные и общие понятия» (Т. Maiorescu).

б) механизм образования сложных слов путём аффиксоидации – семантический уровень в сочетании с синтаксическим (который, в свою очередь, подразумевает мотивацию, абстракцию, отношения между словами, процесс соединения языковых единиц).

в) единица «реализуется» или «проявляется» в своих вариантах, приобретая контекстуальные и ситуационные определения [2, р. 66]. Способность лингвистической единицы (здесь, «культизма») адаптироваться к различным деноминационным требованиям, в зависимости от вну-

три- и междисциплинарной изменчивости, является способностью прагматического типа. Прагматический уровень: слово → *ego hic nunc* отражает общество, в котором все действия продиктованы существованием потребностей (*dura necessitas*).

**Научные греко-латинские
элементы в формировании
терминологии**

Терминологическая необходимость исходит из социальной необходимости знать, узнавать и контролировать события. Это правило, в соотношении с языковой практикой, является справедливым для всех сфер социальной деятельности, каждая из которых включает в себя множество вещей, знания которых формирует терминологию той или иной сферы.

Уже доказано существование международного лексикона, сформированного под влиянием экстралингвистических факторов, целью которого является планирование естественных языков, их стандартизация и компиляция. Ядро общего международного лексикона формируется специализированными, самостоятельными и не самостоятельными лексическими единицами греко-латинского происхождения (так называемые «культизмы»).

Латинский и греческий стратифицированные (поскольку не развивались во времени) языки предоставляют в основном полисемантические лексические единицы, решающий

аспект в формировании терминов специализированного языка, и являются надёжным источником для создания новых терминов.

Кубрякова Е. [3, стр. 13] считает международный лексикон совокупностью лексических единиц, действие которых в языке продиктовано двумя механизмами – номинативным и синтаксическим; первый отвечает за отбор и создание деноминативных единиц, второй – за строение слова.

Ономастиологическая тенденция (концепция → имя) называть научно-технические новинки основываясь на уже существующих в языке лексических единицах (в прагматическом плане «научные образования» относятся к общей сфере, представляя собой инвариантности с единым смыслом и уже устоявшиеся концепции: аэро- < гр. *aer*, - *os* «воздух»; -метр < гр. *metron*, «мера (измерение)» и т.д.) создаёт новые концептуальные интеграции. Будучи востребованы в синтагматическом плане, когда нужно покрыть деноминативный вакуум, они используются в своих вариантах:

- аэро-¹ «кислород»: *aerobioză* (аэробиз) «образ жизни аэробных организмов, которые не могут жить там где есть кислород» – биология; аэро-² «большое пространство, просторный»: *aeroprojector* (аэропроектор) «аппарат для воздушного проектирования большого количества фотограмм» – география; аэро-³ «самолёт»: *aerodrome* (аэродром) «специально оборудованная площадка для взлёта и посадки самолётов» – общее использование; аэро-⁴ «аэролит» – астрология и т.д.;

- -метр¹, «определение, установка, точная фиксация»: *audimetru* (аудиометр) «аппарат для определения остроты слуха» – телевидение; -метр² «оценка»: *energometru* (энергометр) «аппарат для измерения артериального пульса» – медицина; -метр³ «обнаружение»: *carbometru* (карбометр) «аппарат для обнаружения двуокиси углерода в галереях шахты» – химия; -метр⁴ «выделение»: *coronometru* (корнометр) «прибор для изучения поляризованного света солнечной короны» – астрология.

В. Даниленко, ссылаясь на особенности терминологического образования слов, выделяет следующее [4, стр. 76]:

1) термины формируются как названия для понятий, связанных с узкой профессиональной сферой; они предназначены для использования в качестве средства общения для определённой группы людей в условиях деятельности.

2) образование терминологических слов является процессом осознанным (а не спонтанным). «Термины», пишет Г. Винокур, «не появляются, а «обдумываются», «создаются» в силу своей необходимости» [5, стр. 24]. О возможности сознательного подхода к политике образования терминов, Р. Будагов говорит: «Если мы не будем осознано заниматься терминами, как следствие, учёные перестанут понимать друг друга. Форма языка не безразлична к содержанию самой науки» [6, стр. 43].

3) осознанное создание терминов даёт возможность контролировать и регулировать этот процесс. Существуют доказательства, что, уже с самого начала, создания научных терминов стало вопросом «государственной важности» [7, стр. 7].

4) акт образования термина сложнее акта образования обычного слова. Если для последнего достаточно одной модели образования существующих слов, то для термина необходимо открытие терминологического содержания, то есть определения значения.

5) для терминологических номинаций очень важно, насколько прозрачна их внутренняя форма.

Принцип «прозрачного» содержания термина, является, также, основным. Функция морфем в процессе создания терминологических слов, шире, чем в литературном языке; морфемы являются также классификаторами.

Классификация научных греко-латинских элементов

В зависимости от позиционного критерия, мы различаем:

1. Препозиционный (препозитивный) научный греко-латинский элемент (префиксоид) – первая позиция (первоначальная) в слове: *aero-* (аэро-) < гр. *aer-*, -*os* «воздух» – *aerostat* (аэростат) «воздушный шар, наполненный газом легче воздуха, что позволяет рост в атмосфере», *aerofobie*

(аэрофобия) «патологическая боязнь сквозняков», *aerocel* (аэросел) «опухоль из-за чрезмерного растяжения с воздухом или газами» т.д.

2. Постпозиционный (постпозитивный) научный греко-латинский элемент (суффиксоид) – финальная позиция в слове: *-ectomie* (-эктомия) < гр. *ektome* «иссечение, удаление» – *gaeroectomie* (гастрэктомия) «удаление части желудка», *histeroectomie* (гистерэктомия) «экстирпация матки», *nefroectomie* (нефрэктомия) «удаление почки» и т.д.

3. Двухпозиционный научный греко-латинский элемент (двухпозиционный аффиксоид) – обе позиции в слове: *bar(o)-/-bar* (баро-/-бар) < гр. *baros*, *barys* «тяжесть, давление» – *barometru* (барометр) «прибор для измерения атмосферного давления»; *izobar* (изобар) «что проводят при постоянном давлении».

Из 1401 (100%) научных греко-латинских элементов, зарегистрированного в *Marele Dicționar de neologisme* автора Florin Marcu [8], 967 (69%) имеют статус препозиционного элемента (префиксоида); 285 (20,3%) – статус двухпозиционного элемента (двухпозиционного аффиксоида) 149 (10,63%) – статус постпозиционного элемента (суффиксоида).

Особенности образования сложных слов путём сочетания научных греко-латинских элементов

Этот процесс словообразования подразумевает несколько возможных комбинаций:

а) греко-латинский элемент + греко-латинский элемент (самосочетание): *autohton* (коренной) = *auto-* < гр. *autos* «один, одинокий, сам» + *-hton* < гр. *khton* «земля»;

б) греко-латинский элемент + самостоятельная лексическая единица. Самым ярким представителем является «культизм» – *auto-* < гр. *autos* «один, одинокий, сам», который в сочетании с 233 самостоятельными лексическими единицами образует новые слова: *autoevaluare* (самооценка), *autoironie* (самоирония), *autoinfecție* (самоинфекция) и т.д.;

в) самостоятельная лексическая единица + греко-латинский

элемент: *caracteriogramă* (характерограмма) «формула выражения отдельных черт характера», *characteropatie* (характеропатия) «сложные патологические черты личности, которые отрицательно влияют на социальное поведение», *characterologie* (характерология) «дисциплина, которая занимается изучением структуры и развития черт характера» и т.д.;

г) **греко-латинский элемент + аффикс.** К числу аффиксов относятся, в частности, те что относятся к определенным сферам деятельности; в медицине: *-ită* (-ит) от греческого *itis*, «указывает на наличие воспаления» – *gastrită* (гастрит) «воспаление слизистой желудка», *miozită* (миозит) «воспаление мышечной ткани», *rinită* (ринит) «воспаление слизистой оболочки носа» и т.д.

Следует отметить следующие особенности:

А) сочетание, подразумевающие 2, 3, 4 и даже 5 лексических единиц (самостоятельных и несамостоятельных): *angio + dia + termo + ciclo + punctură* (ангиодиятермоциклопунктура) «циклическая пункция кровеносных сосудов с помощью температуры» и т.д.

Язык состоит не просто из слов, а из значений, хранящихся в этих словах. Пределы слов – это пределы их значений. Семантический предел слова, образованного путём аффиксоидации, напрямую зависит от числа научных греко-латинских элементов из которых он состоит. Присоединение нового элемента открывает новый семантический предел, дополняя значение всего слова. Проследим следующие этапы:

Agnozie (агнозия) – аффикс *a-* < гр. «отсутствие» + элемент *gnozie* < гр. *gnosis* «знать»; у Сократа, «признание невежества», термин используемый в философии.

Topoagnozie (топогнозия) = *topoagnozia* (топогнозия) – < гр. *topos* «место» + *agnozia* – «невозможность определения осязаемого возбуждения на поверхности кожи», термин используемый в медицине.

Autotopoagnozie (самотопогнозия) – < гр. *autos* «один, одинокий, сам» + *topoagnozie* – «нарушение восприятия собственного тела, характеризуется неспособностью найти его

части», термин используется в психиатрии.

Таким образом, каждый лексический сегмент предлагает новые семантические нюансы, а слово, образовавшееся путём аффиксоидального сочетания, является выражением двух тенденций: а) субтилизация, конкретизация определённых структур, существующих реалий; б) словесная экономика, которая диктует краткую форму термина.

В то же время, примеры иллюстрируют интеллектуальную миграцию слов из разных сфер: философии, психиатрии, биомедицины; генерируемая инновациями, пересекающими эти дисциплины.

Б) Лабильность несамостоятельных лексических единиц: *cardiomegalie* (кардиомегалия) = *megalocardie* (мегалокардия) «увеличение объема сердца»; лабильность, которая не влияет на семантику слова; термины вписываются в отношения абсолютной синонимии, характерной только для слов, образованных путём сопоставления научных греко-латинских элементов.

А самосочитание одного и того же элемента является особенной чертой в образовании слов путём аффиксоидации: *reflex viscerovisceral* (висцеро-висцеральный рефлекс) < лат. *viscera* «потроха», «невралгический рефлекс меж внутренних органов», медицина; *adenție terminoterminală* (терминотерминальная адэнция) «потеря зубов», медицина; *metrometru* (метрометр) «метроном», музыка, зарегистрированы в *Dictionarul de Neologisme* [9, p. 678].

В) Способность и доступность сложного термина иметь различную семантику в зависимости от области, в которой он используется:

1. *Capilarometru* (капиллярометр) «прибор для измерения диаметра капилляров», медицина.

2. *Capilarometru* (капиллярометр) «устройство для определения капиллярности почвы», сельское хозяйство.

Сегодня мы являемся свидетелями огромного наплыва неологических терминов в различных сферах деятельности. Приток новых слов (и значений), проникнувших в язык за довольно короткий период времени, производит значительные изменения в

характере словообразования (оживление греческой модели словообразования), рост случаев образования путём аффиксоидации по сравнению с деривацией и словообразованием.

Статистический анализ лексического инвентаря, включённого в *Litera A, Marele Dictionar de Neologisme* [8, p. 19-107], выявил следующее: из общего количества рассмотренных слов (5639 самостоятельных и несамостоятельных лексических единиц): 149 (2,64%) являются научными греко-латинскими элементами (110 инвариантных и 39 вариантных), которые, в свою очередь, образуют 1675 слов (29,7%), 2 аффиксные лексические единицы, а 2204 (39%) являются терминами, образованными путём аффиксоидации.

Вывод. В трёхмерности языка (слово → предмет, слово → слово, слово → *ego hic nunc*) научные греко-латинские элементы относятся к первой категории, демонстрируя свой ономаσιологический характер, а механизм образования сложных слов путём аффиксоидации – к семантической категории в сочетании с синтаксической.

Неологизм – показатель динамики, жизнеспособности языка и представляет собой «фундамент изменений человека». Тенденциями, характерными для современной лексики румынского языка, являются: предпочтение терминов, поддающихся анализу; преобладание специализированных лексических единиц в ансамбле лексических заимствований; лингвистическая экономика, достигнутая путём сочетания научных греко-латинских элементов (аффиксоидов).

References:

1. Saussure F., *Scieri de lingvistică generală*, Iași, Editura Polirom, 2004. - 352 P.
2. Coseriu E., *Lecții de lingvistică generală*, Chișinău, Arc, 2000. - 302 P.
3. Kubrjakova E., *Chelovecheskij faktor v jazyke. Jazyk i porozhdenie rechi* [Human factor in the language. Language and the speech generation], Moskva.: Nauka, 1991, 238 P.
4. Danilenko V., *O terminologicheskom slovoobrazovanii* [On the terminological word

formation]. *Voprosy jazykoznanija* [Matters of Linguistics], 1973., No. 4, pp. 76-85.

5. Vinokur G., O nekotoryh javlenijah slovoobrazovanija v russkoj tehničkoj terminologii [On some aspects of word formation in the Russian technical terminology]. *Works MIVLI*, V, 1939, p. 24.

6. Budagov R., Terminologija i semiotika [Terminology and semiotics]. *Herald of MSU*, 1972, No. 2, p. 43.

7. Kutina L., Formirovanie jazyka russkoj nauki [Russian science language formation], Moskva-Leningrad., Nauka [Science], 1964. - 219 P.

8. Marcu Fl., Marele Dicționar de Neologisme, București, Editura Saeculum I. O., 2000. - 960 P.

9. Marcu Fl., Maneca C., Dicționar

de Neologisme, București, Ed. Acad. Române, 1986. - 1168 P.

Литература:

1. Saussure F., *Scrieri de lingvistică generală*, Iași, Editura Polirom, 2004, 352p.

2. Coseriu E., *Lecții de lingvistică generală*, Chișinău, Arc, 2000, 302p.

3. Кубрякова Е., Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи, Москва, Наука, 1991, 238с.

4. Даниленко В., О терминологическом словообразовании // Вопросы языкознания, 1973, Nr. 4, С. 76-85.

5. Винокур Г., О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИВЛИ, V, 1939, С. 24.

6. Будагов Р., Терминология и семиотика // Вестник МГУ, 1972, Nr. 2, С. 43.

7. Кутина Л., Формирование языка русской науки, М.- Л., Наука, 1964, 219с.

8. Marcu Fl., Marele Dicționar de Neologisme, București, Editura Saeculum I. O., 2000, 960p.

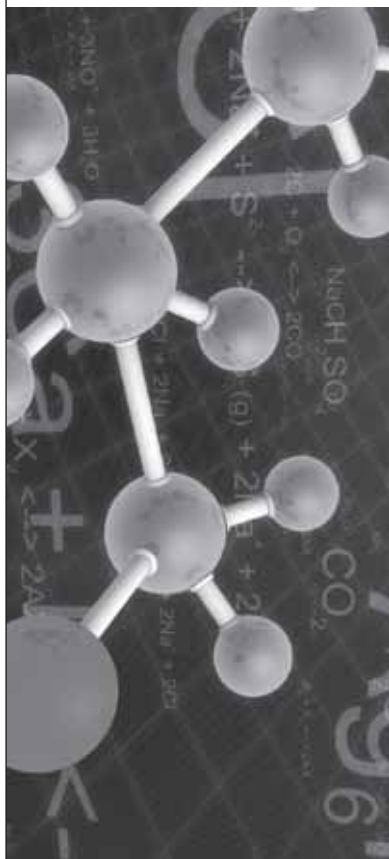
9. Marcu Fl., Maneca C., Dicționar de Neologisme, București, Ed. Acad. Române, 1986, 1168 p.

Information about author:

1. Eugenia Mincu - Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Research Associate, Nicolae Testemitanu State University of Medicine and Pharmacy; address: Moldova, Chisinau city; e-mail: min-janne@rambler.ru

GLOBAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC ANALYTICAL PROJECT

Global international scientific analytical project under the auspices of the International Academy of Sciences and Higher Education (London, UK).

The project unites scientists from around the world with a purpose of advancing the international level of ideas, theories and concepts in all areas of scientific thought, as well as maintaining public interest to contemporary issues and achievements of academic science.

The project aims are achieved through carrying out the championships and conferences on scientific analytics, which take place several times a month online.

If you wish to take part in the project, please visit:

<http://gisap.eu>

phone: +44 (20) 32899949

e-mail: office@gisap.eu

**SOUND SYMBOLISM AS THE SUGGESTIVE INFLUENCE MECHANISM
(BASED ON THE FRENCH LANGUAGE)**

E.I. Boychuk, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer
Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University, Russia

This article identifies the main phonostylistic mechanisms – alliteration and assonance, by determining their functioning as the means of sound depiction. The analysis of the relationship of form and content, sound and its values is carried out on the material of the French novel by G. de Maupassant “Bel Ami.” In the results of the study emphasizes the close relationship of visual and sound suggestive methods to influence the emotional state of the reader.

Keywords: assonance, alliteration, sound symbolism, sound depiction, suggestion, perception.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.941>

The most prominent means of sound symbolism are assonance and alliteration as means of creating euphony, harmony of sound. These are considered within the framework of the science of euphony, studying in verse the qualitative aspect of speech sounds, imposed by certain emotional pieces of art [Kwiatkowski, 1966 : 348]. It is known that these stylistic mechanisms of speech expression are applied not only to the poetic texts, but for prose as well. Moreover, in recent years, more often these mechanisms are considered as means of creation of the text rhythm, regardless of its type or functional purpose. Euphony phenomenon in verse is studied by many French linguists, including P. Verrier [1909], M. Grammont [1923], E. Martin [1924], P. Guiraud [1953], M. Gauthier [1974] and others.

Use of assonance and alliteration is closely related to semantic nature of the text, with its storyline, features, images of the characters, their appearance, speech, specificity, as well as subject- shaped structure of the text. This relationship is the subject of study of phonosemantics. In the matter of the relations between the sound and meaning the most highly recognized are the works of French researchers: A.C. de Géblin (1775), Ch. Nodier (1828), M. Chastaing (1958), Ch. Bally (1955), G. Molinié, (1989); H. Morier, (1998), M. de Grève (2000) and others. Among Russian researchers sound depiction problems were studied by O.M. Brick (1919), V.Y. Bruce (1955), B.P. Goncharov (1973), M.V. Ivanova (1990), A.P. Zhuravlev (1991), A.E. Nagovitein (2005), G.V. Vekshin (2006), E.V. Fedorov (2008) and many others.

The views of researchers on the definition of assonance and

alliteration vary. Some sources point to understanding assonance as a repetition of vowel sounds manifested in the final stressed syllable (P. Fontanier, (1977), P. Bacry, (1992), G. Molinié, (1996), H. Morier, (1998)), others consider the concept of assonance as a repetition of vowel sounds, regardless of their position and stress (A. Colin, (2004), C. Fromilhague, (2010), A. Beth, E. Marpeau, (2011), M. Jarrety, (2000)).

The first position is justified by the fact that the vowel sound repetitions are more noticeable and distinct when they are formed by the stressed vowels. The second point of view is more common nowadays.

From the point of view of some linguists the alliteration represents a repetition of consonant sounds in the position before the stressed vowel [Molinié, 1989; Morier, 1998]. The others determine it as repetition of consonant sounds at the beginning of words. In modern French the most popular point of view on the alliteration concept essence is represented in the Larousse dictionary: “Répétition des consonnes initiales ou intérieures dans une suite de mots pour obtenir un effet d'harmonie, de pittoresque ou de surprise (par exemple “de Ce Sacré Soleil dont je Suis deSCendue“(Racine))”.

Assonance and alliteration are the most common rhythm creation mechanism. Sound repetitions are explicit, lying on the surface of the text and therefore have greater influence on the perception of rhythm by the reader, as well as the text contents perception. We'll confirm it with examples from the novel by G. de Maupassant “Bel Ami.”

So, the following example shows a clear relationship of the rhythmic sounds repeatability [s, ʃ, f, z] with the semantics

of the image. The author offers the reader a very clear idea of thirst, tormenting the hero, of drinks, foaming, sizzling in glasses of outdoor cafes and it is further enhanced by the semantics of the phrase: Une soif chaude, une soif de soir d'été le tenait, et il pensait à la sensation délicieuse des boissons froides coulant dans la bouche. (p. 13).

The next rhythmic unit contains the repeating of the consonant [s], but the correlation with the value is different - the sound [c] psychologically means the propensity for friendship and cooperation [Nagovitein, 2005: 333]: Vous savez, nous sommes ici sans cérémonie, sans façon et sans pose. C'est entendu, n'est-ce pas ? (p. 26) – the semantics of the fragment confirms the psychological significance of the sound.

[Pressés, poussés, serrés], ballottés, ils allaient, ayant devant les yeux un peuple de chapeaux. (p. 21) – in this passage we see a repetition of consonants [p, s, r]; from a semantic point of view we see the irritation associated with a situation in which Duroy and Forestier have appeared to be.

The repetition of the consonants [r, ʒ, p] with similar semantic meaning is quite often. Those, for example, are situations involving the payment of money, the lack of which irritates Georges Duroy, especially in a situation when the debt should be given to a woman (in the context of the novel - Madame de Marelle, the mistress of Georges): Je la paierai quand je pourrai. (p. 83)

The following example combines the alliteration through the expression of feelings of the protagonists in the situation (in this case, a stout lady divided Charles and George) with the means of describing the look of the lady (mostly repulsive features - flushed, reddened hands clump).

Creating this image the author affects its perception: *Ils furent séparés / par une grosse dame qui entraînait/ une grosse dame décolletée, / aux bras rouges, / aux joues rouges, / vêtue et coiffée avec prétention, / et marchant si lourdement / qu'on sentait, / à la voir aller, / le poids / et l'épaisseur de ses cuisses.*// (p. 95).

Thus, the rhythmic repetitions of sounds [s, p, r, d, ʒ] express different feelings and reflect different characteristics of the image: the alternation of sounds [s, ʃ] at 7, 8 and 11 rhythmic groups combined with the sounds [p, r, d], which make up the anagram of the word *parade*, crowning the image of a pretentiously dressed stout lady. At the same time, these sounds express the perception of this lady by the protagonists, George and Charles, feeling unconscious hostility and anger towards her. This perception is reinforced by lexical repetition. From a psychological point of view, the most frequently recurring sounds [r, s, p] reflect the following value: aggression, friendship, cooperation, and a tendency to consider oneself superior in relation to others [Nagovitsyn, 2005: 331]. Thus, in the frequency of these sounds the aggressiveness reflects the impression made by the lady on the main heroes; the cooperation - the relationship between Forestier and Duroy; a tendency to consider oneself superior in relation to others - life position of the passing lady.

Dès qu'ils se sentirent en route, / ils se regardèrent / et se mirent à rire /, pour cacher une certaine gêne, / qu'ils ne voulaient point laisser voir.// (p. 141) - in this example, the value of the consonants changes: the same sounds [s, r] represent the laughter of Clotilde and Georges, the frequency of the sound [r] is increased in mid-sentence, in the third rhythmic group of the phrase. It is interesting to note that according to the golden section calculation formula; the third group is "golden", carrying the greatest meaning. According to A.E. Nagovitsyn, the meaning of the sound [r] is a vigorous activity and, as mentioned above, irritability, anger, tension, aggressiveness [Nagovitsyn, 2005: 330]. This tension is felt in the relationship between lovers, because none of them trusts each other, and the author emphasizes the insincerity of the relationship.

Alliteration of the sound [r] has high frequency in the text of the novel. This is probably a confirmation of any activity of Georges Duroy, directed to the implementation of his own ambitions. His actions, not obeying the laws of decency, have their own rhythm. That coldness and then indifference with which he changes his women, help him climb to the top of the vanity. And in the rhythm of his actions, we see the tension of nerve, not accompanied by pain in his soul, but by irritability caused by his own poverty during the early stages of his stay in Paris, as well as his own unfitness and mediocrity. And in this connection there is a desire to prove all his significance. Georges Duroy certainly wants to get everything at once, so the semantic values of the consonant [r] can also be speed, fast forced action, and therefore verbs of motion, containing this sound are frequently used: *Puis vinrent MM. Porion et Lapalme, / un maître et un amateur / qui se livrèrent à une gymnastique effrénée, / courant l'un sur l'autre avec furie, / forçant les juges à fuir / en emportant leurs chaises, / traversant et retraversant / l'estrade d'un bout à l'autre, / l'un avançant et l'autre reculant / par bonds vigoureux et comiques.* (p. 170); *Alors six dames se mirent à circuler entre les banquettes et on entendit un petit bruit d'argent tombant dans les bourses.* (p. 171).

In the last example we see the repetition of the sounds [p, b, d], creating the image of money falling into purses, but it is not the sound of coins, but the deaf bleak sound for Georges Duroy, who has not felt the freedom of a wealthy man yet. The fact that the sound [b] has the following characteristics: "propensity to saving, collecting, even avarice" confirms it [Nagovitsyn, 2005: 329].

The theme of money is very often implemented in the text: sometimes explicitly using lexical means, sometimes in a veiled form through the acquisition of alliteration, for example: *Et je fais ma liste. C'est un jeu, un petit jeu très gentil auquel on joue dans tous les salons parisiens à chaque trépas d'immortel : "Le jeu de la mort et des quarante vieillards."* (p. 88)

The repetition of the sound [ʒ] in such lexical environment (*jeu, gentil, joue*) brings the reader to thoughts about

money, which is the main protagonist in the game parlors – wherein the word *argent* is absent in the phrase.

The following example combines the sounds [m, f, r, s], when describing a woman and her worldview (maturity, family, mother, peace, temper, tears, contradiction), so as a keyword phrase can distinguish multi-valued word *femme* rhythmically repeated throughout the novel: *<...> elle mûre, mère de famille, femme du monde, elle devait se livrer gravement, avec une sorte d'emportement contenu, sévère, avec des larmes peut-être, mais avec les larmes de Didon, <...>* (p. 193).

Thus according to A.E. Nagovitsyn the sound [m] is the "propensity to ward anyone, sometimes petty, tendency to domesticity and family care, but under his tutelage" [Nagovitsyn, 2005: 331]. These values very accurately characterize Madame Walter and her attitude to Georges and his family. The most interesting is the fact that the repetition of the sound [f] means "strong relationships with people outside the environment of the subject and the predominance of purely material interests" [Nagovitsyn, 2005: 331]. This sound and its amazing psychological characteristics clearly reflect the attitude of Georges to Madame Walter.

Thus, in the text of the novel "*Bel ami*" the most frequent alliteration is the repetition of the sounds [r, s, m, f, ʒ, b, d]. From a psychological point of view the total consonant characteristic of the novel is reflected in the following values: aggressiveness, partnership, guardianship, predominance of purely material interests, physical well-being [ʒ], propensity to saving, collecting, even avarice, propensity to work, materialistic aspirations, concreteness to express one's feelings and desires [d].

The great interest has the characteristic of the rhythmically repeated vowel sounds in the text of the novel and their correlation with their meaning and the text structure. The most frequent non-nasal sounds are [a, o, y, i, e-ε, u]: *Quand Georges Duroy parvint au boulevard, il s'arrêta encore, indécis sur ce qu'il allait faire. Il avait envie maintenant de gagner les Champs-Élysées et l'avenue du bois de Boulogne pour trouver un peu d'air frais sous les arbres ; mais un désir aussi le travaillait, celui*

d'une rencontre amoureuse. (p. 13) – in this example, the sound [a] alternates with the sounds [wa, ε, a]; L'autre l'interrompt : «Allons, c'est bon. Encore un bock, n'est-ce pas ?» Et il cria : «Garçon, deux bocks !» (p. 18) - alternation of similar sound [o, ɔ, o]; [S'il avait pu en tenir un au coin d'une rue, dans l'ombre bien noire, il lui aurait tordu le cou, ma foi, sans scrupule,] comme il faisait aux volailles des paysans, aux jours de grandes manoeuvres. (p. 14) – use of the sounds [y, ʧi] in rhythmic units; Sacristi, il fait rudement bon ici, comparativement à Paris. (p. 12) – the repetition of the sound [i] in a simple sentence.

One rhythmic unit may contain simultaneously the repetition of several vowels. So, the following example shows a rhythmic repetition of sounds [u, e, ε] within a phrase: Grand, bien fait, blond, d'un blond châtain vaguement roussi, avec une moustache retroussée, qui semblait mousser sur sa lèvre, des yeux bleus, clairs, troués d'une pupille toute petite, des cheveux frisés naturellement, séparés par une raie au milieu du crâne, il ressemblait bien au mauvais sujet des romans populaires. (p. 12).

From a psychological point of view, the rhythmic recurrence of these sounds has the following values: a penchant for destruction, greed, the establishment of the commonwealth existing under the laws, increased sexuality, desire for aggression, destruction, imitation, mimicry [Nagovitecin, 2005: 334]. Certainly, the attitude to the sound meanings is subjective, but the fact of sound effects on the perception of the text is not denied, and therefore, the proposed explanation of the sounds has a right to exist.

Conclusion

The problem of the sound depiction is sufficiently studied by linguists. Scientists have accumulated quite extensive material on the relations between the sound and its meaning. But this subject opens new horizons of the research, in particular the question of sound symbolism extensively studied on the materials of children's literature, media, and advertising. In this case, the main function of the sound depiction is its use as a mean of suggestive influence, proceeding to the unconscious, detecting a direct correlation with the symbols of the unconscious, characterized by continuity, metaphoricity, rhythmicity,

emotional coloring, paradoxicality and the ambivalence.

In a literary text the transmission of emotions from the author to the reader is one of the main functions of the sound symbolism. So, J. Vendryes in the "Language" wrote that "the man speaks, not only to express the idea. The man speaks also to influence the other person and to express his own feelings..." [Vendryes, 1990: 146].

References:

1. Vandries, Zh. Jazyk [Language]. Zh. Vandries, S.V. Voronin, Fonosemanticheskie idei v zarubezhnom jazykoznanii [Phonosemantic ideas in foreign linguistics]. – Leningrad., Publisher LSU, 1990., pp. 146 - 153.
2. Kvjatkovskij, A.P. Pojeticheskij slovar'. [Poetic dictionary]. Kvjatkovskij A.P. – Moskva., Sov. Jencikl. [Soviet Encyclopedia], 1966. – 347 P.
3. Nagovicyn, A.E. Osobennosti ritmo-foneticheskoj struktury teksta: Smyslovoe napolnenie foneticheskikh znakov [Features of rhythm-phonetic structure of the text: Semantic filling of phonetic signs]. A.E. Nagovicyn. Textbook. – Moskva., MPSI: Flinta, 2005. – 408 P.
4. Dictionnaire de L'académie française [Electronic resource]: 8ème édition. Version informatisée., Access mode: <http://atilf.atilf.fr/academie.htm>
5. Molinié G. Problématique de la répétition. Langue française, 1994., No. 101, pp. 102-111.

6. Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. - Paris, Presses Universitaires de France, 1981. - 1263 P.

Литература:

1. Вандриес, Ж. Язык [Текст] / Ж. Вандриес, С.В. Воронин // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 146 - 153.
2. Квятковский, А. П. Поэтический словарь. [Текст] // Квятковский А. П. / - М.: Сов. Энцикл., 1966. - 347с.
3. Наговицын, А.Е. Особенности ритмо-фонетической структуры текста: Смысловое наполнение фонетических знаков [Текст] / А.Е. Наговицын // Учебное пособие. – М.: МПСИ: Флинта, 2005. – 408с.
4. Dictionnaire de L'académie française [Электронный ресурс]: 8ème édition. Version informatisée. URL : <http://atilf.atilf.fr/academie.htm>.
5. Molinié G. Problématique de la répétition // Langue française, 1994, № 101, —p. 102-111.
6. Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. - P., PUF, 1981. - 1263 p.

Information about author:

1. Elena. Boychuk - Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University; address: Russia, Yaroslavl city; e-mail: elena-boychouk@rambler.ru

«MYTH» ABOUT THE INFINITE
AFFECTIONATION OF DIMINUTIVE
WORDS IN THE NOVEL “SPACE” BY
WITOLD GOMBROWICZ

D. Hamze, Doctoral Candidate
Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria

This article counters the popular today idea regarding the myth as the synonym of delusion, or the anachronistic idea of something. It recovers its unending relevance as the axial construct of human existence and individual experience. The capacity of diminutives to destroy the illusion of the prevailing endearment in their emotional range and to be affirmed as mini-compendiums of mythological experience, constituted of an impressive poly-functional ensemble, as illustrated with examples from the works of Gombrowicz, is being put forth. The mediator role of diminutives within the communicative exchange between the individual and the Cosmos also unveils their ironic and form-destructive potential.

Keywords: myth, diminutives, endearment, irony, poly - functionality, Form, neologisation, communication

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

“МИФ” О БЕСКОНЕЧНОЙ
ЛАСКАТЕЛЬНОСТИ
УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В РОМАНЕ
‘КОСМОС’ ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА

Хамзе Д.Г., ассистент, докторант
Пловдивски университет им. Паисия Хилендарского,
Болгария

В статье оспаривается популярное сегодня представление о мифе, как синониме заблуждения или анахронического представления о чем-либо, и реабилитируется его вечная актуальность как осевой конструкции человеческого существования и индивидуального опыта. Автор выделяет проиллюстрированную примерами из творчества В. Гомбровича способность diminutives рассеивать иллюзию преобладания ласкательности в их эмоциональном спектре и утверждаться как миникомпендумы мифологического опыта, которые составляют внушительный полифонический ансамбль из разных функций: пародийной и оксиморонической, аксиологической, инициационной и космогонической, антиконвенциональной и реструктурирующей, эвфемистической и демиургической, пространственно-регулирующей, магической и мифологической, компенсаторной и коммуникативной. Посредническая роль diminutives в коммуникативном обмене между индивидом и космосом раскрывает и их иронический, формодеструктивный заряд.

Ключевые слова: миф, diminutives, ласкательность, ирония, полифункциональность, Форма, неологизация, коммуникативность.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.942>

Миф как сложная образно-философская и эстетическая конструкция мира, как первоначальное откровение предосознаваемого состояния вещей в психике индивида и как перманентное реанимирование и реактивирование архетипа, вне всяких аксиологических схем (параметров). Он гравирован в представлениях социума во „времена начал”, со своей строго определенной иерархичностью позиций, функций и „сюжетных” взаимоотношений в Божественном пантеоне, а также в рамках оппозиции бессмертный (божество) – смертный (человек); со своими идейно-интеллектуальными, художественно-эстетическими и эмоциональными посланиями, независимо от его места по линии времени и в данной цивилизации. Следовательно, миф был бы неуместным синонимом „заблуждения” в силу семантического несоответствия и количественной диспропорции в смысловом содержании двух лексем. Миф – это кардинальная онтолого-эпистемологическая категория, у которой нет негативной или критикогенной коннотации, а напротив, сакрализирует мировоззрение

антропологического сообщества и исполняет роль неприкосновенной бытийной модели, не подлежащей оценке, тем более – критике. По нашему мнению, мы не имеем права его „профанировать” и принижать до „заблуждения”, „запутанности”, „отклонения” или изжившего себя представления о чем-либо. Миф – это целое (и целостное) строение, архитектурный комплекс, служивший человеческому сознанию в течение тысячелетий и отметивший его веками своими архетипными истоками. Поэтому его нельзя свести к более краткому или более продолжительному состоянию заблуждения о чем-то. В этом и причина „кавычек” в заголовке статьи, как иронический намек на вошедшее в моду классическое отождествление мифа с заблуждением или ложью. Таким образом, опять ироническим путем, мы приходим к „мифу” о мифах, как комфортной броне, охватившей определенную модель мышления, мировоззренческую или жизненную позицию. Архетипы, воскрешаемые и ревитализируемые мифом, представляют собой узнаваемую путем интроспекции форму априорной

упорядоченности, в том числе и психической. Они – наши хранители и спасатели от опасностей души. Отвержение или игнорирование (недооценка) мифов было бы аномалией. Они обобщают человеческий опыт, вводят порядок в нашу жизнь. Их присутствие, наряду с присутствием метафор в качестве их „дериватов”, неизбежно. Без них не было бы возможным понимание всего, что нас окружает. Таким образом мы приходим к убеждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона о подчеркнута позитивном, витализирующем присутствии мифа в человеческой экзистенции, независимо от его отрывочного и редуцированного варианта. Он автоматически компенсируется своей противоположностью или плодотворным синтезом двух мифов, каким является случай с объективным и субъективным мифами – оба они, по мнению американских исследователей, релевантны и с достойным присутствием в нашем мышлении (в ментальном нашем пилигримстве), но по необходимости односторонние и крайние (Лакофф, Джонсон 1988). Поэтому после их обязательного объединения, они сублимируют в

mitfe опыта (mit doświadczeniowy – пол.) – перспектива, отвергающая в одинаковой степени и объективизм, и субъективизм как наш единственный выбор, так как разум включает и воображение как свою репрезентанту, а оно, со своей стороны, производит метафоры как имагинерную рациональность.

Диминутивы, которые не исчерпывают свой семантический объем основной своей функцией – *параметрической*, иронизируют объективистский миф, а явно маркированные субъективным отношением уменьшительные слова, в свою очередь, иронизируют субъективистский миф о явном самовыражении. Благодаря гармоническому сочетанию двух векторов, диминутивы воплощают их симбиоз как доминантный фактор для мифа опыта.

Тривиальным является заключение о том, что диминутивные аффиксы в языках, в которых уменьшительность является морфологической категорией, могут указывать на нечто большее, чем размер материальных субстанций. Их родство с эмотивным языком, с эмоциональными стереотипами, с психо- и этнолингвистическими интуициями, выдает радиальную упругость и семантическую транспозитивность (и трансцендентность) категории. В процессе метафоризации типичный кавалификант „небольшой размер” приобретает абстрактные измерения. Таким образом, диминутивы становятся *гетерогенными* в семантическом отношении. Ласкательность является вторичной производной от прямой дименциональности (категории, связанной с размерами предмета), маркированной как минимальная, и происходит от ласково-экспрессивной речи родителей к детям. В сущности, не существует определенной функции „ласкательность”. В зависимости от контекста, даже одно и то же уменьшительное имя отличается самыми разнообразными функциями – может выражать то любовь, то восхищение, то иронию; отвращение или пренебрежение. Субъективное „уменьшение” обычно выступает как „окачествляющее”, ироничное – если употребим „домишко” в значении „дворец”, лексема приобретает адми-

ративное значение благодаря иронии.

По словам самого Витольда Гомбровича, „Космос” – это роман о сотворении истории, о сотворении действительности, о том, как она рождается из наших ассоциаций несколько неуклюже, прихрамывая, ... чтобы ввести нас обычным образом в необычный мир, словно за кулисы мира... По следам многочисленных, словно бьющих ключом из Ничего, но на самом деле вполне „закономерных” в силу Космической логики улик, как знаков смерти, сопутствующих монотонному существованию одной якобы самой простой и на первый взгляд образцовой в эмоциональном и бытовом отношении семьи из Закопане, наратор-детектив прослеживает и разворачивает Абсолютный Формогенез, строит поэтапно мортабельные (словно предопределяющие роковой исход) парадигмы из разнородных на первый взгляд, но в сущности совершенно конгруэнтных (гармогенных, подходящих для сочетания) элементов, которые переворачивают наши представления о смысле жизни и смерти. Эти ритмические структуры, иллюстрирующие циклическое чередование Порядка и Хаоса, предлагают спасательную альтернативу (по примеру некротических конститuentов) - посредством нашего личного участия в Формогенезе, уже не как Формальные субординаты, а как созвучные инструменты во Вселенской Оркестрации (Омнифонии), превратить свою смерть в „бессмертное событие” и синхронное Вечности, трансцендированное со-бытиё.

Какова роль диминутивов в Универсальной ко-архитектоничности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно пролить свет на странный образ двойника автора – Леона, самого некоммуникативного из персонажей, персонафицированного отрицания любой коммуникации из-за своего непонятного, совершенно законспирированного для непосвященного языка, отмеченного дерзким словотворчеством, испещренного окказионализмами (в результате ошарашивающей вербальной эквилибристики), извергающего как вулкан из герметических уменьшительных для введения противника в заблуждение. Взаимная гравитация главных коммуникантов в лице Ле-

она и рассказчика Витольда, которая делает их сообщниками, проистекает из консолидирующей их смертельной цепи (словно приобщенной, приватизированной уменьшительными). Ее апогеем является зрелищно-торжественная сакрализация финального „обрядового” и синкретичного акта, интегрирующего смерть, автоэротичку и демииургию. Его вербальной репрезентантой, как пароль или криптограмма коммуникативного дуэта, является компрессив *Berg* с его расширенным синтаксическим вариантом, напоминающим магическую (заклинательную) формулу и звучащим паремийно (как апофтерма): *Bembergowanie bembergiem w berg* (Бембергование с бембергом в берге - рус.)

Диминутивами Леон перекидывает мост над пропастью между личным (индивидуальным) космосом каждого индивида и глобальным (всеобъемлющим) космосом для всех, выделяя их *консолидирующую, интегративную функцию* по отношению к Форме. Мы, как субъекты, формально предопределены, детерминированы и деиндивидуализированы, а уменьшительные слова, с одной стороны, являются *формалиями*, с другой (в речи Леона) – *ироногеммами*, атакующими Форму, антиформальными конструктами, проявлениями формофобии.

Диминутивы, обладающие единственным значением „небольшие размеры” (*patyczek, bibułka, twarzączka, żarcik, Wiselka, kamyczek, strumyczek*) (палочка, бумажка, личико, шуточка, Висалка, камешек, ручеек), занимают слишком скромное место в романе. Низка фреквентность и тех, что выражают *любезность, учтивость* (*kochanieńki, panoczkowie*) (миленький, миленькие господа) или же только ласкательность (*rączka, odrobineczka, uśmieszek, minka, parka, przyjemnostka, dzionek, domcio*) (ручка, крошка (кусочек), улыбочка, мордочка, парочка (от „пара” мужчины и женщины), удовольствице, денечек, домик). Обычно она скрывает что-то другое. Эти примеры ассоциативно отсылают нас к *эвфемистической функции* диминутивов, которая может прикрывать стратегию дистанцирования и самообособления (самоограничения), антагонистическую позицию, агрессивную тенденцию или же предо-

стерегать от нарушения табу (здесь ее дополняет *протегизирующая* (защитная) функция). Уменьшительное имя как эвфемизм разделяет территорию с *метафорой, иронией, парафразой*. В роли эвфемизмов, диминутивы обычно прикрывают свою *депрециативную* (принижающую) или остро *ироническую* семантику, поскольку маленькие или на вид „умилительные” вещи, кроме сочувствия и покровительственной нежности, вызывают также пренебрежение, презрение или насмешку, мотивированные доминантной позицией говорящего, воспринимаемого как превосходящего собеседника, как по размерам, так и по ценностности. (*Naukowczynie, pakunczki, Lulusia – pulchniutka i różowiułka z doleczkami a cacy, z paluszkami a kuku, z torebką, z chusteczką, z parasolką, ... z zapalniczką, ... salonik, karzelki, ... w pupkę, ... z kapelusikiem tyrolskim, ... z oczkami niebieskimi, z tustymi rączkami, ... rozkosznusium, półczoszek, majteczek, pantofelkami, wariantunium, żonkoś, rotmistrzunio, żonusia, Jadeczka, Jadzucha, Jadusia, zlotuś, niewiniątko, torcik*) (K, 83). (Научный работник, пакетики, Люлюша – пухленькая и розовенькая с ямочками и щип-щип, с пальчиками и щелк-щелк, с сумочкой, с платочком, с зонтичком, ... с зажигалочкой, ... салончик, гномики, ... по попке, ... в тирольской шапочке, ... с голубыми глазами, ... с толстыми ручонками, ... удовольствиенцем, дамский чулочек, трусики, туфельки, вариантчикитум, женишок, ротмистрчек, женушка, Ядечка, Ядуша, золотце, невиненький же ты мой, тортик). Формируются целые синтактико-диминутивные секвенции, поддерживаемые оноματοпеичными (окказиональными) маркерами, приобретающие вторичную диминутивность в диминутивном текстовом окружении, а латинские аффиксы (окончания), прилипшие к некоторым из гипокористичных конструкций, привносят одновременно пародийный и трансцендентальный нюанс. *Пародийная функция* уменьшительных имен выделяется при пародировании речи персонажа, а *оксиморонная* – например, в сочетании *thusta rączka* (толстая ручка): „*Człowieczuniu – pytał konfidencjonalnie – czyś z główką poszedł po rozumek do makówki?*” (K, 39) („Братец, – спрашивал поверительно, – ты с головушкой своей (всем раз-

умком) пошел за умом-разумом к своей башке?”). Здесь перифразированный в неологическом ракурсе фразеологизм (*przyjść po rozum do głowy* – ‘образумиться, обрести мудрость’, букв. ‘прийти и потребовать разума у своей головы’) – скоплением диминутивов и редупликацией лексемы „голова” посредством ее шуточно-экспрессивного „двойника” – стабилизирует позицию продюктора, сохраняет его интимную неприкосновенность и философско-экзистенциальную независимость, иронически раскрывает уязвимость коммуникативного партнера, предопределенную бессмыслием надеяться почерпнуть разум из а priori лишнего разума места. Как в только что процитированном, так и в следующем примере выделяется и *аксиологическая* (эмическая) функция диминутивов: „*Kulaszka, co ty tam ciumciawisz, nie widzisz, że cucu?*” (K, 21) (Кулашка, что ты там цумкавишься, не видишь, что ли, что цум-цум?) Эта энигматическая, под знаком сплошной неологизации, гипокористическая языковая эквилибристика обнаруживает *антиномическую природу самого вербального общения*, в которой проявляются одновременно *коммуникативная* и *антикоммуникативная* функции уменьшительных имен. Акоммуникативность (по принципу *негации*) выражается в неистовом галопировании за счет накопления диминутивов (из самых разнообразных производных основ: существительных, прилагательных, междометий, глаголов, местоимений и т.н.) – диминутивная гипертрофия, – с целью введения в заблуждение и убаюкивания сознания собеседника, который посредством этой зрелищной сверхфамильярности должен быть обезврежен (нейтрализован) как возможный оппонент или детектив („криминолог”). Эта псевдокоммуникативность напоминает „зловещие визии” Эмиля Чорана о prostituiровании словами, которые пропорционально их количественному возрастанию приближают нас к Небытию (Чоран 2006), а также взгляд Карла Яспера о нашей симуляции желания общения и понимания другого, при наличии ярко выраженного стремления к самоудостоверению и самоопределению – т.е., мы думаем о себе, в то время как нам кажется, что говорим о предмете. Если хотим радоваться полноценному об-

щению, советуем нам К. Ясперс, мы должны *поставить под сомнение возможность полной коммуникации* (Ясперс 1994). В речи Леона, избыливающей экзистенциальными посланиями „валющих лавинообразно” слов, дела обстоят иначе. Неудержимая амплификация диминутивов, репрезентативных для его речи, не приближает к смерти, не является метафорой нашей безнадежной бренности, а как раз наоборот – внушает идею бессмертия как посредством темпорально-пространственной бесконечности (инфинитности), при этом итеративной (повторительной) и градуальной, диминутивного континуума – симметрического и изоморфного (по аналогии) мортальных черед (цепей, парадигм), так и посредством ассоциации уменьшительных имен с детской речью. Ребенок – символ новой жизни, вечного рождения и вечной молодости. Здесь проступает и *космогоническая* функция диминутивов. Коммуникативность диминутивной экспансии выражается в строгой селективности по отношению к коммуникативному партнеру, в данном случае – Витольду – протагонисту и нарратору, который должен быть посвящен в тайны Леоновой конспирации. Здесь *инициационная* функция уменьшительных слов становится осязаемой.

Диминутивная „вулканизация” языка – специфический языковой катарсис и в то же время – „зеркальная симметрия” растущего эротического напряжения у героя, приближающегося к своей кульминации. Это эффективный способ атаковать и взорвать Форму, которая нас мучает и обезличивает, которая ставит нас в рабскую зависимость друг от друга. Здесь выделяется *деструктивно-реструктурирующая, антиформальная* и *антиконвенциональная* функция уменьшительных слов, которая в то же время является иронической по отношению к самому языку и автоиронической, как аллюзия, к их традиционному отождествлению с ласковым отношением к денотату и с его миниатюрными размерами. Ошеломляющая инвенция рассказчика по отношению к разнообразию диминутивных формантов и словоформ напоминает, с одной стороны, необозримую бесконечность Космоса, а, с другой, нашу потенциальную (и фактическую) встраиваемос-

ть и адаптивность, нашу роль и место в совершенной ткани Вселенной. Приведение бытовых „реалий”, связанных с домом, питанием, перевариванием, забавлениями, отдыхом, экстерьером и т.д., в диминутивную форму свидетельствует о нашем гармоническом, почти родственном, включении в космическое пространство, о нашей успешной интеграции с ним: „*odrobiniusia, strawusia, papiusium, palusium, lizusium, slodusium, papu, papu, naprzód co na zębusia, kąsim, kąsim, manżusium, winiusium, „wyfurczę, istny, smakołyk, łkusieńkowaty, ... łapcie...stareńkowate, pocztówkowate”* (K, 79) („крошечка, кушаньце, ням-нямущка, пальчики оближешь-ка, ням-ням-ням; прежде всего, что на зубик положим, и грыз-грызушум; кушаюшум, винишкапопиваюшум; „сейчас-ка я состряпаю вкуснятишку кусочкоглоточковую, ... ах, уж эти лапочки... стареньковатые, картинчатые”); „*domiś, pejzażuś, drzewusia, stamtusium, „- Spokojniusium, cierpliwusium, tulaj, tulaj, cotam, tam, tego, niedaleczko, hejże, ha!”* (K, 144) („домик, пейзажик, деревце, оттудажетум”, „- Спокойненькошум, терпеливенькошум ж обнимай, обнимай, ведь так ж оно и есть, недалеко опять, айда гоп!”). Наряду с более часто встречаемыми в романе формами (*zabawusim, wszyskusium, gadusium, spokojniusium, cierpliwusim*) (забавненькошум, вшисткушум, болтливошум, спокойношум, терпеливошум), производят впечатление своей аттрактивностью и дериваты с еще более необычными формантами: *z miejsca tego, cudownikowatego, musium* (немедленно надо займушум этим чудноковатым мужиком) Причудливые, сюрреалистические сочетания латиноподобных суффиксов (знак высокого стиля, „ученой” речи и стилистической амалгамы): *-um, -uś, -usium* и аглутинативной подвижной морфемы *-ś*, охотно прилипающей к любой лексеме без исключения, являются ярким примером языкового гротеска (в данном случае благодаря диминутивным конструкциям) с пародийными функциями – пародируется заблуждение относительно языковой самостоятельности и автономности субъекта, иллюзия о его формальной независимости и оригинальности, способности принимать самостоя-

тельные решения, которые распадаются и обесмысливаются под давлением космических императивов. Гротескные конструкции превращают „прово-возглашенный абсурдным” абсурд в естественный симбиоз равнозначных, равнопоставленных и равноценных, конгруэнтных (поддающихся согласованию), поливалентных и омниколокабельных (универсальной сочетаемости) элементов (*kulkasiaaa*, написанное со строчной буквы – от собственного имени *Kulka*) (кулкашьяя... Кулка). Упомянутый мобильный аффикс является показателем у-своения и аппроксимации, интимности и интегрирования с Абсолютом, пространственной адаптации человека во Вселенной. Он есть в то же время и мощный *деиктор*, выделяющий *демиургическую* функцию диминутивов в речи Леона: „*Niech pan sobie wyobrazim – człowiek, siedzim na pniusium – nie mówiusium – za godzinę marszysium – proszę się, nie denerwusium – tutaj, spoczusium i odetchnusium”* (K, 131) („Представьшум же ты, господин, - сидитшум же человек на пне, не разговариваетшум – через час пойдушум – прошу не волноватьсяшум – здесь отдохнушум и наберусьшум сил”), „*do dziś, przechowusium”*, „*niczego, nie zauważysium”* (K, 131) („до сегодняшнего дня сохранившишум”, „ничего не замечаюшум”). Неограниченная креативная энергия и формотворческие потенции языка проступают в прокативном „переустройстве”, порой с вульгарным привкусом, диминутивированных глаголов и существительных: „*przepaducium, zapaducium”* („пропадучюм, западучюм”), „*świntusium, zaświntowanko”* („свинтушум, засвинтованко”). Магическая формула Леона, как его лингвистическая инновация, оказывается раскодированной посредством своих функций, осязаемых в мультиплицированных диминутивных ансамблях: *pocichum, dyskretum, tajniusium, rozkosznisium, lubusium, kochasium, hajdusium, bergi* (тихонечкум, сдержанношум, тайкомшум, роскошношум, люблюсьшум, хайдушумберги).

Ритмические, рифмованные сочетания слов „*tusiolku, osiolku”* („рослик-ослик”), „*zachwyteńku, pomaleńku”* („восхитительненько помаленьку”)

(K, 40) похожи на заклинательные формулы, обладающие *магической* функцией. Примером формального приравнения объектов, их категориального уподобления, их взаимной символизации и метафоризации являются симметрические цепочки с *симилятивной* и *пространственно-регулирующей* функцией: „*wróbel – żaba – Katsiutka”*) (K, 51) („воробей – лягушка – Каташютка”) (последняя лексема является диминутивом второй степени).

В синхроническом расположении объектов с помощью диминутивов обнаруживаем их *митологизирующую* и *космологическую* функции, которые освежают в нашем сознании архетипы. По словам К. Г. Юнга, они являются совокупностью всех латентных возможностей человеческой психики, огромным материалом изначального знания о глубочайших взаимосвязях между Богом, человеком и космосом (по Якоби: 2000). „Открыть в собственной психике этот материал, пробудить его к новой жизни и интегрировать его в сознании, означает положить конец одиночеству индивида, так чтобы он вписался в процесс вечного сбывания” (Якоби 2000: 65). „*Zjawiskowość, rzekłbym, w połączeniu z girlandą natury, marzycielskość, trawusi, kwiatusi, drzewusi i jakieś zestrzumenie z poezją szemrze”* (K, 80) („Эта зрелищность, сказал бы я, в сочетании с венцом природы, с мечтанием травки, цветочка, деревца, и какое-то просыпание источников булькает поэзией). Эти квазидативные формы уменьшительных имен (для ж. р.) усиливают ощущение близости, интимности, родства со Вселенной.

Религиозные диминутивы: („*Bozia, ta wiesz, ja nie wiem, przepaducium, dupcium... Bozia, Bozia, niby coś tam nie wraca, nie wraca, Jezusiek, Maryśka, biedna moja lepete, myślę i myślę...*” (K, 81) („Боженька, знаешь ли, я не знаю, пропадучюм, дупчюм..., Боженька, так оно же, кажется, не возвращается, не возвращается, Иисусочек, Маришка, бедная моя головушка, все думаю и думаю...”). С одной стороны, эти диминутивные образования пародируют наивную и „бихевиористически-утилитарную” набожность, прорастающую на почве межчеловеческой, а не

в божьей церкви, которая принижает и делает тривиальной божественность в ее каноническом и чисто формальном варианте, а, с другой – посредством фамильярно-душевного общения (многочисленные эвокативы) в иератической сфере, снова постигается созвучие с Абсолютом, производится *трансцендирование* субъекта путем трансгрессии канона. Дефективное в принципе межлическое общение компенсируется сверхкоммуникацией с универсумом на внепрагматическом уровне. Очевидно, диминутивы выполняют и *компенсаторную* функцию, „возмещающую” коммуникативный дефицит.

„*Proszę szanownych spacerowiczów, paniusium i panusium, tutaj spoczusium! Spocznij! Chwilowe odetchnusium.*” (К, 145) („Милости просим, уважаемые гости, дамочкум и господиушкун, здесь отдохнемшум! Давайте! Немного отдохнемшум”). Интенция Леона приобщить всех к своей сакрально-эротической „литургии” как миниживалента и супплетива всеплодящей и перманентно воссоздающейся Космической материи, легла в основу диминутивированных глагольно-предикативных форм, создавая ощущение общности, солидарности, соучастия в Космогенезе посредством *конативно-апелативной* функции уменьшительности. Ее *идолатрическая* роль выделяется в заключительном кульминативном акте автопосвящения путем самопреодоления, путем одоления эротической фиксации (растворяя ее в Космическом пространстве).

Проведенное исследование диминутивности в романе „Космос” позволяет сделать следующие выводы:

1. Уменьшительность не только обогащает стиль, внося различные смысловые и эмоционально-оценочные нюансы в речь, смягчает и „гедонизирует” ее ласкательностью, но также отправляет ряд философско-психологических, этических, социально-коммуникативных, метафизических, экзистенциальных, космогонических и эстетических посланий;

2. Гипертрофированное накопление (сверхамплификация) диминутивов вызывает обратный (но, конечно, сознательно искомый в романе) эффект – *дегипокоризацию*, вследствие

действующей иронии в рамках самой диминутивности;

3. Диминутивная прогрессия раскрывает иллюзию движения в рамках глобальной космической неподвижности в целом (она составлена из ингерентных микродвижений) – *pracowity bezruch* (активная, действенная неподвижность). Иронизируется иллюзия о вечном движении „на пустых оборотах” в чисто человеческом, утилитарно-прагматическом плане;

4. Диминутивные неосинкретизмы Леона словно выкапывают и выводят на поверхность залежи первичного языка, предшествующего понятийному оформлению и уни-форменности культуры. Они обнаруживают предуставную (протоконвенциональную) действительность, и таким образом изначальная доязыковость сливается с бесконечной (метафизической) надязыковостью;

5. Благодаря диминутивной инвазии посредством уникального словотворчества Леона и авторской стилизации выделяется *парадоксальность языка* и его *антиномическая функциональность*. С одной стороны, язык является условием любого типа говорения, иллюстрирования собственного мира и формулирования собственных идей, а, с другой, он выступает как особый вид самозащиты (как убежище) от принуждения канона (посредством неологизмов, окказионализмов, ономапоеи), а также – как бунт против самого себя в силу неизбежной податливости Формальной „обработке” и зависимости от нее. В качестве контрапункта, однако, язык оказывается и императивным призывом к разрушению стереотипов и клише, к несоблюдению конвенций, к решительному подрыву устоев скованной, петрифицированной и затасканной от употребления Формы;

6. „Миф” о мифологической анахроничности и о мифе как заблуждении и несостоятельном мышлении подвергает сомнению и опровергает утвердившееся понимание, сводящее семантико-экспрессивный регистр диминутивов преимущественно к ласкательности. В пространстве гипокористики развертывается целый мифологический „рассказ”, хотя и в сокращенном (стилизованном) виде, о функциональной насыщенности и активности диминутивов, излучающих в

зависимости от контекста то одну, то другую функциональную доминанту.

7. В вербальном паноптикуме Леона преобладающей является ироническая и трансцендирующая функция диминутивов. Иронические векторы многонаправлены и их можно квалифицировать как:

а/ иронию языка (с помощью средств самого языка – как раз уменьшительных имен);

б/ иронию интерперсональных отношений;

в/ иронию чувств (якобы тепло, ласковость, душевность, доверительность, а на самом деле дистанция, враждебность, очерчивание границ);

8. Указанные функции, как, наверное, и другие, неотмеченные в этом исследовании, дают нам основание говорить о функциональной полифонии диминутивов.

References:

1. Gombrovich 2000: Gombrowicz, W. Kosmos. – Kraków., 2000, sokr. K.
2. Lakoff 1988: Lakoff, G., Johnson, M. Metafory w naszym życiu. – Warszawa., 1988.
3. Chorán 2006: Chorán, E. Narchnik po razložhenie. – Sofija., 2006.
4. Jakobi 2000: Jakobi I. Psihologijata na K.G. Jung. Pleven, 2000.
5. Jaspers 1994: Jaspers K. Vvedenie v filosofiju. Sofija, 1994.

Литература:

1. Гомбрович 2000: Gombrowicz, W. Kosmos. Kraków, 2000, сокp. K.
2. Лакофф 1988: Lakoff, G., Johnson, M. Metafory w naszym życiu. Warszawa, 1988.
3. Чоран 2006: Чоран, Е. Наръчник по разложение. София, 2006.
4. Якоби 2000: Якоби, Й. Психологията на К. Г. Юнг. Плевен, 2000.
5. Ясперс 1994: Ясперс К. Въведение във философията. София, 1994.

Information about author:

1. Dimitrina Hamze - Doctoral Candidate, Plovdiv University named after Paisii Hilendarski; address: Bulgaria, Plovdiv city; e-mail: didiham@abv.bg

MOTIVATION OF INNOVATIONS

M. Balasanian, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the «Russian Philology» direction of the Faculty of Education, Humanitarian and Social sciences Samtskhe-Javakheti State University, Georgia

Social and Political processes that take place in our everyday life have caused the changes in different spheres of Russian language. This in turn caused the activation of processes of word formation of neologisms, formation of neologisms also in speech; it has led to some changes in different semantic structures, to derivative and indirect nominations, to development of abbreviation nominations, to productive development of affixations and to formation of new composites, which specified the intensive development of Russian language, and this is very interesting and important nowadays.

Keywords: formation of neologisms, abbreviation nominations, indirect nominations, development of affixations.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

МОТИВАЦИЯ ИННОВАЦИЙ

Баласаниян М.А., канд. филол. наук, ассоциированный проф., руководитель направления «Русская филология» Самцхе-Джавакетский государственный университет, Грузия

Социальные и политические процессы, происходящие в нашей повседневной жизни, привели к изменениям в различных сферах русского языка. Это, в свою очередь, привело к активизации процессов словообразования, формирования неологизмов также и в речи. Это также привело к некоторым изменениям в различных семантических структурах, производных и второстепенных значениях, к развитию формирования сокращений, к успешному развитию аффиксаций и к формированию новых структур, которые определили интенсивное развитие русского языка, что очень интересно и важно в наше время.

Ключевые слова: формирование неологизмов, формирование сокращений, второстепенные значения, развитие аффиксаций.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.943>

Известно, что новые слова в языке появляются постоянно, на всех этапах его существования. В пору социальных потрясений эти процессы языкового развития ускоряются.

Стремительно меняющиеся общественно-политические условия в России и постсоветском пространстве привели к языковым изменениям и ускорили формирование неологии, недавно возникшей молодой отрасли языкознания, находящейся в состоянии непрерывного развития.

Вербализируя новые мыслительные категории, лексическая система вынуждена постоянно перестраиваться: появление нового слова может быть вызвано как потребностями общества, так и действием причин, не связанных непосредственно с отражением картины мира.

При любой номинации важная роль отводится мотивировке. Мотивированными могут быть слова, созданные из материала своего языка, где нередко имеет место метафора или метонимия, а также сконструированные из международных элементов и др.

Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым осознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы.

Различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов, новыми смысловыми отношениями в структуре слова, то есть «внутренней формой» слова.

Учение о «внутренней форме» слова впервые было разработано В.Гумбольдтом. Но некоторыми сторонами проявления внутренней формы в языке ученые заинтересовались задолго до В.Гумбольдта, начиная с древнекитайских философов, ученых Древней Греции и Рима.

Как отмечает В.В.Виноградов, «внутренней формой» слова многие лингвисты вслед за В.Гумбольдтом называют способ представления значения в слове, «способ соединения мысли со звуком». (1,17)

В русском языке этот термин закрепился после трудов А.А.Потебни (3,185).

«Внутренние формы» слов исторически изменчивы и подвижны. Они обусловлены свойственным языку той или иной эпохи стилем, тем или иным способом воззрения на действительность и характером отношений между элементами семантической системы.

Диалектная связь между планом содержания и планом выражения лексической единицы определяет такую лексическую универсалию, как мотивированность лексической единицы. Мотивированность – это отношение семантики термина к первичному корневому значению слова с учетом степени их взаимозависимости. Что же касается термина мотивация, то он понимается по-разному. Одни считают его процессом мотивированности. Мотивация – это констатация факта мотивированности, без чего трудно объяснить появление абсолютного большинства слов. Одна-

ко научный язык знает немало фактов, когда абсолютной необходимости в мотивации нет и слово или термин навсегда закрепляются в языке (газ, нейлон, влияние и др.). Здесь уместны образные слова Ф.де Соссюра: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немислимо представить себе и такой язык, где мотивированно было бы всё. Между двумя крайними точками – наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью – обретаются всевозможные разновидности». (5, 128).

Экстралингвистическими причинами процесса лексической неологизации в русском языке являются:

- идеология и социальная структура общества: **антиперестроечный** (направленный против перестройки);
- форма организации производства, производственных сил и отношений: **рыночник** (сторонник рыночной экономики)
- социальные факторы научно-познавательного значения: **византология** (наука, изучающая явления насилья)
- социальные факторы эстетического плана: **музыкализм** (направление в живописи, стремящееся её средствами отобразить характер музыки).
- Эволюция языка в целом, его пополнение регулируются не только факторами внешнего характера, но и коммуникативной функцией языка:
- тенденция к экономии (ЕС – Европейское сообщество)
- тенденция к регулярности

(медиаэтики – собрание всех средств СМИ)

- тенденция к экспрессивности наименований (заморозки – усиление контроля над общественной жизнью)
- тенденция к аналогии (федерация – федерализм).
- Процесс возникновения нового слова связан с формой движения, сменой времени и категорией пространства.

Движение представляет собой процессы: развития, определённые качественные трансформации (*изотермия* – лечение благотворным воздействием рисунка); взаимодействия, обуславливающего проявление новых грамматических, стилистических и эмоционально-экспрессивных свойств уже известных слов (*элиты, национализмы*, не имевшие раньше формы множественного числа; *бизнес, диссидент, предприниматель*, ранее нейтрально окрашенные); перемещения, обуславливающего появление новых заимствований (*саммит, трансфер*); взаимопревращения, ведущего к появлению новых омонимичных слов из уже имеющихся ЛСВ, теряющих с течением времени связь друг с другом.

Фактор времени является системообразующим признаком категории нового слова: внешнее время связано с событиями истории общества, внутреннее, лингвистическое время измеряется трансформациями лингвистического статуса слова: утрата новизны: *харизма* – одарённость, удачливость; *грант* – переход в разряд традиционных; *ваучер, суверенизация* – движение к исчезновению слова.

Появление нового слова регулируется также категорией пространства. Новое слово может появиться в языках вообще, в определённом национальном языке, в литературном языке, в подязыке.

Что же касается объёма понятия неологизм, то он является элементом лексического уровня и к новым словам помимо собственно русских слов следует отнести и заимствованные, появившиеся в русском языке позже (*сейшен - концерт рок-музыки, хакер – компьютерный фанат* и др.), также и те, которые ранее были за пределами литературного языка (*беспредел, тусовка, разборка*).

Систематизация же неологизмов по характеру называемой реалии обуславливается сущностью слова как номинативной единицы. Своеобразную картину представляют инновации, используемые для новых единиц.

Лексические инновации в языке представляют значительную часть номинации реалий и понятий.

Лексические инновации в языке: номинативы (спичрайтер – автор речей высокопоставленного лица, долларизация – внедрение американского доллара в экономику, сэкондхенд – бывшие в употреблении вещи); *эфмеризмы* – неологизмы, обозначающие преходящие явления (*леггинсы* – разновидность штанов узкого покроя); ксенизмы – новые заимствованные слова, отражающие быт других стран (*кампо* – традиционная японская медицина); относительные неологизмы – новые слова, входящие в общелитературный язык из других языковых сфер (*тащиться* – испытывать восторг, *жалковать* – жалеть), а также слова, получившие новую употребительность в связи с перемещением из пассивного в активный состав языка.

Лексические инновации в речи (окказионализмы) характеризуются прикрепленностью к контексту, одноразовостью употребления, ненормативностью (*однопартник, университетчик*).

Потенциальные неологизмы обозначают потенциально новые реалии: *врач-эколог* – врач, осуществляющий лечение с учётом экологических характеристик; *экополис* – город, построенный с соблюдением требований экологии.

Каковы же пути семантической неологизации?

Непрямая (вторичная) номинация, разновидностью которой является метафоризация, а её типами являются: **мотивированные метафоры**: *канарейка* – комнатная певчая птица с ярко-желтым оперением/о милицейском автомобиле желтого цвета с голубой полосой; **синкретические метафоры**, образующиеся на основе смешения чувственных восприятий: *пещерный* (реакционный, звериный), *застой* (период экономического упад-

ка и коррупции в советской истории); **ассоциативные метафоры**: *нафталиновый* (давно отошедший в прошлое), *чайник* (наивный человек).

Косвенная номинация – особый вид вторичной номинации, порождающей новые ЛСВ, особенность которых – выражение значения в сочетании с другими словами: *горячие деньги* (избыточные деньги), *живые деньги* (существующие в наличии), *сидячий волейбол* (осуществляемый инвалидами).

Родо-видовая семантическая деривация (расширение и сужение значения): расширение значения – *уотергейт* – политический скандал в США, связанный с нарушением законности в период президентской избирательной кампании/о политическом скандале на государственном уровне; сужение значения – появление в ЛСВ новых семантических признаков, конкретизирующих значение слов – *перестройка* – переделка чего-либо по-новому/изменения в социально-политической сфере страны.

Морфологическая деривация – нетрадиционный способ семантической неологизации, при которой изначально образуется новое слово, присоединяющееся к фонетически тождественному, исторически предшествующему слову и усваемое как очередной ЛСВ полисеманта. Для такого пути семантической неологизации Н.С.Котёловой был предложен термин *агрегатирование*. Подобные новообразования нельзя считать ни новыми словами, ни омонимами. Они могут образовываться за счёт различных словообразовательных средств: *афганец, чеченец, кавказец*.

В языковом сознании современной эпохи значительна роль аббревиации, почти все секторы отображаемой в языке действительности стали доступны только для аббревиатурных наименований. Аббревиатуры инициального типа (*ЦБ* – Центральный Банк); аббревиатуры, имеющие формо- и словообразовательные парадигмы: (*СНГ, снеговый, снежинник; бомж, бомжиха, бомжатник, бомжевать*); слоговые аббревиатуры, для создания которых чаще используются не слоги, а просто осколки слов (*загранпаспорт, исполсек* и др.). Аббре-

виатурные инновации возникают как символы нескольких наименований под влиянием западно-европейских параллелей и активно входят в устную форму речи.

В производстве имен предметов активно явление универбации при помощи различных суффиксов: *кремлёвка, негативка и др.* Это явление называли стяжением или синтетической аббревиацией. В.В.Лопатиным был предложен новый термин – универбация, который и вошёл в употребление.

Интенсивно производство субстантивных относительных прилагательных: *имиджевый, рейтинговый, силовой, ценовой и др.* Новообразования с суффиксом –ов- часто функционируют с однокоренными прилагательными с суффиксом –н- (*сильный-силовой. ценный – ценовой*). Активность относительных прилагательных проявляется в широком использовании их как базы формирования новых имён признаков субстантивного характера: *эстрадность, дневниковость и др.*

В современном словообразовании наблюдаются изменения не только в словообразовательных типах языка, но и трансформации в морфемном корпусе системы. Инновации могут возникнуть непосредственно по модели конкретного слова: конечная часть названия вашингтонского отеля «Уотергейт» превращается в своеобразную морфему с признаками суффикса, участвующего в образовании слов, обозначаю-

щих разновидности политических скандалов, афёр и т.п.: *урангейт, юаргейт, чеченгейт* и т.д.

В настоящее время в русском языке изменения происходят почти так же стремительно, как в политике. Особенно активен процесс словообразования. Для современного языка в целом характерна роль личностного начала: значительное место занимают имена лиц, также активно используются имена предметов. Прилагательные составляют второй по численности разряд новообразований, среди них наиболее активны отсубстантивные относительные прилагательные. Возможно, что некоторые явления и значения слов окажутся недолговечными, не закрепятся в качестве нормы, но они представляют определённый интерес для современности. Русский язык сегодня живёт интенсивной жизнью. Какие из инноваций уйдут, а какие сохранятся, покажет нам будущее.

References:

1. Vinogradov V.V. Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language. The grammatical doctrine about the word]. – Moskva., 1991
2. Novye slova i znachenija. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury. 6000 slov [New words and values. The reference-dictionary based on materials of the press and literature. 6000 words]. - Sankt-Peterburg., 1997

3. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk [The thought and the language]. - Moskva, 1982

4. San'ko E.V. Neologizacija v sovremennom russkom jazyke konca XX veka [Neologization in modern Russian at the end of the XX century]. ADD. - Volgograd, 2000.

5. F. de Sossjur. Kurs obshhej lingistiki [The general linguistics course]. – Moskva., 1983.

Литература:

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М., 1991

2. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы. 6000 слов. - СПб., 1997

3. Потебня А.А. Мысль и язык. - М., 1982

4. Санько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века. АДД. - В., 2000

5. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1983

Information about author:

1. Mariana Balasanian - Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the «Russian Philology» direction of the Faculty of Education, Humanitarian and Social sciences, Samtskhe-Javakheti State University; address: Georgia, Akhaltsikhe city; e-mail: amadan1@rambler.ru

«LEXICON ORCHESTRA» AND MATTERS
OF SCIENTIFIC METHODOLOGY IN
RELATION TO THE LANGUAGE

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Meaning dynamics of the word “lexicon” is traced in terminology and in everyday use. In some dictionaries it is marked as “archaic”, but it is used in word combinations in which its primary meaning is either widened or lost, and it becomes a buzz-word. Multilevel homonymy in terminological use of this word is revealed with the methodological outcome.

Keywords: word meaning, common knowledge, terminology, methodology.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

«ЛЕКСИКОН ОРКЕСТР» И ВОПРОСЫ
МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Прослеживается динамика значения слова «лексикон», в некоторых словарях имеющего помету «устаревшее»; приводятся примеры его использования в разных значениях и словосочетаниях в науке и в быденной речи, включая случаи утраты исходного значения и перехода в категорию «модных» слов. Выявляется многоуровневая омонимия терминологического использования этого слова, делаются методологические выводы.

Ключевые слова: значение слова, быденное знание, терминология, методология.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.944>

Вводные замечания

Общая тема проходящего ныне этапа первенства по научной аналитике по филологическим наукам ориентирует на рассмотрение вопросов, так или иначе связанных с ролью слова в жизни общества. Одним из аспектов этой проблемы является соотношение между общепотребительным словом и термином. Известно, что возможны два пути: из быденного использования некоторое слово может перейти в статус термина и, наоборот, – термин может стать широко употребляемым в речи словом, вплоть до потери исходного значения и перехода в категорию «модных слов». Именно в этом ключе далее будет рассмотрена судьба слова «лексикон», фигурирующего ныне во многих значениях и словосочетаниях, в том числе – в невероятных с позиций здравого смысла и семантически «пустых» (типа вынесенного в название этого доклада). Моя основная цель – акцентировать роль учёта динамики значения слова для его корректного терминологического использования.

Динамика общезыкового значения слова «лексикон»

Этимология обсуждаемого слова (со ссылкой на словарь М. Фасмера) следующим образом объяснена в [20]: «Происходит от др.-греч. λέξικόν (βιβλίον), букв. «словарная (книга)»; из λέξις «слово». Русск. лексикон — впервые у П. Беринды (1627 г.); за-

имств. через нем. Lexikon (XVII в.) или, подобно последнему, — книжным путем из лат. lexicon»,

Динамику значения слова «лексикон» в русском языке можно проследить, начиная со словаря В.И. Даля. Во втором томе этого словаря содержится такое толкование: «Лексиконъ – м. словарь, речникъ, словотолкъ, словотолковникъ» [6: 246]. В словаре С.И. Ожегова разграничены два значения рассматриваемого слова: «Лексикон, -а, м. 1. То же что словарь (в 1 знач.; *устар.*) Французский л. 2. Запас слов, лексика (*книжн.*). У него бедный запас л. [8: 312]. Уточню, что на с. 720 того же словаря под 1-м значением слова «словарь» понимается «1. Сборник слов в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык». В словаре [7: 389] фактически повторены данные словаря С.И. Ожегова: «1. *Устар.* Словарь. Ср. вокабулярый, глоссарый, конкорданс, тезаурус. 2. Запас слов: Л. у него богатый». Итак, мы можем разграничить два общепринятых значения слова «лексикон»: ЛЕКСИКОН₁ («перечень слов с толкованиями») и ЛЕКСИКОН₂ («словарный запас»).

Для сопоставления обратимся к динамике значения коррелята этого слова в английском языке. Начнём со словаря 1854 года, где указывается, что слово «Lexicon» греческого происхождения, оно имеет следующее значение: «a dictionary; a vocabulary, or book containing an alphabetical arrangement of the words in a language, with the definition of each,

or an explanation of its meaning» [10: 660]. Теперь возьмем авторитетный современный словарь английского языка [9: 1036], где приводятся три значения того же слова: «1. A dictionary. 2. A stock of terms used in a particular profession, subject, or style; a vocabulary: the lexicon of surrealist art. 3. Linguistics. The morphemes of a language considered as a group». К базовому значению рассматриваемого слова (т.е. ЛЕКСИКОН₁) добавились два терминологических значения: ЛЕКСИКОН₃ («перечень слов, используемых определённой группой людей», «справочник») и ЛЕКСИКОН₄ («лингвистический термин»), что создаёт основания для омонимии терминов.

Обратим внимание на то, что пометы «устар.» и «книжн.» для слова «лексикон» в словарях [7; 8], возможно, соответствовавшие положению дел в годы их составления, противоречат ситуации сегодняшнего дня, как и отнесение к числу устаревших приведённых там же слов «конкорданс» и «тезаурус», ибо эти слова становятся всё более популярными в качестве терминов информатики, что побуждает обратиться к поисковым системам для выявления особенностей функционирования слова «лексикон» в новом информационном пространстве.

Подчеркну, что результаты поиска в сети Интернет (например, через [17]) нельзя принимать как полностью достоверные и современные – необходима проверка по разным параметрам. Так, первый же предлагаемый поисковыми системами источник – викисло-

варь [20] повторяет сведения, почерпнутые из печатных словарей, сохраняя содержащиеся там пометы: «1. книжн. филол. словарь, преимущ. иностранных слов • Французский лексикон. 2. книжн., устар. Собрание слов, сведений, выражений, справочник в форме словаря • Технический лексикон. 3. разг. запас слов, лексика • У него грубый лексикон».

Правомерность помет «книжн.» и «устар.» для значения под рубрикой «2» опровергается первым же взглядом на многостраничный перечень наименований в результатах предпринятого поиска, а тем более – содержанием последних, например: «Лексикон» – *словарь покерных терминов; Лексикон популярных заблуждений; Антивзяточный лексикон; Милицейский лексикон; Лексикон красоты; Лексикон демона; Лексикон современного интеллигента; Лексикон настоящей балерины; Лексикон гонимых; Лексикон Новой и Новейшей драмы*. На сайте [18] приводится статья «Лексикон мигранта или Сертификат за 780 выученных русских слов», а по окончании телепередачи можно услышать или увидеть на экране следующую информацию: «Фильм озвучен студией “Лексикон”». Слово «лексикон» нередко выступает наименованием некоторой организации или мероприятия: *Языковой центр «Лексикон» (курсы, обучение, репетиторство); Интернет-журнал «Лексикон»; Ролевая игра «Лексикон»; Туристическое агентство «Лексикон»; Бюро переводов «Лексикон»; Лексикон оркестр*. В связи с распространённостью такого использования слова «лексикон» возможно выделение значения ЛЕКСИКО₃ («название»), за которым может скрываться многоименное издание. Так «Психологический лексикон» [15] представляет собой энциклопедический словарь в 6 томах (История психологии в лицах). В наименовании Lexicon Entertainment речь идёт о разработке и издании компьютерных игр. Так слово «лексикон» становится широко известным (в том числе детям – через компьютерные игры), при этом нередко в отрыве от его первого, базового значения, но с приобретением характеристик «модного» слова, о значении которого просто не задумываются.

В качестве самостоятельного можно также выделить значение ЛЕКСИ-

Рис. 1.

КО₆ – компьютерную программу особого назначения, подробно описанную в источнике [19]. Поиск в Сети выводит и на словосочетание «лексикон человека», которое представляет собой психолингвистический термин, по своему значению близкий к термину «ментальный лексикон». Тем самым мы имеем основание вернуться к значению ЛЕКСИКО₄ («лингвистический термин») как зауженному, поскольку этот термин фигурирует и в психологии, психолингвистике, информатике, т.е. требуется отнесение к более общей категории «научный термин», а значит – снова, на другом уровне обобщения, возникает омонимия терминов, так как каждая наука вкладывает в любой термин специфическое содержание и включает его в определённое категориальное поле со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Терминологические значения слова «лексикон»

Возникает проблема: следует ли раздельно нумеровать все терминологические значения рассматриваемого слова или разумнее объединить эти термины через общее значение «научный термин». Но именование ЛЕКСИКО₃ («перечень слов, используемых определённой группой людей», «справочник») также является терминологическим, а различия между лингвистическим термином «лексикон» и психолингвистической трактовкой его омонима настолько велики и принципиальны, что их нельзя подводить под одну и ту же рубрику. Более того, приведённое выше определение термина «лексикон» отражает только один из подходов к лексикону с позиций

лингвистической теории, а диапазон психолингвистических определений лексикона требует написания отдельной работы по этому конкретному вопросу (см., например: [1]). Иначе говоря, если мы обратимся к многочисленным научным публикациям, в которых слово «лексикон» выступает в качестве термина, то количество требуемых индексов значительно увеличится в зависимости от привлекаемых научных направлений, выработавших своё понимание сути и особенностей именуемого объекта. Подразделим имеющиеся трактовки значения слова «лексикон» на две основные группы: к первой из них окажутся отнесёнными общеязыковые (общепотребительные) значения, а ко второй – все терминологические с разноуровневыми подгруппами, при этом значение «словарь» оказывается общим для обеих групп (см. схему на рис. 1).

Ситуация с использованием термина «лексикон» в психолингвистике настолько сложна, что требует обсуждения в отдельной работе, поскольку требуется дать теоретическое обоснование того, почему наряду с существованием междисциплинарного научного направления исследований по проблеме «ментальный лексикон», изданием международного научного журнала под таким названием и т.п. высказывается мнение, что само понятие «лексикон» является излишним, от него следует отказаться (см., например, [3–5]). По этой причине ограничусь здесь примером многозначности термина «лексикон» в информатике.

Анализ разнообразных дефиниций лексикона в публикациях из области информатики позволяет сделать заключение, что под словом «лексикон», входящим в разные словосочетания (в

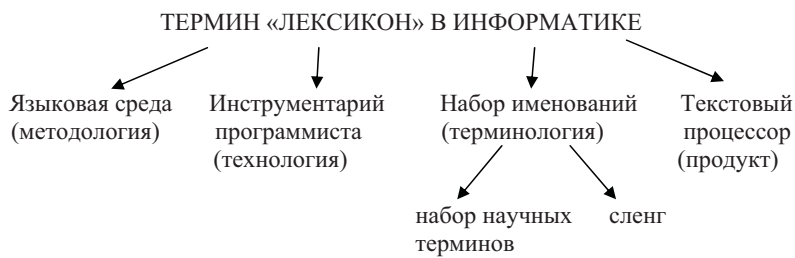

Рис. 2.

том числе – «лексикон программирования», «лексикон программиста» и т.д.), могут пониматься сущности разных направлений: методологического (как языковой среды программирования в трактовке акад. А.П. Ершова [11]), технологического (связанного с разработкой программных продуктов, см.: [13]), терминологического (с подразделением на научные термины и сленг программистов, см.: [7; 19]), реализационного (в качестве продуктов деятельности программистов, т.е. работающих компьютерных программ, см., например, [14]). Вариативность использования слова «лексикон» в информатике можно представить с помощью схемы (см. рис. 2).

Заключение

При совмещении рисунков 1 и 2 прослеживается многоуровневая омонимия термина «лексикон», которая с таким же результатом может быть выявлена и для других направлений терминологического использования рассматриваемого слова (вспомним хотя бы о том, что в некоторых лингвистических теориях лексикон трактуется как «довесок» грамматики). Примеры использования этого слова как «пустого», «модного», к сожалению, отражают довольно широко распространённую ситуацию неоднозначности терминов и неоправданного расширения их значения до потери исходного. Аналогичное положение с термином «методология» обсуждалось в докладе [2]; могу добавить, что слово *methodology* уже зарегистрировано в категории *buzz-words*; это не удивляет, поскольку в [16] для иллюстрации значения этого слова приводится пример: «For solving crossword puzzles my usual methodology is to begin by filling in all of the answers I'm reasonably sure of», где на самом деле речь идёт о

предпочитаемой последовательности действий, которую правильнее называть «стратегией решения задачи». Множатся и примеры со словом «концептуальный»: в утренней радиопередаче (рубрика «Утро на кухне») на днях прозвучало: «Как вы относитесь к такому завтраку *концептуально?*», а в отзыве официального оппонента о кандидатской диссертации говорится, что рецензируемая работа «представляет собой *концептуальное* исследование *выбранной* темы». Попытки «осовременить» давно функционирующие и всем понятные наименования посредством использования слова «концептуальный» демонстрируются иногда самими пользователями через последующее разъяснение типа: «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИКА (Толковый словарь по информатике)» [13]. Думается, в подобных случаях просто-напросто срабатывает житейская логика типа: «и мы не лаптем щи хлебаем...». Близкий случай – становящееся модным использование калькированного термина «нейминг», неоправданное использование которого стало появляться в студенческих работах и зна языковедческих конференциях.

На самом деле приводимые примеры отвечают общеязыковой тенденции внезапной популярности некоторых слов (ср. регулярно публикуемые перечни «Слов года», «Buzz-words» и т.п.), однако то, что происходит с общеязыковой лексикой, не всегда допустимо для научных терминов. «Замыливание» научных терминов при всплеске их популярности ведёт к переходу их в категорию специфических «меток» показательной современности и научности, что на самом деле может маскировать недостаток компетентности и поверхностность суждений. При фактической омонимии терминов обсуждение вопросов теории оказы-

вается беспочвенным из-за отсутствия у коммуникантов «разделяемого знания» – каждый исходит из своей трактовки сути термина и не может услышать собеседника, реально оценить особенности его концепции. Нередко такое случается в ходе дискуссии с явной подменой предмета обсуждения из-за «шор», мешающих услышать и понять точку зрения «другого». Отсюда следует основной вывод: требуется внимательное, вдумчивое отношение к используемой терминологии с пониманием вероятности динамики того, что может увязываться с тем или иным научным термином. Развитие научных представлений об изучаемых объектах может требовать отказа от привычных постулатов и связанных с ними терминов вплоть до перехода на новую парадигму. Это закон диалектики, требующий не только следования принятой системе исходных координат, но и готовности увидеть новые тенденции и способствовать их развитию через выполнение фундаментальных научных изысканий

References:

1. Zalevskaia A.A. Slovo v leksikone cheloveka: monografija [The word in a lexicon of the person: monograph]. – Voronezh., 1990. – 204 P.
2. Zalevskaia A.A. Dinamika znachenija «zhivogo slova» v nauke i v obydenom znanii [Dynamics of value of the «living word» in science and in ordinary knowledge]. Language Means of Preservation and Development of Cultural Values: The LXXth International Research and Practice Conference and IIIrd stage of the Championship in Philological sciences (London, November 14 – November 20, 2013). – London., IASHE, 2013., pp. 26–28.
3. Kouli S.Dzh. Ponjatie raspredelennogo jazyka i ego znachenie dlja voleizjavlenija [The distributed language concept and its value for the will]. *Studia linguistica cognitive.*, Issue. 2. – Irkutsk., 2009., pp. 192–227.
4. Kravchenko A.V. Znanie, jazykoznanie i jazyk [Knowledge, linguistics and language]., *Studia linguistica cognitiva.*, Issue. 2. – Irkutsk., Publisher VGUEP, 2009., pp. 5–13.
5. Elman, J.L. An alternative view of

the mental lexicon. J.L Elman., Trends in Cognitive Sciences. 2004. – Vol. 8., pp. 301–306.

6. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language], Vol II. – Moskva., State Publishing House of foreign and national dictionaries, 1956.

7. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov [Explanatory dictionary of foreign words]. – Moskva., Izdatel'stvo «Russkij jazyk» [«Russian language» publishing house], 1998.

8. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [Russian dictionary]. – Moskva., Publisher «Soviet Encyclopedia», 1970.

9. The American Heritage Dictionary of the English Language. – 3d ed. – Boston; New York., Houghton Mifflin Company, 1996. – 2140 P.

10. Webster, N. An American Dictionary of the English Language. – Springfield, Mass.: Published by G. and Ch. Merriam, 1854. – 1367 P.

11. Ershov A.P. Predvaritel'nye soobrazhenija o leksikone programmirovaniya (1985) [Preliminary ideas about the programming lexicon (1985)] - [Electronic resource], Access mode: <http://www.arbinada.com/main/node/12>.

12. Drot V.L., Novikov F.A. Tolkovyj slovar' sovremennoj komp'yuternoj leksiki [Explanatory dictionary of modern computer lexicon], [Electronic resource], Access mode: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks 3246 89.

13. Informatika v 7 tomah [Computer science, 7 volumes] – Vol 3., Konceptual'naja informatika (Tolkovyj slovar' po informatike) [Conceptual informatics (The explanatory dictionary on informatics)], [Electronic resource], Access mode: <http://intellsyst.ru/informatika-v-7-tomax-tom-3-konceptualnaya-informatika-tolkovyj-slovar-po-informatike.html>.

14. Konspekt lekcij po kursu «Informatika» [Abstract of lectures on the course «Informatics»], [Electronic resource], Access mode: <http://uchebilka.ru/informatika/9469/index.html?page=4>

15. Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' v 6 tomah [Psychological lexicon. The

encyclopedia dictionary in 6 volumes]. Istorija psihologii v licah. Personalii [Psychology history in persons. Persons], Karpenko L., Petrovskij A. (Ed.). - [Electronic resource], Access mode: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t= 3798577>

16. An encyclopedia Britannica Company. [Electronic resource], Access mode: <http://www.merriam-webster.com/dictionary methodology>

17. Znachenie slova leksikon. – Slovarei russkogo jazyka [The lexicon word meaning. - Russian dictionaries]. [Electronic resource], Access mode: <http://poiskslov.com/word/лексикон>

18. Leksikon migranta, ili Sertifikat za 780 vyuchennyh russkih slovju Rianovosti [The migrant's lexicon, or the Certificate for 780 learned Russian words. Rianovosti]. [Electronic resource], Access mode: <http://ria.ru/nsk/20130908/961584526.html>

19. Leksikon (programma). Material iz Vikipedii – svobodnoj jenciklopedii [Lexicon (program). Materials from Wikipedia - the free encyclopedia]. [Electronic resource], Access mode: [http://ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_\(программа\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_(программа))

20. Leksikon. Material iz Wikislovarja – mnogojazychnyj otkrytyj slovar' [Lexicon. Materials from Wikidictionary - the multilanguage open dictionary], [Electronic resource], Access mode: <http://ru.wiktionary.org/wiki/лексикон>

Литература:

1. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: монография. – Воронеж, 1990. – 204 с.

2. Залевская А.А. Динамика значения «живого слова» в науке и в обыденном знании // Language Means of Preservation and Development of Cultural Values: The LXXth International Research and Practice Conference and IIIrd stage of the Championship in Philological sciences (London, November 14 – November 20, 2013). – London: IASHE, 2013. – Pp. 26–28.

3. Коули С.Дж. Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления // Studia linguistica cognitiva, – Вып. 2. – Иркутск, 2009. – С. 192–227.

4. Кравченко А.В. Знание, язык-

кознание и язык // Studia linguistica cognitiva, – Вып. 2. – Иркутск: Изд-во ВГУЭП, 2009. – С. 5–13.

5. Elman, J.L. An alternative view of the mental lexicon [Текст] / J.L Elman // Trends in Cognitive Sciences. 2004. – Vol. 8. – Pp. 301–306.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Том II. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.

7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во «Русский язык», 1998.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970.

9. The American Heritage Dictionary of the English Language. – 3d ed. – Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1996. – 2140 p.

10. Webster, N. An American Dictionary of the English Language. – Springfield, Mass.: Published by G. and Ch. Merriam, 1854. – 1367 p.

11. Ершов А.П.. Предварительные соображения о лексиконе программирования (1985) [Электронный ресурс] / <http://www.arbinada.com/main/node/12>.

12. Дрот В.Л., Новиков Ф.А. Толковый словарь современной компьютерной лексики [Электронный ресурс] / http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks 3246 89.

13. Информатика в 7 томах. – Том 3. Концептуальная информатика (Толковый словарь по информатике) [Электронный ресурс] / <http://intellsyst.ru/informatika-v-7-tomax-tom-3-konceptualnaya-informatika-tolkovyj-slovar-po-informatike.html>.

14. Конспект лекций по курсу «Информатика». [Электронный ресурс] / <http://uchebilka.ru/informatika/9469/index.html?page=4>

15. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в 6 томах [Электронный ресурс] История психологии в лицах. Персоналии / Карпенко Л., Петровский А. (Ред.). / <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t= 3798577>

16. Британская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary methodology>

17. Значение слова лексикон. –

Словари русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://poiskslov.com/word/лексикон>

18. Лексикон мигранта, или Сертификат за 780 выученных русских словю Риановости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/nsk/20130908/961584526.html>

19. Лексикон (программа). Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_\(программа\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_(программа))

20. Лексикон. Материал из Викисловаря – многоязычный открытый словарь [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/лексикон>

Information about author:

1. Alexandra Zalevskaya - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

- Promotion of international consolidation and cooperation of business structures
- Promotion of development of commercial businesses of various kinds
- Assistance in settlement of relations and businessmen with each other and with social partners in business environment
- Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries
- Promotion of favorable conditions for business in various countries
- Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues
- Promotion of international trade turnover widening
- Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society
- Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services
- Legal and consulting promotion of business
- Establishment and development of activities of the international commercial arbitration
- Exhibition activities
- Holding of business and economic forums

LINGUAL GENERALITY AS AN INSTRUMENT OF THE CIVILIZATION FORMATION (ON THE EXAMPLE OF TURKIC CIVILIZATION)

S. Ayazbekova, Ph.D. of Philosophy, Full Professor,
Deputy Director
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University,
Kazakhstan

The role of Turkic language is examined in the process and development of the Turkic civilization in this report. For the first time the Turkic language is analyzed as the consolidating tool of the civilization formation. An assumption about interdependence of the Turkic language with the synthetic type of agglutinative class and properties of language openness is presented here. Belonging of the Turkic language to this language class could be explained by the nomad lifestyle, policy of conquering, high degree of economic integration, interaction of languages and cultures as well as expansion of territorial space. The use of historical and civilization approaches to the study of language origin have allowed us make the conclusion about the sufficiently independent consolidating method of the Turkic lingual generality development.

Keywords: pro-Turkic language, Turkic lingual generality, the Turkic civilization

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ)

Аязбекова С.Ш., д-р филос. наук, проф.
Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова, Казахстанский филиал, Казахстан

В докладе рассматривается роль тюркского языка в процессе становления и развития тюркской цивилизации. Впервые тюркский язык анализируется как консолидирующий инструмент формирования цивилизации. Выдвигается предположение о взаимообусловленности принадлежности тюркского языка к агглютинативному классу синтетического типа и свойствами открытости языка, определяемыми кочевым способом хозяйствования, завоевательной политикой, высокой степенью экономической интеграции, взаимодействием языков и культур, а также расширением границ территориального пространства. Использование исторического и цивилизационного подходов к изучению глоттогенеза позволили сделать вывод о достаточно независимом консолидирующем способе развития тюркской языковой общности.

Ключевые слова: пратюркский язык, тюркская языковая общность, тюркская цивилизация

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.945>

Давно это было... Рассказывают, что в те времена все народы понимали друг друга, поскольку говорили на одном языке. И задумалось им выстроить в Вавилоне высокую башню – до самого неба. В мире и согласии была воздвигнута башня, осталось накрыть ее кровлей. Не понравилось богам, что люди посягают на их пространство – слишком высока была башня; и направили они на нее великую бурю, которая унесла все слова, которые люди привыкли говорить друг другу. Создав свои языки, не понимая друг друга, рассорились люди, и не смогли они достроить башню, разбрелись они по разным краям света, захватив с собой обломки той прекрасной башни в память о временах, когда Слово, смысл которого был доступен каждому, творило Мир гармонии и взаимопонимания.

Эта легенда о Вавилонской башне, судя по исследованиям о происхождении языков в лоне ностратической языковой общности, имеет свои основания. Генезис языков из ностратической надсемьи во многом объясняет наличие универсалий. Современные лингвистические исследования выявляют не только этимологическую общность различных языков, но и сходство в порядке слов. Наряду с

этим в процессе глоттогенеза были сформированы четыре основных класса языков: изолирующие, инкорпорирующие, агглютинативные и флективные, которые объединили в себе все естественные языки человечества. Этот фактор также объясняет наличие универсалий классового порядка, которые будут исходить из особенностей изолирующих, инкорпорирующих, агглютинативных и флективных языков [1]. Сказанное в полной мере относится и к тюркской языковой группе, относящейся к агглютинативному классу синтетического типа.

Восходя своими истоками к древнейшим пластам антропогенеза, человеческой культуры и ностратическому праязыку, тюркская языковая общность сформировалась в процессе консолидации тюркоязычных племен, их миграции, ставшей результатом кочевого способа хозяйствования, завоевательной политики, высокой степени экономической интеграции, взаимодействия языков и культур, а также расширения границ территориального пространства.

Тюркская общность языков существует несколько тысячелетий, задолго до возникновения этнонима «тюрк» и первого тюркского государства – Тюркского эля. Известный исследо-

ватель тюркских языков С.Е. Малов к древнейшим тюркским языкам относит болгарский, чувашский, уйгурский и якутский языки; к древним – огузский, киргизский, тувинский, тофаларский, хакасский и шорский; к новым – азербайджанский, гагаузский, кумандинский, куманский, кыпчакский, печенежский, половецкий, саларский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, чагатайский, чулымский; к новейшим – алтайский, башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, кумыкский, ногайский (ойротский), татарский (казанский татарский, касимовский татарский, мипарский, язык татар Западной Сибири и др.), телеутский (алтайский, ойротский), (чувашский), (якутский) [2].

Очаги тюркского этно-и глоттогенеза связаны с восточной частью Евразии, древнейшими местами обитания тюрков были части территорий Малой Азии, Кавказа, Средней Азии (Хорезм, Согда), Сибири (Алтай, Хакасия), Монголии, Китайского Туркестана и Европы (в устьях рек Дунай, Волга, Урал). На сегодняшний день тюркские языки распространяются от восточного побережья Средиземного моря до бассейна реки Колыма в Сибири.

Определение миграционных путей прототюркских народов позволяет реконструировать и этнолингвистические процессы. Так, известно, что в период I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. на территории Средней и Центральной Азии проживали носители индоевропейских, протоугорских, пратюрко-монгольских и пратунгусо-маньчжурских языковых общностей. Причем, носители прототюркских языков проживали в Центральной и Внутренней Монголии по соседству с ираноязычными юэджи. Все это привело к постоянным хозяйственным, экономическим, культурным контактам и распространению большого количества языковых и культурных универсалий. Не случайным является и то, что некоторые значения тюркского языка и культурные смыслы были понятны жителям Месопотамии, Малой Азии, Ирана и Причерноморья, Китая. С другой стороны, именно в этот период было положено начало распаду пратюркского языка и отделением болгарской и огузской групп, что было обусловлено миграцией в 56 г. до н.э. части хунну с территории Западной Монголии на Сыр-Дарью и в 155 г. н.э. – на северо-запад [3].

Важной особенностью развития тюркского языка была его открытость, которая была следствием территориальных контактов родственных языков, а также миграции и ассимиляции других народов, иных племенных образований, генетически не производных от тюркского этноса. Не случайно поэтому, исследователями были зафиксированы случаи карахандско-тюркского, туркмено-саларского, ногайско-кумыкского и татарско-башкирского языкового единства. Открытость тюркского языка, его интеграционные ресурсы способствовали и расширению процесса заимствований. К примеру, исследователи обнаруживают достаточно значительный набор заимствованных слов, связанных с ремеслом, войной, письменностью, искусством, предметами роскоши и философскими понятиями (китайские заимствования), относящихся к области молочного производства и содержания рогатого скота

(средне-иранские), торговле и миссионерству (согдийские), ботанической терминологии (тохарские), литературе (средне-персидские), хозяйству (новоперсидские), к «базарным» заимствованиям (новоиндийские), одежде (сакские) и медицине (тохарские) [4]. Тем самым, очевидно, что тюркский язык с легкостью принимал слова из языков других народов, подчиняя их своему способу конструирования речи.

Одновременно с этим шел и обратный процесс, когда другие народы, с которыми тюркские племена входили в контакт, воспринимали тюркский язык. Значительная доля заимствований из пратюркского языка обнаружена в праенисейском и отдельных енисейских группах, в сакском, иранском и тохарском языках, позже они ярко проявятся в топонимах многих европейских и азиатских стран [5].

Первоначально, с первой половины I тыс. н.э. термин «тюрк» означал генеалогическое родство племен и генетическое родство языков, на которых говорили тюркские племена. Известный исследователь истории тюркоязычных народов С.Г. Кляшторный, опираясь на легенды о происхождении тюрков, а также на письменные источники, сделал вывод о том, что происхождение тюрков связано с территорией Восточного Туркестана, несмотря на то, что прототюркские племенные образования откочевали после 460 г. на Алтай, где и приняли новое имя «тюрк» [6]. Это историческое событие собственно и привело к распаду огузской «в широком смысле» группы на древнетюркский, халаджский и собственно огузский языки [7].

В этой связи можно предположить, что именно данный период – объединения этногенетического, языкового, государственного, территориального, религиозного и культурного начал в единое целое способствовал формированию ответа на вызов степи и стал основанием для возникновения тюркской цивилизации. Тем самым тюркская языковая общность послужила одним из важнейших консолидирующих признаков формирования тюркской цивилизации в I тыс. н.э.

Следует заметить, что история знает аналогичные примеры цивили-

зационно-консолидирующей роли языка. Так, языком арабо-исламской цивилизации был арабский язык, европейской – латынь. Причем, все эти языки первоначально существовали как языки отдельных этнических образований, превратившись затем в языки цивилизаций.

Дальнейшее языковое развитие было обусловлено другими элементами тюркской цивилизации, среди которых: формирование тюркоязычных государств (государство), завоевательные войны (политика), взаимодействие кочевого и оседлого способа хозяйствования (экономика), письменность и взаимодействие культур (культура), дальнейшая консолидация племен, ассимиляция в тюркоязычной среде иных племенных образований, формирование наций (этногенез), расширение цивилизационного пространства (миграция).

В результате язык приобрел свойства некоей интегративной матрицы, охватывая достаточно большее количество разнообразных форм общественного и индивидуального самосознания. Тем самым на значительной части Евразии была сформирована общетюркская языковая общность с достаточно большим количеством диалектов. Данная особенность – единство в многообразии, пожалуй, и стала одним из факторов формирования тюркской цивилизации. Эта же особенность тюркской языковой общности сохраняется и по сей день.

Язык, отражая картину мира того или иного этноса, обладает лингвоносеологическими предпосылками познания мира и его преобразования. С другой стороны, язык является воплощением вторичной реальности объективного мира, что обуславливает его способность к выражению всех категорий картины мира. Из этого следует, что даже на уровне классов языков возникают определенные миромоделирующие и мирорепрезентирующие особенности. Их действие способно отразить некие универсалии, которые будут исходить из особенностей изолирующих, инкорпорирующих, агглютинативных и флективных классов. Это относится и к тюркской языко-

вой группе, относящейся к агглютинативному классу синтетического типа.

По мнению И.А. Бодуэн де Куртенэ, определяющей чертой флективных языков выступает предупреждающая связь между компонентами речевого потока, тогда как в агглютинативных языках – напоминающая [8]. Тем самым построение флективного языка выражает оседлый тип картины мира, который направлен на линейное будущее, тогда как агглютинативные языки конструируют номадический мир с его динамическим освоением мира и, связанной с этим, насущной необходимостью напоминания-сохранения этнокультурной информации. Из этого следует, что отличия языкового строя как формы миропредставления во многом связаны с представлениями о времени, которое зафиксировано в разных типах календарей. Очевидно, что флективные языки развивались в оседлых культурах, где время воспринималось как динамический процесс, тогда как агглютинативные языки существовали в тюркской цивилизации, которая в своей временной основе имела циклическую направленность.

Следует заметить, что основу тюркской цивилизации до VIII-X вв. составляло изначальное единство тюркского языка, рунической письменности, тенгрианства и юпитерного (тенгрианского) календаря. Начиная с этого периода, при сохранении диалектной непрерывной связи происходит разделение языков. Этот процесс достиг своей кульминации к XIV-XV вв., когда развитие Крымского, Астраханского, Ногайского, Узбекского, Казахского и других ханств привело к формированию отдельных языков.

Важно отметить при этом, что такая перестройка, возникшая в рамках доминанты многообразия языков единого класса, при всей своей значимости, не изменяла миромоделирующие и мирорепрезентирующие функции языка, поскольку все они оставались в лоне тюркской языковой общности, с его агглютинативной связью между компонентами речевого потока, направленной на

напоминание характеристик предшествующих звеньев. Прежним для тюркских народов осталось представление о стабильности мира в его космоцентрической устремленности, о геронтократии и генеалогической целостности как идеологических институтов традиционного общества, номадическое представление об открытом пространстве и циклическом времени тенгрианского календаря. На глубинном уровне сохранились и общекультурные, и психологические связи между всеми тюркоязычными народами.

Что касается последующей в XIX-XX вв. стадийной языковой перестройки, то она в различных странах исходила из изменения системы государственного устройства, потребностей формирования принципиально новых государственных образований, с иной государственной политикой. Так, тюркоязычные народы, вошедшие в состав СССР, достаточно быстро усвоили русский язык, который стал языком государственного управления. Русский язык генетически относится к славянской группе флективного класса и опирается на иной – синтетический языковой строй. Тем самым евразийское полиязычие Великого Шелкового пути для тюркоязычных народов СССР сменилось билингвизмом.

Конец XX века ознаменовался для многих тюркских народов, входящих в состав СССР, обретением независимости. Наряду с изменением государственного устройства, статуса государства в мировом сообществе, реформам подверглись практически все стороны общественного строя, в том числе и языковая политика.

Так, к примеру, правовой статус языков в Казахстане предусматривает определение статуса казахского языка как государственного. Что касается русского языка, то нормативно зафиксировано его употребление наравне с казахским языком в государственных организациях и органах местного самоуправления. Принятие культурного проекта «Триединство языков» предусматривает активное изучение английского языка как средства делового и международного общения. Обозначена поддержка государства и других

языков, создаются условия для обучения родному языку представителей этносов, проживающих в Казахстане. Предполагается переход казахского алфавита на латиницу.

Таким образом, следует отметить, что исторически тюркской цивилизации свойственны углубленные контакты с внешним миром. Возможно, не случайным является то, что для тюркской цивилизации характерен агглютинативный класс языка синтетического типа, в основе которого – функция напоминания. Думается, что именно этот тип языка с его «напоминающей» структурой способствовал не только единству всей языковой общности, но возникновению и сохранению целостности цивилизации.

В науке к общепринятым признакам формирования цивилизации относятся: наличие религии, территориальный признак, появление государств, городов, письменности и монументальных сооружений. Что касается языкового критерия, то он не входит в этот перечень, за исключением критериев цивилизаций Э.Д. Фролова [9]. Поэтому исследование тюркского языка как инструмента образования тюркской цивилизации позволяет сделать вывод о языковой общности как важном признаке формирования цивилизации.

Из сказанного можно сделать вывод и о том, что, несмотря на генезис языков из ностратической надсемьи, к также на языковые контакты в лоне евразийской интеграции, изначальная единая типологическая принадлежность тюркских языков к единой языковой семье и общему агглютинативному классу обеспечивает достаточно высокий уровень независимого развития тюркской цивилизации. А это значит, что тюркская языковая общность служила не только одним из важнейших консолидирующих признаков формирования тюркской цивилизации, но и способна дать новый импульс ее развития в будущем.

References:

1. Gumbol'd V. fon. Izbrannyye trudy po jazykoznaniju [The selected works on linguistics] – Moskva:

Progress, 1984. pp. 34-298; D'jachok M.T., Shapoval V.V. Genealogicheskaja klassifikacija [Genealogical classification] - Novosibirsk, 2002. - 32 P.; Illich-Svitych V.M. Opyt sravnenija nostraticheskikh jazykov. Sravnitel'nyj slovar' [Experience of comparing nostratic languages. Comparative dictionary] Vol. 1, Moskva, 1971; Vol. 2. Moskva, 1976; Vol. 3. Moskva, 1984; Mel'nikov G.P. Sistemnaja tipologija jazykov: sintez morfoloicheskoj klassifikacii jazykov so stadial'noj [System typology of languages: synthesis of morphological classification of languages with the stadial one] - Moskva: Publisher: RUDN, 2000; Mel'nikov G.P. Jazyk kak sistema i jazykovye universalii - Sistemnye issledovanija [Language as a system and language universal - Systemic researches] Annual 1972. — Moskva: Nauka, 1973. - pp. 183–204; Strukturnaja tipologija jazykov [Structural typology of languages] - Moskva, 1965. - pp. 179-222 and others.

2. Malov S.E. Drevnie i novye tjurkskie jazyki [Ancient and modern Turkic languages] News AN USSR. Department of Literature and Language. - Vol. XI. Issue. 2. - Moskva, 1952. - pp. 135-143.

3. Dybo A.B. Hronologija tjurkskih jazykov i lingvisticheskie kontakty rannih tjurkov [Chronology of Turkic languages and linguistic contacts of early Turkic peoples] — Moskva: Academy, 2004. — pp. 766, 785; Kljashtornyj S.G. Hunny i tjurki - Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e: Jetnos, jazyki i religii [Huns and Turkic peoples - East Turkestan in the ancient times and the early Middle Ages: Ethnos, languages and religions] — Moskva: Nauka. Main edition of East literature. 1992 — pp.129-130; Kuanganov Sh.T. «Arij-gunn» skvoz' veka i prostranstvo: svidetel'stva, toponimy ["Aryan-Hun" through centuries and space: testimonies, toponyms] Kuanganov Sh.T.- Almaty: BILIM, 1999. - 208 P.

4. Dybo A.B. Hronologija tjurkskih jazykov i lingvisticheskie kontakty rannih tjurkov [Chronology of Turkic languages and linguistic contacts of early Turkic peoples] — Moskva: Academy, 2004. — pp.766-812.

5. Dybo A.B. Hronologija tjurkskih jazykov i lingvisticheskie kontakty rannih tjurkov [Chronology of Turkic languages and linguistic contacts of

early Turkic peoples] — Moskva: Academy, 2004. — pp.770-774; Kuanganov Sh.T. «Arij-gunn» skvoz' veka i prostranstvo: svidetel'stva, toponimy ["Aryan-Hun" through centuries and space: testimonies, toponyms] Kuanganov Sh.T.- Almaty: BILIM, 1999. - 208 P.

6. Kljashtornyj S.G. Hunny i tjurki - Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e: Jetnos, jazyki i religii [Huns and Turkic peoples - East Turkestan in the ancient times and the early Middle Ages: Ethnos, languages and religions] — Moskva: Nauka. Main edition of East literature. 1992. — 687 P. — p.126.

7. Dybo A.B. Hronologija tjurkskih jazykov i lingvisticheskie kontakty rannih tjurkov [Chronology of Turkic languages and linguistic contacts of early Turkic peoples] — Moskva: Academy, 2004. — p.785.

8. Bodujen de Kurtenje I.A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [The selected works on general linguistics] Vol. I.- Moskva: Publisher AN USSR, 1963. — pp. 103-107.

9. Frolov Je.D. Problema civilizacij v istoricheskom processe [Problem of civilizations in the historical process] Vestnik St. Petersburg State University. Ser. 2: History. — 2006. — No 2. — pp. 96-100.

Литература:

1. Гумбольд В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. С. 34-298; Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Генеалогическая классификация. - Новосибирск, 2002. - 32 с.; Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Т. 1, М., 1971; т. 2. М., 1976; т. 3. М., 1984; Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. — М.: Изд-во РУДН, 2000; Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Системные исследования. Ежегодник 1972. — М.: Наука, 1973. - С. 183–204; Успенский Б.А. Структурная типология языков. — М., 1965. — С. 179-222 и др.

2. Малов С.Е. Древние и новые

тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XI. Вып. 2. - М., 1952. - С. 135-143.

3. Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. — М.: Академия, 2004. — С. 766, 785; Кляшторный С.Г. Хунны и тюрки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки и религии. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1992 — С.129-130; Куанганов Ш.Т. «Арий-гунн» сквозь века и пространство: свидетельства, топонимы / Куанганов Ш.Т. - Алматы: БИЛИМ, 1999. - 208 с.

4. Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. — М.: Академия, 2004. — С.766-812.

5. Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. — М.: Академия, 2004. — С.770-774; Куанганов Ш.Т. «Арий-гунн» сквозь века и пространство: свидетельства, топонимы / Ш.Т. Куанганов. - Алматы: БИЛИМ, 1999. - 208 с.

6. Кляшторный С.Г. Хунны и тюрки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки и религии. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1992. — 687 с. — С.126.

7. Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. — М.: Академия, 2004. — С.785.

8. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I.— М.: Издательство АН СССР, 1963. — С. 103-107.

9. Фролов Э.Д. Проблема цивилизаций в историческом процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. — 2006. — № 2. — С. 96-100.

Information about author:

1. Sabina Ayazbekova - Ph.D. of Philosophy, Full Professor, Deputy Director, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University; address: Kazakhstan, Astana city; e-mail: ayazbekova@mail.ru

CLALLAM AS AN EVENT-DOMINATED LANGUAGE

O. Ikonnikova, Candidate of Philology
Southern Federal University, Russia

In the article the author presents the sentential units of the Salishan language Clallam as a representative of an event-dominated language type. The author concludes that the event-dominated structure of the language with the predicate was prior to the object-dominated structure of the language with nominals in the diachrony of the language.

Keywords: Clallam, predicate, event-dominated language, sentential unit, diachrony.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.946>

Clallam is a language in a large family of Native American languages called Salishan languages spoken in Washington, British Columbia, Oregon, Idaho, and Montana.

We consider Clallam to belong to the event-dominated type according to Capel's typology. He suggests the existence of two language types – 1) “object-dominated” languages with a complicated noun system and 2) “event-dominated languages” with an elaborate verb system. In the first language type the interest lies in objects rather than in events; in the second language type the interest obviously lies in what happens rather than in the people or things it happensto[see Wetzter, 1995, p. 53-54].

Capel argues that each linguistic type in his typology reflects a particular way of looking at the world: “Of course it's impossible to say why a language chooses to use one or another method of expression, it's quite obvious that these methods do exist, and it can hardly be held that they are purely formal, but reflect a way of looking at the world” [cit. Wetzter, 1995, 53-54].

As far as Clallam is concerned Thompson distinguishes two types of words in Clallam: full words and particles. All full words are basically predicative. Predicates are accompanied by one or more particles belonging to a number of different categories. Clauses contain predicates as heads. Roots are the basic morphemes which underlie full words; other morphemes appearing in words are affixes. Roots are also expanded in the creation of stems by a large stock of suffixes carrying lexical rather than grammatical significance [Thompson, p. 260].

To make up with the language-in-action we've analyzed 38 sentential units from two Clallam stories “Two deaf fishermen” and “The flood” [see references]. Let's draw some examples from the Clallam texts.

1) It seems two deaf men were going fishing

hiyáʔ - čə - ʔácu - cə - čáʔsaʔ - sq^wiyiʔáʔən'

“go” (root) – “apparently” (speech enclitic) – “troll for fish” (root) – “the, that” (demonstrative proclitic) – “two people” (root: časaʔ“two” with aʔ“person” (infix)) – “deaf people” (prefix -s + root q^wiyiʔ with áʔ“plural” infix + ən“ear” suffix)

2) And the other one spoke

suʔʔáys - q^wáy - cə - náʔc'uʔ

so he again (prefix s-, prefix uʔ - “so, then” (discourse connector) – “say, speak” (root) – demonstrative proclitic – “one person, other one, another” (nəcuʔ“one”- áʔ“person” (infix))

3) Oh, I thought you were going fishing

Ó - nəxč'ɨn - tə - ʔaʔ - č'i - n'shiyáʔ - ʔácu

interjection – I thought, my mind (prefix nə - “my”, root xč - “know” – suffix “ɨn” instrument) – on the contrary – oblique prep. – non-specific determiner – you go (prefix n' - “your” – prefix s – root hiyáʔ“go”) – troll for fish (root)

4) When the flood went all over these lands here, that flood also went over that far-away land.

ʔaʔ - k^wi - st'áy'əpt'əns - yaʔ - tiə - səaʔyətə' ɨx^wən - ʔáy - ʔuʔ - niʔ - ʔaʔ - k^wi - st'áy'əpt'əns - yaʔ - k^wi - yiy' - sčtə' ɨx^wən

oblique prep. – invisible determiner – “their being flooded” (s - tə - y - ɨ + təɨ - s (s - char - plural - inundate - 3 possessives)) – past tense (speech act enclitic) – “this” – “lands, a vast area of land” (s - c - aʔy - ətəɨx^w - ən (s - land - plural - instr.)) – “also, too” – connector for u-class intensifier – oblique prep. – “it is, there is” (third person focus) – “their being flooded” (s - tə - y - ɨ + təɨ - s (s - char - plural - inundate - 3 poss.)) – past tense – invis-

ible determiner – “far” – “ground, land” (s - sčtəɨx^w - ən (s - land - instr.))

5) The one that was called Noah was spoken to by God. He was a good person; he was a good white man. He was religious.

q^win'ək^witəɨ - ʔaʔ - č'i - cícʔ - siʔám' - k^wi - čnaʔátəɨ - ʔaʔ - č'i - snəwəs - ʔəy' - ʔəcʔtáyɨx^w - ʔəy' - x^wanitəm - nəx^wst'éʔwiʔəʔ

“be talked to” (in the conversation) (q^win'ək^wi - t - əɨ (talk - inreciprocal - trans. - pass.)) – oblique prep. – “apparently”, speech act enclitic – oblique prep. – “high up” (ci + cʔ (actual + high) – “important, high-class person, lord” – invisible determiner – “having been named” (c - n - ə - a - t - y (have - name - actual - trans. - pass. - act.)) – oblique prep. – “the one that is Noah” (s - n nəwə - s (s - Noah - 3 poss.) – “good” – “person, human being, Indian” (ʔəcʔtáy - ɨx^w (person - being)) – “good” – “white person” – “religious” (nəx^w - s - t'é - ʔ - wi - ʔ - əʔ (loc. - s - pray - actual - dir. - durative))

6) Noah told them “Build a big ship, an ark”.

suʔxən'átəɨ - ʔaʔ - nəwə, - «čáy - ʔaʔ - č'i - čəq - səaʔk^waʔyúʔs

“be told” (xən'á - t - əɨ (tell/do - trans. - pass.)) – oblique prep. – “Noah” – “work, build, make” – oblique prep. – “apparently” (speech act enclitic) – “the, that” (demonstrative proclitic) – “their means of transportation” (s - čaʔk^waʔyúʔ - s (s - conveyance - 3 poss.)).

As we infer from the sentential units of Clallam there are predicates accompanied by particles (personal enclitics marking primary personal reference, proclitics expressing aspectual meanings, suffixes, prefixes, infixes i.e.) that relate the predication to the situation in which the utterance occurs. For example in sentential units 4 and 5 a special invisible determiner k^wi points out that reference is made to someone remote (i.e. Noah),

but established in context whereas in sentential units 1, 2 the speech enclitic č'ə“apparently” emphasizes the category of eventuality.

As far as the designation of entities in Clallam is concerned, the prefix *s-* can be treated as a nominalizer. It indicates that a situation or activity is viewed as an entity, notion or a fact (see in the examples above), although there are forms without *s-*, for example *x^wanitəm*“the white man”. So we suppose that designation of entities in Clallam is to be affixed or adjuncts to the predicative stems like in pronominal-argument languages.

Wenoted Thompson’s observation and conclusion that in Clallam language the universe is viewed as autonomous and dynamic. Entities – persons and things – are apart of the general scheme, but they are only incidentally responsible for situations arising, so there is a special “responsibility system” for introducing responsibility of entities in situations. The basic predicative force of all full words is a logical part of this organization. We concluded this due to the fact that the universe of the native speakers of Clallam was viewed as a dynamic phenomenon like the universe at the early stage of the language [see Ikonnikova, 2013, p. 198-200]. Our conclusion is in line with Capel’s speculations that each linguistic type in his typology reflects a particular way of looking at the world.

So the linguistic source of Clallam confirms the fact that Clallam is an event-dominated language type due to the special perception of the world of the native speakers. In our opinion Capel’s typology of “concept domination” can be viewed as two diachronic stages of thinking and language respectively. The linguistic source of the Salishan Indian languages, namely Clallam throws light on the supposition that event-dominated structure of the language with the predicate was prior to the object-dominated structure of the language with nominals in the diachrony of the language.

References:

1. Ikonnikova O.N. The Dynamic Universe at the Pre-Grammatical Stage of Language. *Jazyky I mezhkulturnyje kommunikatsii: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii*, Vilnius– insk, May, 15-18. – Minsk., RIVSH, 2013. pp. 198-200.
2. Thompson, T. Clallam: A preview. *Studies in American Indian Languages. Linguistics.*, No 65., pp. 251-294.
3. Wetzter H. Nouniness and Verbiness. A Typological study of Adjectival Predication. – Nijmegen., Universiteitsdrukkereij Nijmegen, 1995. – 361 P.
4. Fishermen. *Linguistics Program [Electronic resource]*, Access mode: <http://www.ling.unt.edu/~montler/Klallam/Fishermen/index.htm>

5. Flood. *Linguistics Program [Electronic resource]* – Access mode: <http://www.ling.unt.edu/~montler/Klallam/Flood/index.htm>

Литература:

1. Ikonnikova O.N. The Dynamic Universe at the Pre-Grammatical Stage of Language // *Jazyky I mezhkulturnyje kommunikatsii: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii*, Vilnius – Minsk, May, 15-18. Minsk: RIVSH, 2013. P. 198-200.
2. Thompson, T. Clallam: A preview. *Studies in American Indian Languages. // Linguistics.* № 65. P. 251-294.
3. Wetzter H. Nouniness and Verbiness. A Typological study of Adjectival Predication. – Nijmegen: Universiteitsdrukkereij Nijmegen, 1995. – 361 p.
4. Fishermen . *Linguistics Program [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.ling.unt.edu/~montler/Klallam/Fishermen/index.htm>
5. Flood. *Linguistics Program [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.ling.unt.edu/~montler/Klallam/Flood/index.htm>

Information about author:

1. Olga Ikonnikova - Candidate of Philology, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-Don city; e-mail: iconolga@mail.ru

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN THE AMERICAN LITERATURE
OF THE XX – XXI CENTURIES

T.I. Yamchynska, Candidate of Philology, Associate Professor
Vinnytsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii, Ukraine

The article deals with the cross-cultural dialogue in the American literature of the XX – XXI centuries; mechanisms of creation of “other” culture’s image in the “boundary” type of literature.

Keywords: multicultural literature, intercultural dialogue, dialogical relations, boundary literature.

Conference participant

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.947>

The notion of a "dialogue" has many definitions in science, that of philosophical (A. N. Veselovsky, M. M. Bakhtin), semiotic (Y. M. Lotman), culturological (K. Girts) and that of religious one (M. Eliade). We are particularly interested in the intercultural dialogue within the literary text. The theory of archetypes, developed in the writings of philosophers, philologists and linguists might be the ontological basis for the creation of such a dialogue (Carl Jung, V. Humboldt, M. Eliade, K. Girts, R. N. Fray, E. Meletinsky, V. Toporov), because archetypes are "the manifestation of a deeper layer of the unconscious, in which universal, original characters and motives slumber" [2]. As a mechanism of conveying the experience of ancestors the archetype is common for all humans, but it is also nationally-biased. Literature is also of a "boundary" nature, when "a writer thinks in terms of one ethnic culture, but writes in the speech patterns of another ethnic culture" [3].

The importance of analyzing "boundary" texts is determined firstly by the necessity of taking a fresh look at present day fictional texts from the standpoint of methods and techniques of constructing multicultural space within the American text in the first place, and by lack of methods for analyzing "dialogue-based" international cultural relations in a literary work; and secondly, by extra literary aspects: modern literature is a reflection of many typological features of our reality, and the solution of the so-called "issue of the inter-ethnic relations" on different levels - from the political to the cultural - is one of the most urgent tasks for every multinational country. One of the greatest challenges of our time is to understand the fundamental postulates of "another" culture, to find ways of combination of different

national traditions in the cultural field of one language. "Intercultural dialogue" might, in our humble opinion, play a significant culturological role in matters of studying the principles of constructing the multicultural literature field.

The aim of the article is to investigate the mechanisms of image creation of "other culture" within the American literary language and to clarify the semantics of its intercultural dialogue.

The principles of intercultural dialogue in American literature of the 20th–21st centuries are presented in three sections.

Different approaches in **the history of the intercultural dialogue studying** have proved that within the literary criticism the problem of interference of different national cultures in the aesthetic field of particular national literature started to be treated more specifically only in the 20th century. Numerous works are devoted to the relationship of the various national literary traditions and all of them are rather different, but it is possible to single out several lines of research.

First of all, the specific features of literature of the nationalities and the internationalism of the multinational American literature has been discussed. The researchers analyzed the works of particular writers who included elements of the national culture presented in the form of references or comments. They did not aim to develop principles and methods of analysis of interaction of different national traditions in American literature, that's why the aesthetic qualities of literary works, which include the elements of cultural and everyday life of another nationality haven't been analyzed. Basically, the studies are not very profound and even lack the elements of analysis techniques used for the research of the ways of combining of

different cultures within the boundaries of the literary text.

The second line of the research is connected with the introduction of such categories as the "national character" and "national style". Analyzing the works of particular writers as well as the whole branches of national literatures, the scholars reduced their aim by the need to develop the ways of analysis of cultural traditions of different nations within the foreign language text, but they, actually, did not aim at the solution of that task.

The third line of the research on multicultural texts is the search of methodology which would provide the possibility to determine the basic techniques and methods of comparison of different national and cultural traditions within the English language. But the whole system was not established - there are only some separate elements, often unrelated to each other.

In recent decades the question of bilingual literature and writers has been actively debated (Ch. Guseynov, M. Chertorizhskaya, A. Girutsky, E. Vereschagin, E. Zhuravleva, L. Krysin, N. Mihaylovskaya, Y. Karaulov, B. Hasanov, U. Bahtikireeva etc.). These researches formulated distinctive approaches to understanding bilingualism. In a broad sense, it is a special kind of art, involving contact and interaction of national languages and cultures, i.e. the translation is automatically included in the concept of bilingualism [3]. In a narrow sense, it is art, based on the interaction of different languages and cultures.

Firstly, we disagree with the wide sense of the term "bilingualism", which includes the studying of literary translation, because we don't consider the translation as an independent literary phenomenon. Secondly, the phenomenon of American multicultural literature

is not limited to using only linguistic, grammatical and syntactical mechanisms of "foreign" language, but involves a complex of appeals to national and cultural foundations of the ethnic group, the representative or representatives of which catch the writer's attention and participate in the creation of the artistic image of the world of "foreign culture" within the English language.

Specialists in literature tried to find techniques and methods of creating an image of the "other" fictional world on pages of American literary works. However, we must agree that the complex analysis technique of "intercultural dialogue" and ways of its implementation in American literature have not yet been developed.

The concept of "American literature". We believe that strict definitions such as "American - English", "American - French" or "American - Spanish" literature etc. are theoretically unproductive as they split up the artistic phenomenon. The concept of "American literature" is broader; it includes all literary branches of other cultures. We can as well mention other kinds of "national-language" literature: German-language, French-language, English-language etc. The language, in which the text is written, becomes the basic concept, and the culture at which the language is oriented is the specific concept. That's why we use the concepts of "American literature", "English-speaking writer" as a basis. Actually, with the help of synonyms we can define such concepts as "multicultural literature", "bilingual literature", "boundary literature".

The ways of establishing intercultural dialogue in the American literature. We offer a methodology of analysis of the national and cultural relationships in literary texts. We used the works of the writers of the 20th – 21st centuries as the material for the research.

We can distinguish *three stages* of combining of "foreign cultures" in literature:

1) Total dominance of one culture over another. Elements of reality of "foreign culture", such as names of objects of everyday use, weapons, terrain, clothes etc., are only intended to create a general image of the foreign nation or to show the peculiarities of national life. These

elements are optional and play a minor role in the dialogue between national cultures; they are only an outward feature of the ethnic character.

2) The writer introduces the character into unfamiliar culture on purpose. As a result we can observe the interpenetration of different cultures in a literary text written in English. At this level, the author can create several different models of world perception, "testing" them in situations of collision with each other and reality.

3) The writer uses the English language as a mechanism of presenting the image of another nation to the reader (no matter if it is one nation, the whole range of familiar cultures or subcultures of some particular region). The author draws the world of another culture or subculture in the text. His task is to show the thinking and speaking peculiarities of representatives of a particular linguistic culture with the help of another language (in our case English).

The first stage, to some extent, can be called superficial, as only the image, which characterizes a nation conventionally, is created. The second and the third stages are more complex. Writers use all the features of various literary and folklore cultures to establish the dialogue between them.

Depending on the aspect of combining of different national traditions, we can suggest the following levels of analysis of "the dialogue between foreign cultures":

1. Lexical Level (the level of external word form)

Foreign culture cannot be perceived statically, but only in the process of some activity, for instance, in transferring the sense of the notion with a word (it has been established that the word is congruous to the meaning and connected with labor activity or any other kind of human activity, environment etc.). There is an ongoing process of "reformulating" of foreign culture reflected in the terms and definitions of its own linguocultural experience. Therefore, the lexical level "marks" the presence of the foreign culture, makes the speaker "translate" the notions into his mother tongue; a peculiar role is played here by the word "foreign" (different from English) language, which is introduced into the texts in a variety of ways.

- A foreign word is included into the text without any explanations on the part of the author or the protagonist, its meaning has either very close ties in the American tradition (so there is no translation needed), or it is can be easily extracted from the context. In this case the foreign word becomes a protagonist's marker representing non-American nationality; it creates the atmosphere of presence of the image of the other culture strange to the English language, but not completely strange for the notion defined by this word, not having analogues in the English language or not that significant for understanding of peculiarities of the text content, produces only an external layer of a "strange" world (which is basically can be replaced by any other linguistic layer).

- A foreign word is given with "metaphrase". The author consciously includes a foreign word into the speech to impart national coloring to the protagonists' speech as well as to the text in general. In this case the author consciously generates interlingual "dialogues", setting one culture against another. If we speak of the so-called national region subculture then the text includes dialectal words for characterization of the speech of the mentioned subculture representatives. They can be used without "translation" or can be interpreted by the author, if their meaning remains obscure for the reader and is not deduced from the context.

- Borrow translation of national word combinations with the help of linguistic means of the English language.

- In fact, the level of the external form shapes the level of expressive mechanisms which in turn "work" to create more complicated level – formation of the national world's image. There is a worldview level in the centre of every world model, the basis of which has been developed in national mythology and folklore. Consequently, there is the following level of analysis.

2. The protagonist's or the narrator's mentality level (the internal form level)

- The usage of archetypes of the "other" national consciousness in the context of the American world perception and linguistic culture. Metaphors, metonymy, similes and other tropes have the national character as they are determined by the national environment, national social experience. Within the

framework of the foreign language they are clearly marked with non-involvement in the habitual linguistic, metaphorical field.

1. Combination of various national archetypes, i.e. the search for similar images, model of existence, perception of these models by representatives of different national cultures, supplement these with fields-symbols with contiguous elements but in the dimension of another national mentality, and eventually – with the creation of the “boundary” world model by combination of different national archetypes. E.g., the image of the Moon is perceived by many nations similarly: as a symbol of the world of the dead, the eyes of the dead, watching the live.

2. Stylization of foreign legends, true stories, mythologems on the analogy of the American literary or folklore fairy tales. Such legends, tales, folk tales make it possible to stylize the storytelling manner of the narrator addressing the listener sometimes distracting from the plot in the process of narrating. On the contrary, the creation of such “stories” “works” for the formation of the image of the folklore thinking of the narrator and produces the image of “outsider’s” consciousness.

- Introducing the certain “other-national” folklore motive, image and the whole genre into the literary text (these elements have been transferred without any

alterations and adaptation to the literary work with citations). In this case such small folklore genres as proverbs, sayings, by-words, couplets, songs are mostly used directly. Such inclusion not only portrays the protagonist as a member of the nation, but in the first place conveys his national cultural “experience”.

Folklore “miniatures” have become an integral part of any nation’s life. Therefore, the reflected experience expressed in the extremely brief metaphorical way, shows the level of outlook of this or that nation. By using folklore genres in the text (or their imitation) authors try to create certain associative field directly connected with the realia of our life that is naturally different for every nation.

Every writer appealing to the national theme tries to create an image of national worldview, national culture. It can be understood only by making the reader “clash” and “unite” various national traditions in his mind, one of which is always English.

References:

1. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality] – Moskva., Nauka [Science], 1987. - 261 P.

2. Jung, C.G. Archetypes of the collective unconscious. CG Jung., Psychology of the Unconscious. - Moskva., 1996., p. 105

3. Leiderman, N L Russian literature - Crossroads of Cultures. N.L. Leyderman., Russian literature of the XX-XXI centuries: trends and currents. – Ekaterinburg., 2005., p. 50.

Литература:

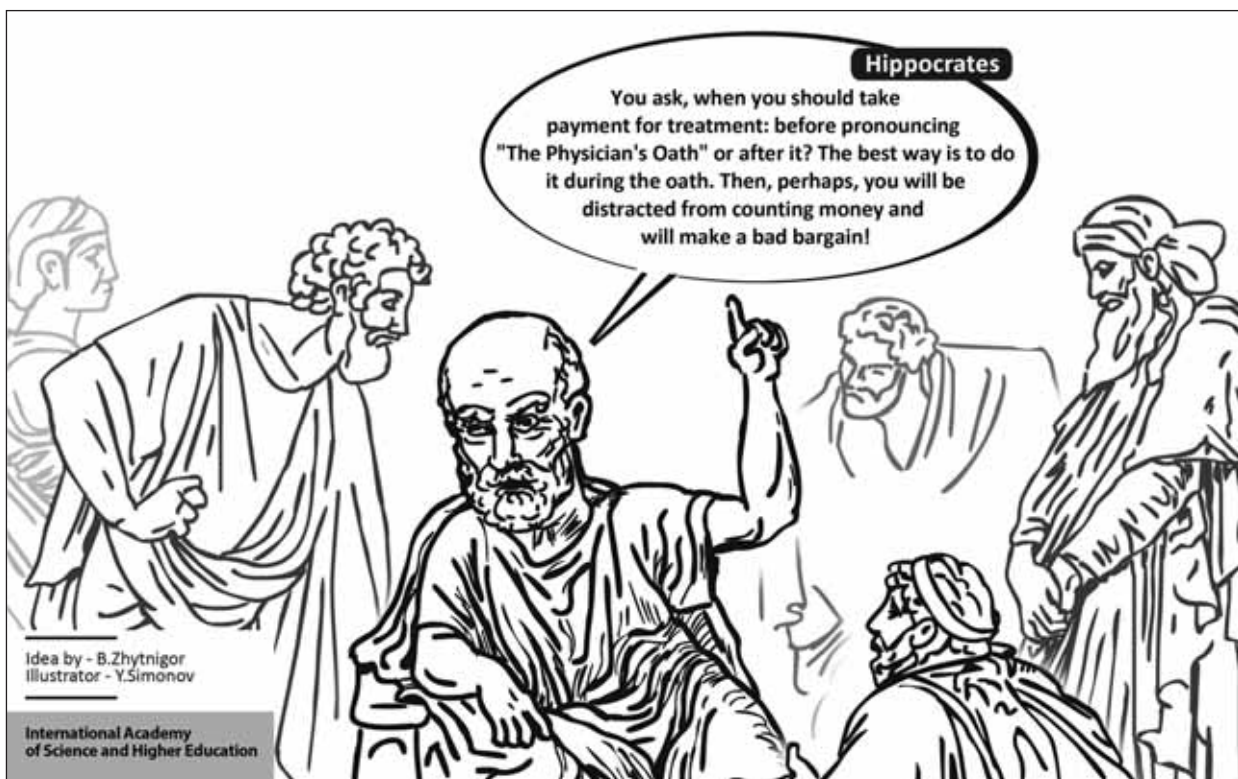
1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 261 с.

2. Jung, C.G. Archetypes of the collective unconscious / C.G. Jung // Psychology of the Unconscious. M., 1996. - pp. 105

3. Leiderman, N L Russian literature - Crossroads of Cultures / N.L. Leyderman // Russian literature of the XX-XXI centuries: trends and currents. - Ekaterinburg, 2005. - P. 50

Information about author:

1. Tamara Yamchynska - Candidate of Philology, Associate Professor, Vinnytsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii; address: Ukraine, Vinnytsia city; e-mail: tamyam555@yahoo.com

LANGUAGE GAME AS THE MECHANISM OF INFLUENCE ON THE ADDRESSEE (ON THE MATERIALS OF TEXTS OF NEWSPAPER PUBLICATIONS)

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

The author considers the methods of language game as a mechanism of influence on the addressee (reader) in order to change of the reader's ideas of reality. On the basis of texts of newspaper publications the actual linguistic processes connected with semantic transformations and semantic hints while playing up case-words and expressions are characterized. Pragmatic functions of language game methods in the newspaper publication are established; illocutinary forces of these mechanisms influencing the addressee are defined. Applied aspects of research of the language game are considered on the example of linguistic examination of newspaper publications at the solution of legal issues.

Keywords: language game, semantic transformations, hint, case expression, enantiosemu.

Conference participant, National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ)

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье рассматриваются приемы языковой игры как средство воздействия на адресата (читателя) с целью изменения его представлений о действительности. На материале текстов газетных публикаций характеризуются собственно лингвистические процессы, связанные с семантическими трансформациями и смысловыми аллюзиями при обыгрывании прецедентных слов и выражений. Устанавливаются прагматические функции приемов языковой игры в газетной публикации, определяются иллокутивные силы этих приемов, воздействующих на адресата. Прикладные аспекты исследования языковой игры рассматриваются на примере лингвистической экспертизы газетных публикаций при решении правовых вопросов

Ключевые слова: языковая игра, семантические трансформации, аллюзия, прецедентное выражение, энантиосемия.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.948>

Языковая игра в современной лингвистике характеризуется как многоаспектное явление. В отличие от логико-философской интерпретации этого феномена, представленной в рассуждениях Людвиг Витгенштейна, начиная с 70-х годов XX в., языковая игра рассматривается преимущественно в собственно лингвистическом аспекте. Тем не менее, это понятие продолжает оставаться на уровне метафоры. При этом одни лингвисты обращают внимание на использование языковой игры на словообразовательном уровне (Е.А. Земская [3]), другие - на лексико-семантическом (Анна А. Зализняк [2]), третьи - на синтаксическом (В.З. Санников [10]) и т.д. (см. работы [4], [6], [8], [9], [11] и др.). Функциональный аспект языковой игры чаще всего связывают с ее эстетической ролью в определенном тексте: «...языковая игра – это явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [4: 172].

В газетно-публицистическом дискурсе использование приемов языковой игры решает не столько художе-

ственно-эстетические, сколько прагматические задачи, связанные обычно с коммуникативными конфликтами, приводящими часто к судебному разбирательству, когда журналиста обвиняют в оскорблении, унижении чести и достоинства, подрыве репутации кого-либо. В таких ситуациях объективную оценку публикации может дать только лингвист. Покажем это на примере лингвистической экспертизы серии публикаций в одной из казахстанских газет, посвященной деятельности корпорации INRG, чьи заводы нарушают экологические нормы и наносят вред окружающей среде. Этой теме посвящены были статьи под такими названиями: «Дайте продохнуть, господин N-ов», «Кто заказал заказник?», «Заказной переплет», «Фактор иска», «Дым - нашему дому?», «Щедрость не порок».

Как можно заметить, во всех этих заголовках используются приемы языковой игры, которые в газетных публикациях создают конфликтную ситуацию, когда адресат (в том числе и персонажи, участники событий, о котором идет речь в статье) воспринимает публикацию как оскорбление чести и достоинства кого-либо, как подрыв чьей-либо репутации (о подобных ситуациях см. [7: 474-476]). В данном случае именно так восприняли представители корпорации INRG публика-

цию статей и обратились к лингвисту с вопросом «Могут ли представленные на исследование публикации сформировать у читателя негативное мнение о деятельности компании INRC и ее представителях?». Ответ на этот вопрос решает не только сугубо прагматическую задачу, связанную с праворегулированием, но и собственно лингвистическую, поскольку в нем (в ответе) содержится материал, имеющий непосредственное отношение к исследованию языковых процессов, в том числе семантических, которые определяют специфику газетного дискурса.

Исследуемые тексты газетных статей представляют собой результат такого специфического вида газетной публицистики, как журналистское расследование, о чем можно судить уже по названиям публикаций. Соответственно в них обнаруживается сочетание авторского текста с разными способами передачи чужой речи, от прямой и несобственно-прямой речи участников событий до цитирования и пересказа чужих высказываний.

По жанрово-стилистическим особенностям рассматриваемые материалы представляют собой аналитические критические статьи. В соответствии с жанром все статьи наполнены фактологическим материалом, а приводимые факты анализируют

ются, сопоставляются, интерпретируются и оцениваются автором.

Обязательной стилистической приметой газетно-публицистического текста является, как известно, совмещение функций *воздействия* и *сообщения* (информирования), т.е. газетно-публицистический текст призван формировать мнение читателя по актуальным политическим, экономическим, социальным и т.п. проблемам или же оказывать воздействие на уже сложившееся мнение читателя по тому или иному вопросу.

Функциональная направленность анализируемых статей определяется такими его важными с точки зрения психолингвистики компонентами, как заголовки, названия рубрик (подзаголовки), содержание врезок (текста, предшествующего основному тексту статьи). Рассматриваемые публикации объединены не только последовательным анализом логически связанных между собой фактов, но и особым ироническим стилем, о чем свидетельствуют широкое использование художественных приемов, языковая игра, употребление прецедентных высказываний и слов, смысловые аллюзии. Все это позволяет выразить журналисту свою авторскую позицию и воздействовать соответствующим образом на читателя. Таким образом, по своим композиционным и жанрово-стилистическим особенностям рассматриваемые публикации представляют собой аналитические критические статьи в жанре журналистского расследования. Приводимые в статьях негативные сведения о деятельности корпорации INRG и ее представителей свидетельствуют о намерении автора сформировать соответствующее мнение у читателя и ответственности в целом.

Особого внимания заслуживают такие существенные структурно-композиционные компоненты текстов, как заголовки. В них использован такой прием речевого творчества, который в лингвистике принято обозначать термином «языковая игра» (каламбурное обыгрывание слов). При языковой игре говорящий (пишущий) осознанно совмещает, сталкивает в одном высказывании несколько смыслов. Это совмещение смыслов (значений слов)

основано на семантических трансформациях слов, выражений, своего рода эксплуатации их неоднозначности. Это вызывает у слушающего (читающего) разного рода смысловые аллюзии. Этот прием широко используется в художественных текстах постмодернистского направления, в рекламных текстах, в афоризмах, анекдотах и т.п. жанрах. Языковая игра широко используется и в современной журналистике, особенно в заголовках публикаций, как в данном случае. При языковой игре в основу берется общеизвестное высказывание с определенным, всем известным содержанием. Это содержание в другом высказывании преобразуется в новое, в результате чего происходит столкновение разных смыслов в одном высказывании. Так, в заголовке «Дайте продохнуть, господин N-ов!» обыгрывается общезвестное (узуальное) значение слова продохнуть ‘вдохнуть полной грудью, свободно’, например: В этой комнате продохнуть нельзя. В этом зале от такого скопления людей не продохнуть. В рассматриваемом заголовке это значение трансформируется в новые смыслы, которые в языковом сознании адресата формируются с помощью так называемых речевых импликаций (выводных знаний). Эти импликации можно представить в такой семантической записи:

‘X совершает действие P’

‘действие P привело к последствиям K’

‘последствия K отрицательны для всех’

Таково объективное (так наз. диктумное) содержание заголовка. Конкретизация этого значения дается уже в самом тексте статьи. X – это N-ов, один из олигархов, кому принадлежат предприятия, отравляющие атмосферу. И он же – виновник этой тяжелой ситуации, и поэтому к нему обращено требование «Дайте продохнуть!». В этом заголовке содержится в обобщенном виде информация, негативно характеризующая личность (N-ва) и его деятельность.

Вторая статья названа «Заказной переплет». Обыгрывается известное выражение «попасть в переплет», в котором переплет имеет значение ‘запутанное, затруднительное поло-

жение’. Значение слова заказной становится ясным из содержания самой статьи, в которой это слово используется как прецедентное, первоначально использованное по отношению к газетной публикации под названием «Дайте продохнуть, господин N-ов!». Эта публикация представителями корпорации INRG названа заказной, т.е. выполненной по заказу, по поручению (приказу, просьбе) кого-либо: «Завершив отчеты утверждением, что Павлодар является экологически благополучным городом, Феликс Вулис вернулся к статье в нашей газете, назвав ее почему-то заказной».

Автор статьи использует это слово как бумеранг и считает, что заказными являются выступления представителей корпорации INRG. Тем самым они оказались в запутанном, затруднительном положении, т.е. «попали в переплет». Совмещение двух смыслов в одном высказывании создает эффект языковой игры, с помощью которой дается ироническая, а поэтому резко отрицательная характеристика словам и действиям представителей корпорации INRG.

Заголовок третьей статьи «Фактор риска» построен на каламбурном обыгрывании прецедентного выражения «фактор риска» (обыгрывается созвучие слов риск и иск). Выражение «фактор риска» обозначает обстоятельства, причины, связанные с риском, с возможной неудачей, опасностью. Чаще всего это выражение используется в медицинских текстах. В исследуемом тексте выражение «фактор риска» выполняет дейктическую (указательную) функцию, а именно, указывает, что содержание этого фактора будет раскрыто в последующем тексте:

«Правда, помимо заявлений о том, какие они пушистые и “зеленые”, на пресс-конференции прозвучали и весьма нелестные обвинения в адрес г-на Калмахана. “Этот человек считает себя супергероем, черным плащом, спасающим Павлодар от смертельной угрозы, - заявил Вулис, демонстрируя отличное знание комиксов. - Хочу официально заявить: мы как компания подадим судебный иск по поводу этой ложной и абсолютно некомпетентной статьи. Это недопустимо - оставлять без

внимания вот такого рода заказной наезд, это просто ложь, и я бы назвал это абсолютной провокацией».

Обыгрывание выражений «фактор риска» и «фактор иска» преследует цель негативно характеризовать поступки и слова одного из участников пресс-конференции (в данном случае – **главного исполнительного директора INRG Феликса Вулеса**).

В заголовке «Дым - нашему дому?» обыгрывается магическая формула заклинаний, пожеланий типа «Чума на ваш дом» «Чума на оба ваших дома», «Мира и благополучия вашему дому» и т.п. Как известно в прототипическом смысле эти речевые акты, часто сопровождаемые невербальными действиями, служили средством воздействия на кого-либо или на что-либо с целью изменения определенного положения дел или состояния объекта заклинания. Эти речевые акты обычно были связаны не только с суевериями и предрассудками людей, но и оказывали сильное воздействие на эмоционально-психическое состояние того, к кому относилось это заклинание. Положительные пожелания-заклинания имеют целью вызвать положительные эмоции по отношению к тому, кто совершает речевой акт пожелания-заклинания. Соответственно, отрицательные пожелания-заклинания формируют резко негативное отношение к прорицателю. В исследуемой публикации в роли такого прорицателя выступает АО «Алюминиевый завод» корпорации INRG, о чем свидетельствует уже содержание начальной врезки: «Павлодарцы против алюминиевого занавеса».

Именно «Алюминиевый завод» выступает тем прорицателем, который пророчит «дым нашему дому». Это намерение приписывается заводу, поэтому понятно отрицательное отношение к нему со стороны читателя. Такова цель и прагматическая функция этого заголовка. Следует также обратить внимание и на то, что в речевых актах заклинания и пожелания, рассматриваемых как действия, реализуются цели, намерения прорицателя, в данном случае – Алюминиевого завода. Эти наме-

рения завода должны вызвать негативное отношение к ним со стороны читателя.

В заголовке «Кто “заказал” заказник?» обыгрывается квазитавтологичность слов заказать и заказник. При этом читателю уже известно, кто именно выступает в роли «заказчика», поскольку вторая статья композиционно является продолжением первой. Связывает обе статьи врезка «А тем временем...», говорящая о единой теме и общем предмете статей. Этот предмет – намерения АО «Алюминиевый завод» захватить территорию заказника.

Следует также обратить внимание на вопросительную форму заголовков: «Дым - нашему дому?» и «Кто “заказал” заказник?». Такая форма заголовков обычно используется в газетно-публицистических текстах с целью воздействовать на эмоционально-оценочную сферу восприятия читателя, вызвать у него положительный либо отрицательный отклик на сообщаемую информацию. В данном случае авторы публикации намерены сформировать у читателя устойчиво негативное впечатление об АО «Алюминиевый завод».

Статья «Щедрость не порок» по содержанию и общей тональности относится к разряду публикаций, в которых ставятся и решаются сугубо морально-этические проблемы. Такие публикации направлены не столько на информирование читателей о тех или иных событиях и фактах, сколько на формирование определенного мнения общественности. Рассматриваемая статья отличается особым экспрессивным стилем, о чем свидетельствует широкое использование приемов языковой игры. Это позволяет журналисту выразить свою авторскую позицию и воздействовать соответствующим образом на читателя, прежде всего на сферу его эмоционального восприятия. Приводимые в статье негативные сведения о деятельности компании INRG и ее совладельце М-ве свидетельствуют о намерении автора статьи сформировать соответствующее негативное мнение о нем у читателя и общественности в целом. Такая прагматическая установка обнаруживается уже в самом названии статьи в котором

используются семантические трансформации слов, выражений, используемых при языковой игре. Заголовок статьи «Щедрость не порок» обыгрывает прецедентное выражение «Бедность не порок» (название пьесы А.Н. Островского). Сталкивание этих двух выражений, основанное на противопоставлении слов «щедрость» и «бедность», служит средством иронии, сарказма по отношению к тому, о ком идет речь в тексте, в данном случае, по отношению к М-ву. Ирония в данном и подобных случаях создается на основе энантиосемии (об этом явлении см. [1: 60-61]), под которой понимается столкновение в одном слове двух противоположных смыслов: 'щедрость не порок' 'щедрость - порок'. Иронический стиль присущ всему тексту статьи, в том числе и в случае с обоснованием действий М-ева по спасению японского музея кимоно и полного бездействия по спасению детей Павлодара, где расположены его заводы:

Вот только кимоно из страны цветущей сакуры до сих пор не видели жители города красного снега - Павлодара, где расположены подразделения INRG (компании “Алюминий Казахстана” и “Электролизный завод”), которые, собственно, и помогают г-ну М-еву увеличивать свое благосостояние, периодически тратя толику нажитого непосильным трудом на спасение чужого культурного достояния. В своих интервью большой души олигарх не раз признавался - он еще тот японист: с детства увлекся этой страной, многому там научился, а потому, когда стало ясно, что с кимоно-то может быть хреновато, его не мучили сомнения.

Ирония и сарказм, присущие стилю статьи, подчеркиваются также обыгрыванием «японской» темы в случаях использования эвфемизмов, служащих заменой нецензурных выражений: япона мать, японский бог:

Говорят, что безграничная щедрость г-на М-ва настолько поразила благодарных японцев, что они всерьез последние два года обсуждают вопрос о присвоении ему почетного звания “япона папа”. Впрочем, это, скорее всего, байки завистников. А вот в Павлодаре, узнав о м-евском вкладе в сохранение наследия мировой культуры и его расходах, связанных с этим бла-

гим делом, многие помянули “кладчика” тихим добрым словом, воскликнув: какое благородство, японский бог!

Эти выражения-эвфемизмы, как и собственно нецензурные выражения, служат ярким средством эмоционально-экспрессивного усиления речи, средством выражения недовольства, гнева, удивления. Использование подобных языковых средств в литературных текстах преследует лишь одну цель – воздействовать на эмоционально-оценочную сферу читательского восприятия. В данном случае – восприятие и оценка действий М-ева, преподносимых журналистом как аморальные, бессердечные. Именно таким преподносится читателю личность М-ева, и это, по замыслу автора статьи, должно вызвать у читателя резко отрицательную оценку М-ева и его поступков.

Таким образом, лингвистическое исследование представленных текстов показывает, что одной из целей публикаций, приводимых в них сведений является именно формирование в сознании читателя негативного мнения о деятельности корпорации INRG и ее представителей. И в этом несомненна роль языковой игры как средства воздействия на адресата, на изменение его представлений о действительности. Поэтому можно заключить, что вопросы исследования спорных текстов, их лингвистическая экспертиза органично вписываются в общую проблематику под названием «Современные языковые системы как инструменты преобразования действительности».

References:

1. Ermakova O.P. Aktivnye processy v leksike i semantike [Активные процессы в лексике и семантике]., *Sovremennyj russkij jazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX-XXI vekov* [Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков] – Moskva., *Jazyki slavjanskich kul'tur* [Languages of Slavic Cultures], 2008., pp. 33-99.
2. Zaliznjak Anna A. *Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija* [Polysemy in language

and ways of its representation] – Moskva., 2006. – 672 P.

3. Zemskaja E.A. *Igrovoe slovoobrazovanie* [Game-based word formation]., *Jazyk v dvizhenii: k 70-letiju L.P. Krysin* [Language in motion: to L.P. Krysin's 70th anniversary]. Executive editor E.A. Zemskaja, M.L. Kalenchuk. – Moskva., 2007., pp. 186–193.

4. Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.A., Rozanova N.N. *Jazykovaja igra* [Language game]., *Russkaja razgovornaja rech': Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest.* [Russian speech: Phonetics. Morphology. Lexicon. Gesture.]. – Moskva., 1983., pp. 172–214.

5. Knjazev Ju.P. *Adresat v zagolovkah periodicheskoj pechati* [The addressee in headings of periodicals]., *Logicheskij analiz jazyka. Adresacija diskursa* [Logical analysis of language. The discourse addressing]. Executive editor N.D. Arutjunova. – Moskva., Publisher «Indrik», 2012., pp. 461-470.

6. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. *Karnavalizacija kak jetap v razvitii jazyka* [Carnivalization as the language development stage]., *Starye mehi i molodoe vino. Iz nabljudenij nad russkim slovopotrebleniem konca XX veka* [Old bellows and young wine. From supervisions over the Russian word usage at the end of the XX century] – Sankt-Peterburg., 2001., pp. 5–26.

7. Lazutkina G.M. *Jetika i jestetika kak norma SMI* [Ethics and esthetics as norm of mass media]., *Logicheskij analiz jazyka. Adresacija diskursa* [Logical analysis of language. The discourse addressing]. Executive editor N.D. Arutjunova. – Moskva., Publisher «Indrik», 2012., pp. 474-476.

8. Nikolina N.A., Ageeva E.A. *Jazykovaja igra v strukture sovremenogo prozaicheskogo teksta* [Language game in the structure of the modern prosaic text]., *Russkij jazyk segodnja* [Russian language today]., Issue No. 1., Collection of reports. – Moskva., 2000., pp. 551–561.

9. Savel'ev S.V. *Jazykovaja igra: aspekty i napravlenija issledovanija* [Language game: aspects and directions of research]., *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah* [Word, statement, text in the cognitive,

pragmatic and culturological aspects]: collection of reports participants of the IV International Scientific Conference. Vol. 1. – Cheljabinsk., 2008., pp. 218–220.

10. Sannikov V.Z. *Russkij sintaksis v zerkale jazykovoj igry* [The Russian syntax in a mirror of the language game]., Sannikov V.Z. *Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [The Russian syntax in semantic-pragmatic space] – Moskva., 2008., pp. 455–583.

11. Skovorodnikov A.P. *Rasshirenie figural'nyh vozmozhnostej jazyka sovremennoj rossijskoj pressy* [Expansion of figurative capabilities of the language of the modern Russian press]., *Russkij jazyk segodnja* [Russian language today]., Issue. 2. Collection of reports. RAN. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova [V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Executive editor L.P. Krysin. – Moskva., 2003., pp. 556–564.

Литература:

1. Ермакова О.П. Активные процессы в лексике и семантике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 33-99.

2. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006. – 672 с.

3. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М., 2007. – С. 186–193.

4. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. *Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.* – М., 1983. – С. 172–214.

5. Князев Ю.П. Адресат в заголовках периодической печати // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. 461-470.

6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. *Карнавализация как этап в развитии языка // Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века.* – С.-Пб, 2001. – С. 5–26.

7. Лазуткина Г.М. *Этика и эстетика*

как норма СМИ // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. [474-476];

8. Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. – М., 2000. – С. 551–561.

9. Савельев С.В. Языковая игра: аспекты и направления исследования // Слово, высказывание, текст в ког-

нитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV международной научной конференции. Т. 1. – Челябинск, 2008. – С. 218–220.

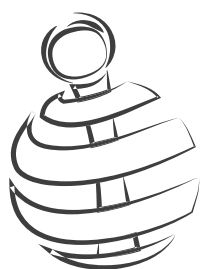
10. Санников В.З. Русский синтаксис в зеркале языковой игры // Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М., 2008. – С. 455–583.

11. Сковородников А.П. Расширение фигуральных возможностей язы-

ка современной российской прессы // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2003. – С. 556–564.

Information about author:

1. Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru

**INTERNATIONAL
ACADEMY**
OF INTELLECT AND QUALITATIVE PROGRESS

CERTIFICATION «ICSQ-775»

- ◆ Standart certification
- ◆ Operative certification

PATENTING IOSCEAAD-775

- ◆ Standart patenting
- ◆ Operative patenting

ACCREDITATION

- ◆ Authoritative accreditation
- ◆ Procedural accreditation
- ◆ Status accreditation
- ◆ Membership accreditation
- ◆ Expert accreditation

<http://academy.iuci.eu>

FOREIGN WORDS IN THE RUSSIAN LEXICAL SYSTEM

E. Dolgaleva, Candidate of Education, Senior Lecturer
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

The article is devoted to the concept of borrowing in the Russian language. It gives an overview of main theories and terms given by well-known Russian and foreign linguists. Information on the types and causes of borrowings is presented, as well as the borrowing process stages in the language.

Keywords: borrowing, language interaction, loan, assimilation, receptive language.

Conference participant

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.924>

As we all know, the language vocabulary is the most alternating language component being in the process of constant change. Vocabulary of a language changes getting enriched and reflecting its development in terms of a certain historical period in the evolution of the society. These phenomena are not directly related to the language system. They may be related to the processes of changing the word meanings and vocabulary enrichment by borrowing words from other languages.

The problem of linguistic borrowing has actualized in recent decades due to the active development of various aspects of language interaction. The growing number of studies has shown a contradiction between the traditional explanation of borrowing schemes, mainly prevailing in the nineteenth century, and new ideas about the language processes and the language structure, widespread in the second half of the twentieth century. Different views on key aspects of borrowing presented in the national and foreign literature are covered in the work by T.G. Linnik [9, p. 320]. The author, however, has not defined and analyzed polar approaches to understanding the core content of the borrowing process existing in linguistics for a long time. Investigation of the processes and results of lexical borrowing in the last few decades has been conducted in two ways: some linguists have focused on the aspect of intra-entry of foreign language elements in the borrowing language (Amosova, Bloomfield, Krysin, Mayorov [10]), while others have been considering borrowing in the context of bilingualism and intersystem language interaction (Aristova, Weinreich, Haugen). Widespread traditional understanding of borrowing as transition, transfer,

penetration of elements of one language into another language is opposed to its explanation as the creation (by its own means) of language elements through creative imitation, crude copying or structural modeling by analogy from the non-native specimen.

The first approach took shape in the nineteenth century and continues to dominate today. In particular, it was presented in the famous monograph by L.P. Krysin [7], relied on by many subsequent national works. This approach dominates in the scientific and educational literature, in modern linguistic encyclopedias.

The Linguistic encyclopedia of 1990 gives the following definition: "Borrowing is an element of a foreign language (word, morpheme, syntax, etc.) transferred from one language to another as a result of a language contact, as well as the process of transition of elements of the same language into another" [14, p.158].

O.S. Akhmanova understands borrowing as "turning to the lexical fund of other languages in order to express new concepts, further differentiate existing one and designate previously unknown objects" [3, p.150-151]. Thus, the author formulates the main aspects necessary for disclosing the concepts.

Bloomfield [15, p. 455] understands borrowing as a certain kind of language change and distinguishes: 1) borrowing as the concept of culture, and 2) "internal borrowing" being the result of the constant language contact due to territorial or political proximity 3) dialect borrowing penetrating into literary language of the dialects.

The essence of the borrowing drawn by E. Haugen is in reproducing the language models in another language; the nature of the reproduction may be different

at different levels [13, p. 212]. Based on the degree of morphemic and phonemic substitution (zero, partial, full) of a foreign language model by means of another language, Haugen groups all borrowings according to their structural features: 1) borrowed words (loan words), i.e. a fully reproduced foreign language morpheme with zero, partial or complete phonemic substitution 2) borrowed morphemes (loan blends), i.e. partial reproduction of foreign language models, and 3) borrowed meanings (loan translations, semantic loans) with a zero morphemic and phonetic reproduction of a foreign language model.

U. Weinreich considers the borrowing as the initial form of interference of languages in bilingualism [4, 16].

Expanding the concept of borrowing in terms of its structural composition, some linguists, in particular B.I. Zabavnikov [6], suggest considering not only the possibility of penetration of the foreign word or its internal form into the native language, but also the nature of borrowing on the phonetic, phonological, graphic, syntactic and other levels, i.e. analyzing them in terms of structural and typological correspondences or discrepancies. In this regard, the findings reflect the views of Zabavnikov and Krysin considering it appropriate to call the borrowing process the moving of various items from one language to another [7, p. 104-116].

According to V.M. Aristova, divergent views on the concept of borrowing are explained by different methodological approaches of representatives of various schools and trends in linguistics [1, p. 4].

In the study of borrowing as a process rather than a combination of various elements in the foreign language in a certain period of its existence, Aristova indicates the need to differentiate primary elements capable of independent movement from

one language into another language, and secondary - that are not capable of independent movement. The primary elements, according to the author, include lexical, semantic, syntactic, stylistic elements that have relative independence and support specific speech information. The secondary elements are phonetic, phonological and morphological elements on the grounds that these elements are able to move from language to language, but in the content of foreign words. Probability of this borrowing depends on the internal needs of the borrowing language system [1, p. 6-7].

Many linguists studied the causes of the foreign words borrowing in the early twentieth century.

It should be noted that there are different backgrounds and reasons for borrowing [8, 12]. The prerequisites for borrowings are certain conditions of development of the society and the language in which it is possible to activate the process of borrowing.

Among the prerequisites for borrowings today the following can be:

- 1) Formation of an open society.
- 2) Intensification of communication contacts between native Russian speakers and speakers of other languages;
- 3) Expansion of bilingualism;
- 4) Willingness of the society to accept foreign language means of expression.

There are a lot of reasons why one language borrows from another language. Following the leading linguists (Lotte, Krysin, Erenkov, Breiter), there are extra-linguistic, external and proper language, intra-linguistic and internal causes of borrowing.

Extra-linguistic reasons include:

- The impact of one culture on another culture;
- Increasing interest in the language study;
- Implementation of measures in the field of language policy aimed at promoting and improving the process of learning foreign languages, on the formation of active bilingualism;
- Authority of the source language, leading to borrowing of many words from the language and the emergence of internationalisms; for example, computer and sports terminology are borrowed from English: scanner, joystick, overtime, arm wrestling, bodybuilding, etc.

Historically predetermined interest of the certain social culture in the culture of another country.

Intra-linguistic borrowing reasons include the following:

- The absence of an equivalent word for a new concept or object (computer, pager, fax, printer, copier) in the native language. This is considered to be the main reason for borrowing.

- Tendency to use one borrowed word instead of a native descriptive clause, i.e. longing for concision, the law of economy, for example, inauguration, impeachment, etc.

- Tendency to detailing certain concepts, demarcating some of their connotations, by "fixing" them with different words, i.e. striving for accuracy, for example, a grant, an image, a killer, etc.

Furthermore, we can distinguish socio-psychological reasons:

- The tendency to expressivity; prestige of foreign words gives rise to foreign-language stylistic synonyms, for example, a teenager, publicity, etc.

- Communicative relevance. For example, before the elections words like electorate, rating, impeachment are used more commonly.

- Formation of international jargon: high life, single label, blazer.

Most linguists rightly believe that the borrowing process is a complex phenomenon that takes 3 main stages:

1. Penetration of the foreign word into a new language.

All foreign words go through this stage, but, as indicated by Aristova, the entry period may be different. The shortest period is the occasional use of words that usually have equivalents - absolute synonyms in the Russian language. The longest one is in relation to the words that do not have equivalents in the Russian reality on the semantic content (a cop, Quakers, gin, etc.) [1, p. 9]. At the first stage, the word is repeated on the speech level with the subsequent entry into the recipient language system.

2. Partial assimilation of the word, or the "borrowing period" [1, p. 9].

At this stage there is a strong semantic impact of the source language on the loanword. Aristova explains this phenomenon by expansion of use of the word in relation to reality of the language-receptor. Moreover, the word can

sometimes get a different interpretation of the explanatory (dictionaries) or contextual (literature) character.

3. The final stage of assimilation: the complete assimilation of words by the receptive language, full formal and semantic assimilation of a foreign-language material.

It is important to emphasize that not all the words that fall into one or another language, go through three stages of assimilation. Some linger in the initial stage and the speaking is perceived as foreign. In this sense, we can divide all loans into unassimilated, partially assimilated and fully assimilated.

Not assimilated words stand out sharply against the background of the vocabulary of the language. Many linguists define such vocabulary as exotic. Exotic vocabulary is "words and expressions borrowed from the little-known languages, usually non-Indo-European, and used to give a special color to the speech" [2, p. 215]. D.E. Rosenthal believes that "exotisms" are words that characterize the specific features of lives of different peoples and used to describe a foreign language reality [11, p. 134]. So to depict the life of the Caucasus peoples in the Russian language there are such words as: "aul", "saclya", "gighit", etc. Exotisms have no synonyms in the language-receptor, so reference to them when describing the national specificity is explained by necessity.

In another group there are barbarisms, i.e. foreign words transferred to the language-receptor, the use of which has an individual character. Barbarisms are not fixed by dictionaries of foreign words. They are not assimilated by the language, although with time they can be fixed. Thus, before entering into a permanent part of the vocabulary almost all loans have been barbarisms for some time. For example, "ok", "merci", "happy end" may be referred to as barbarisms in the Russian language. Many of them remain of un-Russian spelling.

According to the method of assimilation borrowings can be oral and written.

Oral borrowings are typical for older eras - before the expansion of writing, and in modern times they are marked at places of massive economic contacts between speakers of different languages without the systematic use of

written forms of communication. When borrowed orally, a word undergoes more changes in its appearance than the written one and becomes easy to assimilate. If the word is included in the language of the people, while borrowing a new subject, the meaning of this loan does not change [14, p. 159].

A "book borrowing" is a "word or phrase penetrated into the language through literature; such borrowings have different book speech coloring" [3, p. 151]. Book borrowings are closer to the original both in meaning and in appearance, however, they are harder to assimilate in the language, retaining some features that are alien to its grammar and phonetics.

Borrowings represent one of the fundamental phenomena of the language life: it is an international exchange in the field of languages caused by the totality of relations between nations.

Assimilation of borrowings deserves to be studied in respect of both form and meaning. Previously the word used to become a part of the language through hearing and to assimilate phonetically quickly. The main trend in this type of borrowing is to approximate expression plan of the borrowed oral unit to the requirements of phonetics and language phonotactical receptor. This trend is realized in two ways: either unacceptable sounds of a foreign language are replaced by more intimate quality sounds of the borrowing language with the retention of the number of phonemes and their order (the basis of this phenomenon is a process that can be defined as cross-language phoneme identification), or foreign language sounds complex is replaced by neoplasm of ancestral sounds based on acoustic impression of a native speaker.

A. Dosa [5, p. 156] suggests that adapting to new phonetics borrowing is often subject to a strong change. Assimilation happens sometimes by eliminating one or two elements of a compound word, making the word divorced from its mother tongue, becoming incomprehensible to it. Borrowing gets the final right of citizenship in the language when it starts to create derivatives by derivation or by changing the meaning.

The assimilation of meanings is interesting as well. Once in

the Russian language, a foreign word often changes its meaning or converts it, acquiring new connotations, additional meanings that were not characteristics of it in its native language.

Society usually adopts a new word when it does not contradict with the norms of the language, i.e. becomes meaningful, communicative and actively used by native speakers. An important role in the analysis of borrowings should be given to such factors as fashion, prestige.

If there are no such factors, a foreign word either quickly leaves the language, or remains in its passive vocabulary, professional terminology systems, limiting its use to functional and stylistic components as "special", "professional", "book", etc.

In everyday Russian speech borrowings penetrate through the media. Since the main borrowing areas are politics, economy, popular culture (showbiz, entertainment, fashion), i.e. most popular media topic areas, newspapers, magazines, radio and television programs abound with foreign words.

Use of foreign words is considered fashionable, because it demonstrates not only big mind of the author, foreign language knowledge, but also the prospects for the adoption of international contacts, the formation of an open society. But it should be taken into account that the frequent occurrence of foreign words in the media does not ensure proper understanding by native language speakers.

The meaning of many foreign words remains unknown to many native speakers or inaccurately understood, often erroneously. Typically, this is a consequence of ignorance of foreign languages, the lack of quality of comments and explanations of the meanings of foreign words used in the media by journalists, the lack of attention to the problem of understanding of commonly used foreign words by native Russian language speakers. The result is the formation of an inadequate word meaning in the mind of a native speaker, the ignorance of the system components of the meaning, distortion of meanings. The improper usage can lead to communicative failures.

Therefore, it is necessary to examine how different categories of Russian speakers understand the meaning of the most commonly used foreign words.

References:

1. Aristova V.M. Anglo-russkie jazykovye kontakty, anglicizmy v russkom jazyke [The English-Russian language contacts, anglicisms in Russian]. – Leningrad., Publisher Leningrad Un-ty, 1978. – 152 P.
2. Ahmanova O.S. O psiholingvistike [On the psycholinguistics]. – Moskva., Nauka [Science]., 1956. – 367 P.
3. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. – Moskva., Soviet Encyclopedia, 1969.
4. Vajnrakh U. Odnodzjazychie i mnogodzjazychie. Novoe v lingvistike [Monolingualism and multilingualism. New things in linguistics]. – Moskva., Publisher Foreign literature, 1972.
5. Doza A. Istorija francuzskogo jazyka [French language history]. – Moskva., Publisher Foreign literature, 1956. – 472 P.
6. Zabavnikov B.N. Ob aspektnoj klassifikacii francuzskih zaimstvovanij v nemeckom jazyke [About the aspect-related classification of the French borrowings in the German language] – Voronezh., Publisher Voronezh Un-ty, 1966. – 113 P.
7. Krysin L.P. K opredeleniju terminov «zaimstvovanie» i «zaimstvovannoe slovo» - Razvitie leksiki sovremennogo russkogo jazyka [To the definition of terms "the borrowing" and "the borrowed word" - development of the modern Russian lexicon]. – Moskva., 1965., pp.104-116
8. Krysin L.P. O russkom jazyke nashih dnei - Izmenjajushhij jazykovoj mir [About the present-days Russian language - the changing language world]. - Perm'. 2002
9. Linnik T.G. Problemy jazykovogo zaimstvovanija - Jazykovye situacii i vzaimodejstvie jazykov [Problems of the linguistic borrowing - language-related situations and interaction of languages]. – Kiev., 1989.
10. Majorov A.P. Social'nye aspekty vzaimodejstvija jazykov v bilingvisticheskom kommunikativnom

prostranstve [Social aspects of interaction of languages in the bilingual communicative space] – Ufa., BGMU, 1997. – 137 P.

11. Rozental' D. Je., Telenkova M. A. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] – Moskva., «Prosveshchenie» [Enlightenment], 1976. – 357 P.

12. Sternin I. A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical meaning of the word in the speech.] – Voronezh., Publisher Voronezh Un-ty, 1985. – 171 P.

13. Haugen Je. Process zaimstvovaniya - Novoe v lingvistike [The borrowing process - New things in linguistics]. – Moskva., Progress, 1972., Vol. VI., pp.344-382

14. Jarceva V. N. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar [Linguistic encyclopedic dictionary]. – Moskva., Nauka [Science], 1990. - 346 P.

15. Bloomfield, Leonard. Linguistic aspects of science. Philosophy of science. – No. 2/4., 1965., pp. 499-517

16. Weinreich, U. Languages in contact. - New York., 1953

Литература:

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты / англицизмы

в русском языке. – Л.: Изд-во Ленинградс. Ун-та, 1978. – 152с.

2. Ахманова О. С. О психолингвистике. – М.: «Наука», 1956. – 367с.

3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энци., 1969.

4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранная литература, 1972.

5. Доза А. История французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 472с.

6. Забавников Б. Н. Об аспектной классификации французских заимствований в немецком языке. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1966. – 113с.

7. Крысин Л. П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965. – С.104-116

8. Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир: Пермь, 2002

9. Линник Т. Г. Проблемы языкового заимствования // Языковые ситуации и взаимодействие языков. – Киев, 1989.

10. Майоров А. П. Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве. – Уфа: БГМУ, 1997. – 137с.

11. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь лингвистических терминов. – М.: «Просвещение», 1976. – 357с.

12. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1985. – 171с.

13. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Т. VI – С.344-382

14. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Наука», 1990.- 346с.

15. Bloomfield, Leonard. Linguistic aspects of science // Philosophy of science. – 2/4. – 1965. – P. 499-517

16. Weinreich, U. Languages in contact: N. Y., 1953

Information about author:

1. Ekaterina Dolgaleva - Candidate of Education, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation; address: Russia, Moscow city; e-mail: madam.dee@yandex.ru

The AICAC Secretariat
Tel: + 12 024700848
Tel: + 44 2088168055
e-mail: secretariat@court-inter.us
skype: court-inter

**AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT**

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

LINGUISTIC PERSONALITY IN THE BUSINESS DISCOURSE CONTEXT

S.M. Buchatskaya, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Chair
Vinnytsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii, Ukraine

The article is dedicated to the structural components of linguistic personality and its role and place in the business discourse. The analysis of approaches to the selection of the discourse types and business discourse characteristics in the context of the field one are introduced.

Keywords: linguistic personality, business discourse, speech action, structural components, field discourse type.

В статье исследуются структурные компоненты языковой личности, ее роль и место в деловом дискурсе. Представлен анализ подходов, с помощью которых выделяют типы дискурса и особенности делового дискурса в контексте отраслевого в частности.

Ключевые слова: языковая личность, деловой дискурс, речевой акт, отраслевой тип дискурса, структурные компоненты.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.925>

INTRODUCTION

Language provides social life of humans. The historical experience of man's and nation's life is reflected in culture expressing the spirit of history and epoch, and thus leading to the intercultural communication. The global nature of peoples' communication nowadays requires the humanistic orientation. Due to cross-cultural communication this would allow a person to thrive and evolve basing on the unity of universal and national values. A special role in the development of humanistic personality and creation of favourable atmosphere for the dialogue of cultures is played by a language serving as an environment for the development of human relationships. The success of intercultural communication depends on the values, attitudes, knowledge and behavioural responses of the culture and language carrier, defined as a **linguistic personality**.

The problem of definition of the linguistic personality and its functioning in different areas of communicative behaviour is reflected in the works of Ukrainian and foreign researchers (Bogin G.I., Zasyekina L.V., Karasik V.I., Karaulov Y.N., Krasnyh V.V., Seville-Troike M. and others).

Interest to human as a linguistic personality can be traced in numerous approaches and interpretations of modern linguistics, as well as psychology and psycholinguistics. However, verbal behaviour properties and functioning of linguistic personality in the business discourse have not been the object of complex analysis; no synthesis of typological characteristics of business English discourse has been introduced.

Hence the relevance of the research is based on the theoretical and practical necessity of studying the issue.

The aim of the study is an attempt to identify main characteristics of the business English discourse, to determine the role and place of the business discourse in the linguistic personality activity.

Main body

At the present stage of the development of linguistics, there are a great number of approaches to the analysis of the discourse as well as determination of its types. However, there is no diversity in approaches to examination of the discourse, considering human behaviour as **speech activity** and the minimum dependent unit of the discourse as a **speech act**. The term «discourse» put into circulation by American linguist Zellig Harris, has gained a wide range of meanings and approaches, which cover the following:

1) discourse as the «language above the level of the sentence or phrase» (S. Harris, M. Stubbs, D. Shyffrin, V. Zvegintsev);

2) discourse as any «use of language» (G. Brown, G. Yule, R. Fasold);

3) discourse as utterance (H. Clark, D. Shyffrin);

4) discourse as the text together with extra-linguistic (pragmatic, socio-cultural, psychological, etc.) factors, text as a purposeful social action, component of the interaction between people and their mechanisms of consciousness (cognitive processes), the «language in life» (N. Arutyunova).

The generalized definition of the discourse suggested by F.

Batsevych should also be introduced. It claims that «discourse is the type of communicative activity, interactive phenomenon, the speech stream, which has various forms of expression (oral, written, paralingual), occurs within a particular channel of communication and is governed by the strategy and tactics of participants involved in communication» [1, p.158].

Interpreting the linguistic relevance of the discourse as the most substantial category of speech code enables language researchers working in the field of the communication processes to discover new prospects in studying live human interactions. Observations proved that the discourse is not only a specifically structured category of communication, but the unit of speech code within which a particular interaction of semantic, syntactic and pragmatic components is revealed [1, 3, 8].

Discourse is an aggregate of human speech activity being cognitive and communicative by its nature. Hence communicative activity (i.e. the discourse) is defined by specific aims and intention through which a communicant (i.e. the linguistic personality) builds up his communicative strategies and tactics.

Problems concerning the linguistic personality functioning in conditions of communication, where it is regarded as a generalized image of the carrier of cultural and linguistic values, attitudes, knowledge, behavioural responses, typological features and styles of communication belong to the core issues in the linguistic personality theory. Our interpretation of the linguistic personality

tends to be grounded on the definition of the personality as a certain person with particular individual mental, emotional, motivational and volitional qualities.

Interpretation of the linguistic personality as a set of personal cognitive, motivational and emotional characteristics serving as a ground for its identity expressed in language, allows distinguishing structural components of the linguistic personality.

Linguistic personality comprises three main components: cognitive, emotional and motivational. The cognitive component is represented by the linguistic ability as a psycho-physiological background of language acquisition, provided by physical substrate of speech activity – the brain; language abilities, as individual specific characteristics of a person that create the prospective possibilities for the effective mother tongue acquisition both in oral and written form; linguistic knowledge as a set of linguistic (phonological, lexical, grammatical, pragmatic) and encyclopaedic knowledge – common system of well-arranged and ranked units about the world; linguistic strategies as individually peculiar ways of perception and generation of information comprising skills (subconscious automated language operations), skills (heuristic perceived performance in different speech contexts); linguistic competence as a set of knowledge and effective strategies in using the mother tongue; the language picture of the world, as the amount of knowledge about the world, expressed in the language and subordinate to ethnic vision of specific national and cultural environment carriers [6, p.24].

Emotional component includes emotional attitude of a person to the language reality, in other words – peculiarities of mother tongue functioning, the level of its development, extension and usage in different spheres of social life.

Motivational component embraces aims, motives and intentions. This component provides transformational regularities from evaluation of individual speech activity to understanding oneself as a linguistic personality being a carrier of the national culture and representative of the national identity. The ultimate aim of the linguistic personality (the self-development being its motive respectively) is the formation

and improvement of mother tongue means in order to express the major categories in one's native culture.

Determination of the structure of the linguistic personality and peculiarities of its functioning through interaction of the defined components makes it possible to outline main directions in the linguistic personality's development in the contemporary social environment. The directions are focused mainly on aspects not provided by psychophysiological features of the person, but caused primarily by the influence of social factors, namely by the structured category of communication.

As apart of our research, in the business discourse context the concept of "linguistic personality" involves considering its language constituent as a systemic cultural «enzyme» and the mechanism of its development, as well as treating it – as the personality forming ensemble of how the nature of language culture mastering affects individual and social traits of a person. Linguistic personalities may manifest in different contexts of human life – professional, interpersonal, intimate.

Since the subjective interest lies in the linguistic personality functioning in terms of the business discourse, at this stage the approaches to determination of discourse types need to be analysed.

V. Karasik distinguishes two types of the discourse: personal (personality-oriented) and institutional (field), considering them from the standpoint of various branches of human knowledge. That is to say that the institutional discourse has as many varieties as institutions: political, educational, scientific, religious, military, sports, health, media discourse, etc. [8].

Somewhat different approach is employed by O. Yashenkov who distinguishes types of the discourse according to the field of communication: teaching, medicine, advertising, religion and politics [10, p.190-192].

Analysis of different scientific approaches to pointing out types of the discourse has proved that the business discourse covers all types of the institutional discourse and provides communication, specified by social functions of the participants and regulated both in content and form. Institutional discourse (communicative activity) is a specialized kind of communication

between unacquainted people, who have to communicate in the given coordinates of status and role relationships.

Business discourse (communication) is the fundamental component of social communication in the commercial, administrative, legal, economic and diplomatic spheres. New economic and social conditions lead to the commercial and organizational activities in which a great number of people are involved. This situation emphasizes the necessity of learning speech patterns used in business communication, improving the linguistic competence of people engaged in social and legal relationship and those carrying out their professional duties.

The ability to conduct business negotiations successfully, properly compose text documents and work with documents is considered to be the most important component of the professional culture of every educated person. Speaking and communicating properly, discussing and commenting – all these kinds of speech activity must be acquired and used in daily professional communications.

A linguistic personality of a certain type is particularly evident in the professional and business spheres. The integration concept of linguistic personality suggested by Y. Karaulov treats its structure as a unity of lexicon, thesaurus and pragmatics, which correspond to the following levels:

- 1) The verbal-semantic level, i.e. natural language fluency;
- 2) The cognitive level covering "mentifacts" (term introduced by V. Krasnyh) – knowledge, concepts, ideas that shape the world picture of the speaker;
- 3) The pragmatic level including the speaker's objectives, motives, interests and intentions.

It is important to emphasize that business communication involves the ability to use one's own tactic and strategic experience. In order to achieve a certain result, due to practical activity and intentions of communication participants, the following strategies are used in the business discourse:

- a) Information receiving strategy;
- b) Information providing strategy;
- c) Information retaining strategy.

A required condition for the successful business discourse is to possess the

knowledge on the communicative code, which is a system of principles, rules and conventions based on certain categories and criteria and regulating the speech behaviour of participants. Australian linguist M. Holliday singled out three groups of parameters forming the register of communication: the discourse sphere, the social role disposition and the discourse mode.

The above-mentioned rules and registers of communication tend to constitute that the business discourse language spoken by the representative of any language culture not only must be perfect in terms of linguistic rules, but should comprise features of expressiveness, argumentation, logic, accessibility, clarity, etc. A representative of language culture should have a good command of all functional styles of native language: official, scientific, publicist, colloquial. This means that a business person, for example, can equally easily write a scientific report or an article, speak at a press conference, give an interview, write presentation speeches, greetings, requests, to say nothing of professional speech activity - drafting documents, conducting meetings, negotiations and business meetings.

As mentioned above, the linguistic personality expresses language behaviour in professional communication, defined as a specially organized guided process of exchanging messages of understanding based on scientific principles, organization of mutual understanding, achieving of optimal interaction, mutual cognition in various fields of activity of the professional communication participants. Professional communication is essential for implementation of any activity associated with the interaction of people.

CONCLUSIONS

The study of the linguistic personality in terms of the business discourse helped to understand the fact that any person served by the language not only as a set of linguistic rules, but primarily as a mechanism of expressing national cultural space, can function as a linguistic personality whose development is based on comprehensive coverage of all structural components (cognitive, emotional, motivational) affected by social factors. A detailed study of the linguistic personality subject as a complex psychological study promotes significant progress in

solving urgent problems: psycholinguistics (the phenomenon of bilingualism and its psychological mechanisms), social psychology (problems of communication), ethnic psychology (problems of ethnic consciousness, national character, national and cultural space of the interethnic tolerance formation), educational and age psychology (the problem of language genesis and developmental influences to creation of a program meant to optimize its conditions). It should be noted that among the prospects of further business discourse studies the thorough study of its strategies and tactics is of great importance, as well as features of the linguistic personality in the English-language discourse.

References:

1. Batsevych, F.S., 2001. Text, discourse, speech genre: balance of notion. Kharkiv National University Scientific Journal. Philological Series, 33. - Kharkiv. - 345 P.
2. Vorobjov V.V., 1998. Linguistic personality and a national idea. Peoples Education, 5. pp. 25-30.
3. Donets P.M., 2005. National and cultural specific feature of discourse. Discourse as cognitive-communicative phenomenon: a monograph. Ed. Shevchenko I.S. - Kharkiv. Constanta. pp.198 -232.
4. Yermeeva O.A., 1991. Of the concept of "linguistic personality". Linguistics: interaction of concepts and paradigms., Vol. 1., Part 2. - Kharkiv.

5. Zasyekina L.V., Zasyekin S.V., 2002. Introduction to Psycholinguistics. Ostroh: National University "Ostroh Academy" Publishing house., pp. 168-189.

6. Zasyekina L.V., Zasyekin S.V., 2008. Psycholinguistic Diagnostics: Textbook. - Lutsk., RVV "Tower" of Volyn National University named after Lesya Ukrainka. pp. 18-26.

7. Common European Guidelines for Language Education: Learning, teaching, assessment, 2003. Scientific editor of the Ukrainian edition. Doctor of pedagogical Sciences, Professor S. Nikolayeva. - Kyiv., Lenvit. - 273 P.

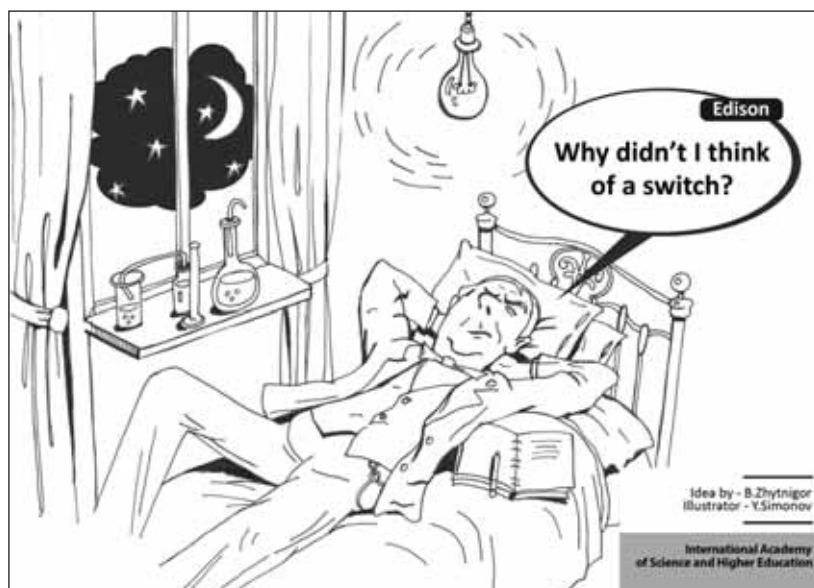
8. Karasik V.I., 1998. Of discourse categories. Linguistic personality: socio-linguistic and emotive aspects: Scientific Journal. Volgograd. Saratov. Peremena Publishing House., pp.87-93.

9. Susov I.P., 1989. Personality as a subject of verbal communication. Personal aspects of verbal communication. - Tver., pp. 16-24.

10. Yashenkova O.V., 2011. Basic theory of verbal communication. Students' Individual work manual. - Kyiv. PC "Academy. - 304p.

Information about author:

1. Svetlana Buchatskaya - Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Chair, Vinnytsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii; address: Ukraine, Vinnytsia city; e-mail: svitusik@gmail.com

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

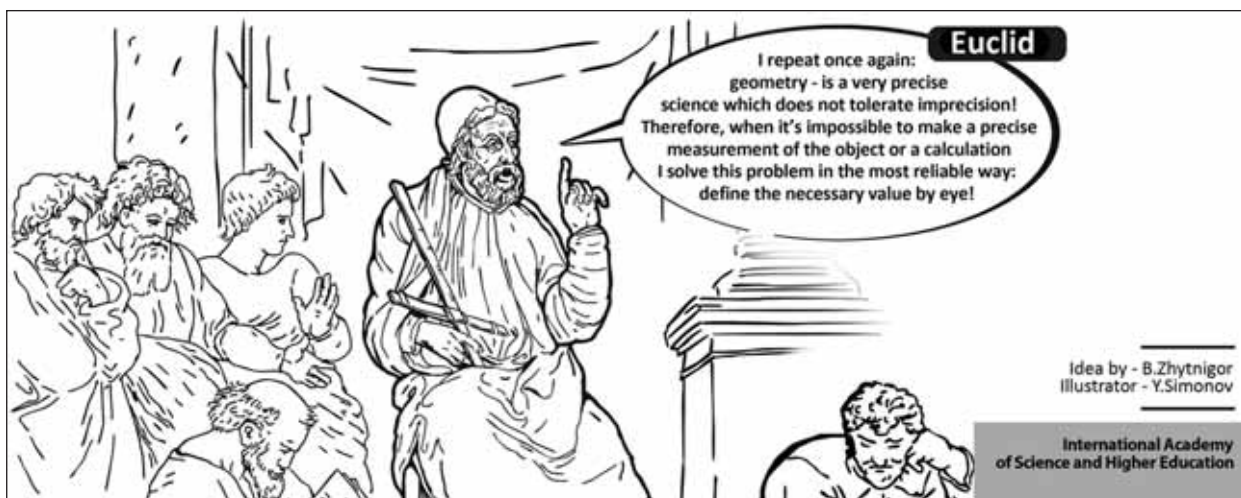
- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

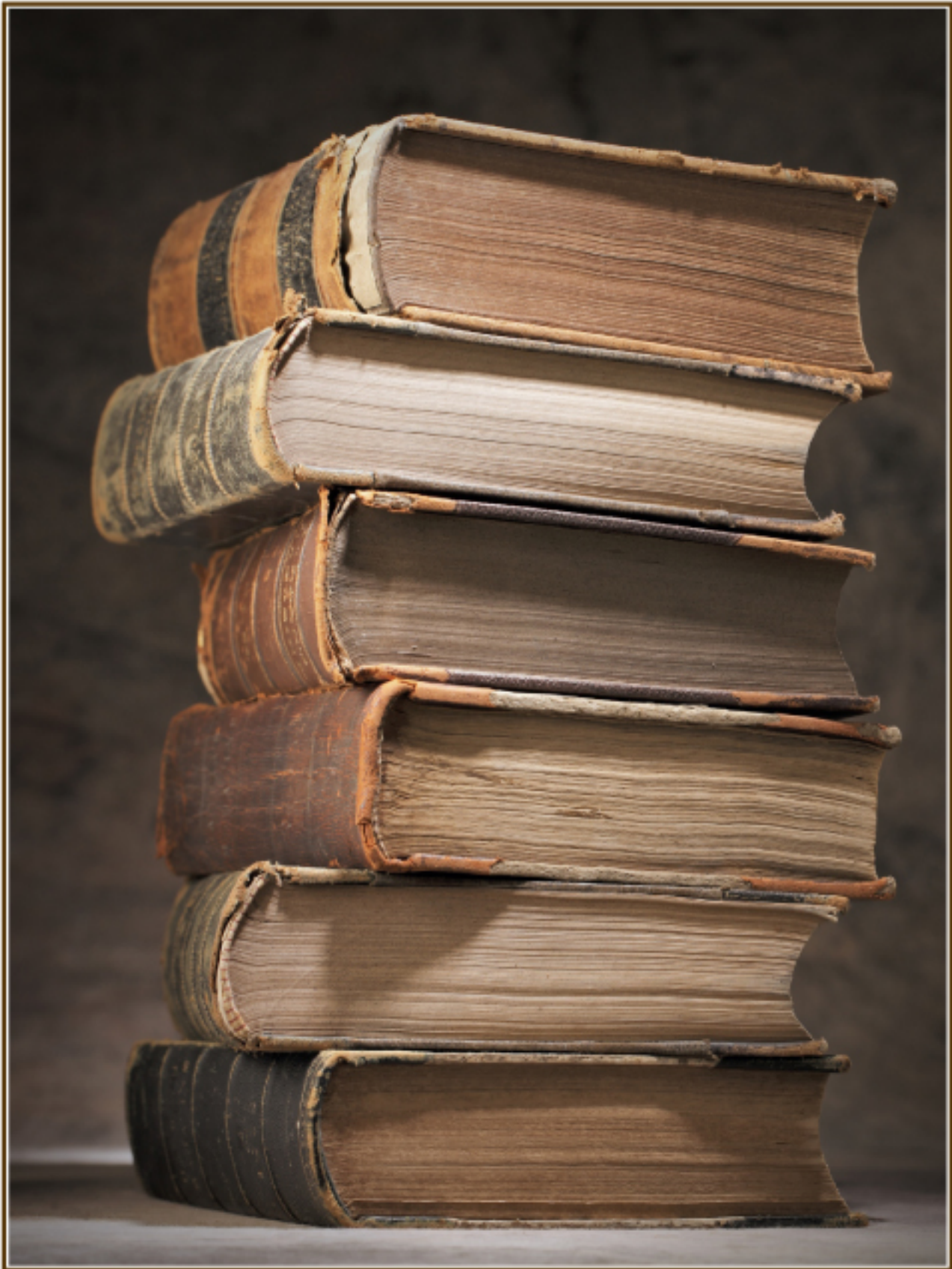

<http://university.iashe.eu> e-mail: university@iashe.eu Phone: + 44 (20) 32899949

GISAP Championships and Conferences 2015

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JUNE			
Technical Sciences, Construction and Architecture	18-24.06	I	Technical progress of mankind in the context of continuous extension of the society's material needs
Education and Psychology	04-09.06	II	Functions of upbringing and education in conditions of the accelerated socialization of the personality in the modern society
JULY			
Philological Sciences	15-22.07	II	Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.07	II	The event-based structure, as well as cognitive, moral and aesthetic contents of the historical process
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	21-27.07	II	Life and health of the person through the prism of the development of medicine, food safety policy and preservation of the biodiversity
AUGUST			
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	05-11.08	II	Modern trends in the intensive development of public relations and actual methods of their effective regulation
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	05-11.08	II	Material objects and their interactions in the focus of modern theoretical concepts and experimental data
Technical Sciences, Construction and Architecture	26-31.08	II	Peculiarities of development of public production means and material recourses ensuring the activity of the person in early XXI century
SEPTEMBER			
Education and Psychology	15-22.09	III	Pressing problems of interpersonal communications in the educational process and the social practice
OCTOBER			
Philological Sciences	08-13.10	III	The role of linguistics and verbal communications in the process of informational support of ethnic originality of nations and their progressive interaction
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.10	III	Factor of ideology and the driving force of human aspirations in the process of historical formation of moral and aesthetic culture
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	04-09.11	III	Modern features of development of Biological science as factors of solution of pressing problems of human survival and the natural environment
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	19-25.11	III	Conditions and aims of development of public processes in the context of priority of liberal values and respect to moral and cultural traditions
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	03-08.12	III	Innovative approaches to the solution of systemic problems of fundamental sciences and matters of practical implementation of innovations
Technical Sciences, Construction and Architecture	16-21.12	III	Combination of factors of productivity, efficiency and aesthetics in modern requirements to functions and quality of technical devices and construction projects

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442032899949
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>